След в Истории

ФРАНСИСКО ФРАНКО

Х.Г.ДАМС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография генералиссимуса Франко (1892–1975) написана немецким историком Х. Т. Дамсом. Впервые на русском языке издается оригинальная работа о жизни и деятельности одного из крупнейших политиков Испании XX века — каудильо и главе государства, на протяжении почти сорока лет вершившего судьбами страны, — Франсиско Франко Баамонде.

Рассчитана на широкий круг читателей.

- Хельмут Гюнтер Дамс
  - Генералиссимус Франко в исторической ретроспективе: либеральный диктатор или консервативный реформатор?
  -
  - ПРОИСХОЖДЕНИЕ. ЮНОСТЬ
  - ГРУЗ ИСТОРИИ
  - ВОЙНА В МАРОККО
  - ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА
  - РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
  - ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
  - ВНЕ ЗАКОНА
  - КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ
  - НОВЫЕ КРИЗИСЫ И ПЕРЕЛОМЫ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - Приложение 1
  - Приложение 2
  - Приложение 3
  - ХРОНОЛОГИЯ
  - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- 52
- 53
- 54
- 55
- 56

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

Хелльмут Гюнтер Дамс

ФРАНСИСКО ФРАНКО

СЕРИЯ «СЛЕД В ИСТОРИИ»

Хелльмут Гюнтер Дамс

ФРАНСИСКО ФРАНКО

Солдат и глава государства

«Феникс»
Ростов-на-Дону
1999

Генералиссимус Франко в исторической ретроспективе: либеральный диктатор или консервативный реформатор?

Один из самых знаменитых британских политиков XX века сэр Уинстон Черчилль как-то раз, упомянув Франко, назвал его «тираном с ограниченными взглядами». Именно такой образ Франсиско Франко — кровавого диктатора и солдафона — преобладал в литературе о нем еще при жизни каудильо. Славословие официальной франкистский прессы, сравнивавшей главу государства с императором Карлом V, Цезарем, Наполеоном, Александром Македонским, заявлявшей о том, что Франко — «моральный вождь антикоммунистической Европы», «поборник свободы, защитник христианского Запада, гордость расы, гений из гениев», лишь еще больше подчеркивало кажущуюся справедливость этой нелицеприятной оценки.

Все отзывы о Франко его современников неизбежно носили конъюнктурный характер. Ничего удивительного в этом нет. Франко был слишком заметной и влиятельной фигурой на европейской политической сцене, слишком во многом оказался замешан в разные периоды своей жизни, для того чтобы избежать подчас весьма откровенных оценок как своих сторонников, так и своих противников. Левые не могли простить Франко организации мятежа 1936 года, переросшего в затяжную и жестокую гражданскую войну, унесшую миллион жизней, повлекшую низвержение республики и установление диктатуры; «фалангисты» возмущались тем, что каудильо открыто заигрывал с католической церковью и вернул Испанию в лоно монархии: германские нацисты и итальянские фашисты обвиняли генералиссимуса в неблагодарности за то, что он не оказал должной помощи фюреру и дуче в годы второй мировой войны и даже подозревали его в откровенной трусости. «Франко, — писал в своих дневниках Геббельс, — это явно пуганая ворона. Он очень пыжится, когда случай представляется ему благоприятным; но когда возможность ускользает, он снова становится робким и трусливым»[1].

Традиция изображать Франко расчетливым и жестоким диктатором, лицемерным и изворотливым политиком, по понятным причинам, более всего была характерна для работ советских исследователей. На протяжении десятков лет, по сути, единственной доступной массовому российскому читателю литературой об Испании «эпохи Франко» были многочисленные

сборники воспоминаний воинов-интернационалистов, сражавшихся во время гражданской войны 1936–1939 годов на стороне республиканцев против так называемых «националистов» (так именовали себя участники военно-фашистского мятежа, который возглавил генерал Франсиско Франко)[2].

В трудах об Испании общего характера, опубликованных в СССР, их авторы, как правило, не пытались глубоко и всесторонне описать жизнь и деятельность Франко. Преимущественно они ограничивались лишь внешними характеристиками генерала как «способного и коварного политического деятеля», ставленника правящих классов Испании, педантичного олицетворения власти военщины, поддержанной «самыми черными силами реакции»[3].

В исследованиях, претендовавших на более подробное рассмотрение отдельных аспектов испанской истории во времена франкистской диктатуры, при всем богатстве фактического материала идеологические установки тем не менее оставались неизменными[4].

Лишь в последнее десятилетие появились сочинения, в которых отечественные историки попытались ответить на вопрос: «Так каким же он был, последний диктатор в Западной Европе, почти 40 лет правивший Испанией?»[5].

Постепенно, освобождаясь от идеологической зашоренности, российские исследователи сумели дать более взвешенную оценку режиму, установленному генералиссимусом Франко в Испании в 1939 году и благополучно просуществовавшему в стране (хотя и не без ряда важных модификаций) вплоть до смерти каудильо, последовавшей 20 ноября 1975 года.

Верно заметил П. Ю. Рахшмир: «Во франкистской Испании традиционная элита оказалась намного сильнее фашистской партии — фаланги.

Сам Франко был ближе к традиционному типу военного диктатора, чем к тоталитарному вождю. Там (в Испании. — *А. Е.*) тоталитарный режим фактически не сформировался, дальше авторитаризма с фашистскими чертами дело не пошло, что облегчило эволюционный переход к парламентской демократии»[6].

У истоков современной Испании со всеми его достоинствами и недостатками, вне зависимости от того, какие чувства он вызывает, находился Франко, ибо в «период с 1939-го по 1947 год… Испания была в государственно-правовом отношении неясно определенной диктатурой во главе с генералом Франко»[7].

Во всяком случае, сам каудильо еще в начале 60-х годов отзывался о режиме, создателем которого он был, как о

преобразившем Испанию в течение последних 25 лет»[8]. У него были веские основания для этой, прямо скажем, достаточно лестной самооценки.

В те годы, когда он находился у власти, был сделан решительный шаг к модернизации испанской экономики, и уже «в начале 70-х годов Испания заняла пятое месте в Западной Европе по объему промышленного производства». За десяток лет перед тем генералиссимус распорядился соорудить мемориальный комплекс в «Долине павших», где был перезахоронен прах «победителей» и «побежденных» в гражданской войне 1936–1939 годов. Это должно было, по его мнению, символизировать примирение «двух Испаний», на которые раскололось испанское общество во второй половине 30-х годов[9]. А еще двенадцатью годами раньше, в результате плебисцита, или, как выражался сам Франко, «прямой консультации с нацией», генералиссимус пришел к мысли о необходимости официально восстановить монархию. Кандидатом в короли стал внук умершего в изгнании Альфонса XIII — Хуан Карлос. «Сам прагматик, Франко большое значение придавал практическому воспитанию будущего монарха. Хуану Карлосу вменялось в обязанность регулярно посещать различные министерства и ведомства для обретения опыта государственного мужа…»[10] После смерти диктатора именно его назначенцу Хуану Карлосу выпала честь осуществить переход от авторитарной системы Франко к демократии. Так что, как это ни парадоксально звучит, без Франко был бы вряд ли возможен тот политический консенсус, который характерен для Испании сегодняшнего дня.

Разумеется, при всем многообразии оценок, переоценке подлежит далеко не все из «наследия Франко». На том основании, что он был яростным антикоммунистом, его никак нельзя считать демократом, равно как и наличие представительных органов власти в «эпоху Франко» вовсе не означало того, что в Испании отсутствовал диктаторский режим. Каудильо, безусловно, был диктатором, но диктатором достаточно дальновидным для того, чтобы своевременно перестроиться, провести реформы, продиктованные самой жизнью, пойти на некоторую либерализацию авторитарного по своей сути режима.

Испания времен Франко, как и сам генералиссимус Франко, давно уже стала частью истории, а историки еще раз получили возможность обратиться к изучению трагического опыта, который приобрела в годы франкистской диктатуры страна на Пиренейском полуострове. Это важно хотя бы лишь для того, чтобы не пережить ничего подобного вновь на практике.

А. А. Егоров

Моему другу д-ру Хосе Артигасу

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. ЮНОСТЬ

Для характеристики испанцев имеется немало выразительных свидетельств. Рамон Менендес Пидаль отмечал хладнокровие, душевное спокойствие испанцев, их стойкое безразличие к материальным благам, способность ограничиваться лишь жизненно необходимым. Но в то же время указывал на зачастую ошеломляющие перепады настроений: братские чувства сменяются дикой ненавистью, религиозный пыл — сомнениями, разъедающими веру. Хосе Ортега и Гассет, а также Мигель де Унамуно{1} отмечали несколько противоречивый образ мыслей своих земляков, которые почти не допускают переходных ситуаций, промежуточных состояний и компромиссов, тем не менее зачастую позволяют внезапно увлечь себя на чью-либо сторону.

Легко поддаться искушению оценивать всех испанцев по этой схеме. Однако не существует готового образца для воспроизведения портрета каждого отдельно взятого человека. Выдающаяся личность не укладывается в шаблоны, даже тогда, и именно тогда, когда ее жизненный путь близок к завершению и уже стал фактом определенной исторической эпохи, что и произошло с личностью генералиссимуса Франсиско Франко. Откровения эссеистов ценны отчасти лишь для общей характеристики социальной и политической ситуации.

Малая родина Франко — Галисия, прибрежный край на северо-западе Испании, отличающийся влажным климатом. Покрытые лесами, часто затянутые туманами, горы, пастбища, поросшие папоротником пологие холмы, морские бухты, изрезанные, словно фьорды, ледниковые озера не имеют себе подобных на Иберийском полуострове. Население северо-западных провинций — это совершенно особая среда. «Галлегос»[11], состоящие в родстве с португальцами из-за близости границы по реке Миньо, — натуры задумчивые, сдержанные и осторожные, встречающие с недоверием и чужаков, и новые идеи.

Говорят, что Франко — типичный «галлегос». Это достаточно нормативное утверждение упускает из вида то обстоятельство, что его предки по отцовской линии не принадлежали к коренному населению, а лишь около 1700 года переселились из Андалусии и без каких-либо промежуточных остановок осели в Эль Ферроле, где, будучи переселенцами, вряд ли контактировали с галисийцами-провинциалами. Кстати, семья так до конца и не усвоила своеобразную интонацию речи

«галлегос».

Город, в котором Франсиско Франко 4 декабря 1892 года родился и провел первые пятнадцать лет жизни, являлся базой военно-морского флота. Его здания вытянулись вдоль широкого устья реки и словно глядят прямо в дали мирового океана. Несмотря на сравнительную молодость, Эль Ферроль, построенный при короле Филиппе V (1700–1724)[{2}], имеет бурную историю. Множество судов, целые флотилии отправлялись отсюда в сражение против голландцев и британцев, морских разбойников и мятежников, или выходили в океан, взяв на борт вице-королей, комиссионеров и переселенцев. На пирсах почти всегда толпился народ, возвратившийся домой из плавания, или приезжие чужестранцы.

Жизнь большинства горожан была каким-либо образом связана с военно-морским флотом и с заокеанскими землями. Франсиско Франко с молоком матери впитал в себя приверженность этим прочным традициям. Оба деда были генерал-интендантами флота. Отец также сделал административную карьеру и уже дважды побывал на Филиппинах, тогда еще испанских.

У Николаса Франко и Сальгадо Араухо и его жены Пилар Бахамонде было трое сыновей и две дочери: Николас, Франсиско и Рамон, Пас и Пилар. Они подрастали под надзором матери, которая большую часть времени проводила дома, предоставляя супругу свободу исполнять свои обязанности в семье и предаваться удовольствиям на стороне. Так часто происходило в испанских семьях среднего класса; это вовсе не свидетельствует о постоянных разногласиях между супругами, и тем более о каких-либо нарушениях в развитии детей. Позднее братья и сестры охотно вспоминали о родительском доме. Их юность протекала счастливо.

Братья были совершенно не похожи друг на друга. Старший, Николас, — натура беззаботная и несколько экзальтированная, по-видимому, больше всех напоминал отца. Рамон соединял в себе интеллект, решительность и отвагу — три качества, благодаря которым ему первым из испанцев удалось совершить перелет через Южную Атлантику. Франсиско был худ, почти тщедушен, с большими, затененными ресницами глазами и оттопыренными ушами. В детском возрасте он порой казался задумчивым или погруженным в мечты и нерешительным, однако всегда принимал участие в неугомонных играх братьев и сестер.

Мать была женщиной серьезной и богобоязненной, но ее религиозное воздействие на среднего сына оказалось, по-видимому, столь же незначительным, как и влияние старинной

школы иезуитов «Санта Крус»[3], которую Франсиско посещал до того, как его приняли в военно-морское училище, Колегио де ла Марина. Во всяком случае, в кругу друзей юный Франсиско слыл не слишком благочестивым. Впрочем, поведение его было вполне привычным для тогдашнего времени. Хороший аттестат открывал перед пятнадцатилетним юношей желанную карьеру военного моряка, однако новые оборонительные планы, разработанные мадридским правительством, внесли в нее существенные коррективы.

ГРУЗ ИСТОРИИ

В результате отречений Карла IV и наследника престола Фердинанда (VII), совершившихся под давлением Наполеона, Испания утратила прочное единство (1808)[4]. С той поры наблюдалось резкое противостояние совокупности традиционных представлений и ценностей, в очередной раз упрочившихся в борьбе против французского нашествия, и потока новых, революционных идей. В период, когда эти две системы ценностей служили источником политических аргументов для различных регионов, партий и социальных групп, а также для двух ветвей династии, пребывающей в состоянии раскола, мир внутри страны безнадежно расшатывался.

Во время освободительной войны (1808–1814)[5] кортесы[6] в Кадисе дали стране конституцию, соответствовавшую духу времени (1812). Прочно закрепляя существование королевской власти, она, однако, основывалась на суверенитете народа и таким образом последовательно подводила к разделению сил. Депутаты стремились к введению всеобщих выборов и созданию системы представительной ответственности. Из старых институций[12] Испании были упразднены в первую очередь инквизиция, обязательная принадлежность к цеху[7] и все помещичьи привилегии.

Король, на тот момент еще находившийся во французской эмиграции[8], заявил о своем желании следовать новому государственному порядку. Однако вскоре после возвращения он отрекся от данного обещания (1814). В этой связи разгорелся ожесточенный спор между либерально настроенными эксальтадос (exaltados) и Фердинандом VII. Противники абсолютизма получили поддержку со стороны торговых городов, открытых навстречу мировой цивилизации, масонских лож и части офицерского корпуса. За спиной государя стояли многие крупные землевладельцы, а также мелкое крестьянство и ремесленники, и не в последнюю очередь церковь, в том числе орден иезуитов, в свое время изгнанный из Испании, а теперь вновь получивший право на существование.

Несмотря на то, что соотношение сил складывалось, казалось бы, благоприятно для короны, Фердинанд VII вновь оказался в весьма сложном положении. В один прекрасный день королю даже пришлось дать торжественную клятву впредь править только в соответствии с конституцией (1822). Правда, после того как французские оккупационные войска освободили его из столь затруднительной ситуации[9], он отказался и от этого обещания

(1823). Вместо заключения конструктивного компромисса между враждующими лагерями со стороны, одержавшей незаслуженную победу, последовали акты мести. Охота на эксальтадос и прочих либералов завершилась лишь со смертью монарха (1833).

Вскоре начались новые серьезные раздоры. Брату Фердинанда Дон Карлосу не удалось захватить в свои руки скипетр, ибо Мария Кристина, четвертая супруга покойного, убедила мужа перед смертью внести изменения в право престолонаследия{10}. Будучи регентшей при своей несовершеннолетней дочери Изабелле, вдовствующая королева, остро нуждающаяся в политической поддержке, издала указ, частично идущий навстречу стремлениям либералов (1834). Последние перед лицом соглашательской конституции разделились на две партии. Умеренные (модерадос) теперь поддерживали корону, в то время как радикальное крыло (прогресистас) продолжало оказывать сопротивление.

Принц Карлос поднялся против Марии Кристины. Он нашел крепкую опору в церковных кругах, ибо предстояло отчуждение земельной собственности церкви, а она насаждала мнение о том, что либерализм принесет Испании и католической вере одни лишь несчастья. Сельское население баскских провинций и сравнительно зажиточные крестьяне Наварры, Арагона и Каталонии также опасались сокращения своих исконных прав со стороны новой центральной власти, поэтому взялись за оружие в поддержку претендента на престол.

Первая карлистская война (1834–1840) закончилась достижением взаимопонимания между верховными генералитетами обеих сторон. Дон Карлос был вынужден отправиться в изгнание. Крестьяне северных провинций получили подтверждение своих привилегий. Многочисленные лидеры повстанцев влились в регулярную армию, которая теперь едва ли служила обороне страны, а скорее выродилась в гетерогенный[13] внутриполитический фактор, порождающий военные хунты и служащий поддержке пронунсиаментос [14].

В период войны борьба за переустройство государства продолжалась. В различных регионах восстали войска и принудили Марию Кристину к созыву кабинета, состоящего из представителей крыла прогресистас. Новая конституция, принятая в 1836–1837 годах, могла считаться компромиссом между старой конституцией (1812) и Estatuto Real (Королевским статутом) 1834 года. Сколь-нибудь значительного политического веса она не имела. Дальнейшие решения принимались почти исключительно военными.

Порой во взаимном противостоянии, порой объединяясь друг

с другом, действовали генералы Рамон Мария Нарваэс, Бальдоморо Эспартеро, Хосе де ла Конча, Франсиско Серрано, Леопольдо О'Коннелл, Хуан Прим и Пратс, Арсено Мартинес Кампос, становясь на сторону то модерадос, то прогресистас или либерального союза.

Генералы приходили к власти, становясь фаворитами, или в результате путча. Они подавляли восстания и отражали попытки вторжения. Некоторые из них втягивали Испанию в иностранные авантюры. Другие создавали правительства и вносили изменения в конституцию. В первую очередь военные распоряжались троном. Так, Марию Кристину трижды отправляли в изгнание и дважды возвращали (1840; 1843; 1847; 1854), ее дурно воспитанная дочь Изабелла II уже в возрасте тринадцати лет была объявлена совершеннолетней (1843), однако после длинного ряда скандалов изгнана (1868)[{11}].

Последовали годы еще более бурные. Восстания постоянно держали хунту либерально настроенных генералов в напряжении. Амадео Савойский, при ее поддержке избранный испанским королем, отрекся от престола уже в 1873 году. Спешно провозглашенной республике угрожали волны новых мятежей. Пять крупных городов объявили себя «кантонами» и обратили оружие против Мадрида. Страна басков, Наварра и Каталония предоставили соединения добровольцев, по численности равные дивизиям, в подчинение внука Дон Карлоса-старшего, который и вышел во главе их к Эбро.

Вторая карлистская война (1872–1876) ослабила импровизированную республику, пронунсиаменто смел ее с лица земли (1874). Затем несколько генералов объединились вокруг Альфонса XII, достигшего совершеннолетия сына изгнанной королевы Изабеллы II, одержали решающие победы над карлистами и вынудили молодого Дон Карлоса бежать. Испания стала конституционной монархией (1876).

Альфонс XII безвременно скончался в возрасте 28 лет (1885), и регентшей на этот раз при сыне, родившемся уже после смерти отца-короля, была вновь назначена вдовствующая королева. Тем временем Антонио Кановас дель Кастильо[{12}], придерживавшийся либерально-консервативных взглядов, вел оригинальную игру. Он достиг с лидером оппозиции Паранседесом Матео Сагастой[{13}] соглашения о созыве кортесов, так что стало возможно произвести смену власти между двумя крупными партиями. Такая политика, хоть и не затрагивала конституции, ограничивала свободное право голоса и давала волю коррупции, однако в результате наступило некоторое спокойствие.

В период установления двухпартийной системы (турисмо)

посланцы различного толка несли в Испанию новые политические идеи. Бакунин{14} устами некоего итальянца пропагандировал анархизм. Маркс направил своего зятя{15} распространять научный социализм. Анархисты организовывали тайные союзы и небольшие кружки, а временами и крупные федерации. Марксисты основали Partido Socialista Obrero de Espana (Социалистическую рабочую партию Испании), а вскоре возглавили возникший в 1888 году Union General de Trabajadores (UGT) — Всеобщий союз трудящихся (ВСТ), всеобщую организацию профсоюзов.

Все это происходило на фоне предельно тяжких социальных бедствий — последствий экономического спада. Он начался в период французского оккупационного режима и достиг критического нижнего предела во время первой карлистской войны. С тех пор в отдельные моменты наблюдалась тенденция к некоторой стабилизации, однако в XIX веке Испании так и не удалось догнать сопоставимые с ней европейские страны.

При подобной бедности и отсталости метрополии все планы развития колоний оставались пустыми словами. Вследствие длительной чужеземной оккупации Испания уже потеряла все иберо-американские владения, а теперь от нее ускользали и последние оставшиеся у нее острова: Куба и Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины.

Вновь возросла роль факторов, лежащих вне пределов Испании. Там, где инвестиции были больше не под силу Испании, образовавшуюся пустоту заполнял доллар, и нетрудно было предсказать, под защитой какого флага он окажется в один прекрасный день. Остальное завершили ошибки мадридского правительства. В начале 1895 года мятежники развязали на Кубе и Филиппинах крупные восстания{16}, а нью-йоркские газеты подготовили почву для вторжения Соединенных Штатов. Кановас, не осознавший возможных последствий происходящего, был застрелен анархистом (1897). Сагаста гордо ответил на вмешательство американцев объявлением войны (1898).

Последовавшее за этим поражение повергло испанский народ в глубокий шок. Нация очень скоро осознала, что утратила свое мировое значение, уходившее корнями в глубину веков, и отброшена назад, к исходной точке. Причины и последствия краха попыталась осветить группа писателей, ученых и философов различного толка, поддерживавших контакт с крупным педагогом Франсиско Гинером де лос Риосом и его Свободным учебным заведением.

Критические труды «поколения 1898 года» произвели впечатление прежде всего на читающую буржуазию, а также на

некоторые круги духовенства и крупных землевладельцев, политические представители которых приступили к проведению давно назревших социальных реформ, однако вскоре дело застопорилось. Со времени убийства Кановаса и смерти Сагасты шел процесс раздробления обеих крупных партий, консерваторов и либералов.

С другой стороны, крепло рабочее движение. Социалистическая партия долго еще не имела ни одного своего депутата в парламенте, однако в среде ВСТ было много ее членов. Между тем обе организации были наводнены анархистами, которые успешно осуществляли свои планы в Андалусии и Каталонии и активнее, чем когда-либо, призывали к насилию. Это ощутил на себе вышедший в 1902 году из-под опеки король Альфонс XIII, на которого было совершено два покушения с использованием бомб.

Когда же правительство для проведения военных операций в Марокко произвело мобилизацию контингентов нескольких призывных возрастов, анархисты и партикуляристы Каталонии развязали кровавый мятеж (1909)[{17}]. Порядок был восстановлен с применением оружия, однако косвенным образом эти события также дали толчок к созданию крупной организации анархистов Confederaciyn Nacaional de Trabajo (CNT) — Национальной федерации труда (НФТ), представлявшей собой чрезвычайно сильный профсоюз.

ВОЙНА В МАРОККО

История XIX века оставила Испании сложное наследство. Ученик школы иезуитов Франсиско Франко вряд ли осознавал это, однако и его некоторым образом коснулись события несчастливого 1898 года: гибель многих моряков из Эль Ферроля и более умеренная военно-морская политика Испании, результатом которой явилось сокращение личного состава. Николасу, старшему брату, удалось избрать карьеру военного моряка; младшему же не оставалось ничего другого, как подать прошение о приеме в армию.

В 1907 году Франсиско Франко поступил в пехотную академию в Толедо. Поскольку он все еще выглядел весьма тщедушным, ему намеревались вместо тяжелой длинной винтовки выдать легкий карабин, который новичок, впрочем, с гордостью отверг. Тяжелые тактические учения на местности и постоянные занятия спортом постепенно закалили его тело. История, военная наука и топография давали пищу духовную. Учеба в академии закончилась экзаменом, успешно выдержанным 13 июля 1910 года, и получением чина лейтенанта.

На тот момент новая война в Марокко — если не считать началом этого конфликта столкновения в Мелилье еще в 1893 году — шла уже в течение 10–11 месяцев. Франция, учитывая свое членство в Entente cordiale[15], а также нежелание Англии терпеть присутствие крупной державы к югу от Гибралтара, предоставила северное побережье старого шерифского[16] королевства в качестве сферы интересов ослабленной Испании, тем более что та издавна имела здесь пресидиос[17]. В период, когда французские войска вторглись в Центральное Марокко, перед испанцами стояла задача установления мира на территории Рифа[18].

С 1909 года там велись ожесточенные бои. Мадридскому правительству пришлось провести дополнительную мобилизацию. Семнадцатилетнего Франсиско сочли слишком юным для должности командира в заморской стране; вначале его отправили в Эль Ферроль. Впрочем, гарнизонная служба не могла надолго удовлетворить целеустремленного офицера. Лейтенант попросил бывшего директора академии, теперь командовавшего фронтовым соединением, по численности соответствовавшим полку, затребовать его лично. Этот шаг оказался успешным.

Франко провел в Марокко в общей сложности одиннадцать лет. С 1912-го по 1916-й и с 1920-го по 1926 год он принимал участие в сражениях против рифских кабилов, пройдя путь от лейтенанта до генерала. Солдату редко удается столь быстро

продвинуться по служебной лестнице. Разумеется, «маленький галлего» был весьма озабочен своей карьерой, всегда впереди, всегда внимательный, старательный и пунктуальный. Но все это не сыграло бы столь большой роли, если бы одновременно ему не улыбалось счастье. Оно хранило порой отчаянно смелого офицера от смертельной пули, а сообщения о его успехах поистине самого высокого полета не бывали искажены завистливыми устами.

Характерным для молодого честолюбивого офицера было его стремление к выполнению особых заданий, отличавшихся сложностью. Когда полковник Дамасо Беренгуэр, имея под своим командованием испанский контингент, сформировал полицию из местных жителей (вначале состоявшую преимущественно из алжирцев), переименованную затем в Regulares IndHgenas (туземные регулярные войска), Франко немедленно заявил о своей готовности служить во вновь созданном подразделении. Подобным же образом он позднее стал офицером иностранного легиона.

Лояльность местных жителей, находившихся в составе испанской армии, часто и не без оснований подвергалась сомнению. Однако Франко никогда не имел причин жаловаться на Regulares. Со своими североафриканцами он выиграл пехотные сражения под Хадду-Алла-у-Кадду, Тетуаном и Бени Хосмаром, неоднократно был награжден орденами, а за очередным повышением и производством в звание старшего лейтенанта уже в 1915 году последовало внеочередное, и Франко, достигший всего лишь двадцати двух лет, получил патент и оплетенные в золото звезды капитана.

Среди солдат, набранных из местных жителей, командир пользовался славой «заговоренного от пули». Ведь Regulares в течение нескольких лет несли тяжелые потери, однако Франко ни разу не был ранен. К началу 1916 года из сорока двух офицеров подразделения не имели ранений лишь семь. 28 июня это число сократилось до шести. При штурме хорошо укрепленных высот у Биутца капитан получил огнестрельное ранение в живот.

Его рана была серьезной, поскольку в разгар лета особенно высока опасность инфекции. Раненого не решились куда-либо отправлять и оставили в полевом лазарете. Однако еще до прибытия родителей выяснилось, что пуля, к счастью, не задела кишечного тракта. Франко выздоровел и был отправлен на поправку в Испанию. Несмотря на некоторые сомнения со стороны министерства обороны, возникшие ввиду его малопочтенного двадцатитрехлетнего возраста, по ходатайству марокканской администрации ему было присвоено звание майора (Comandante).

Приняв такое решение, командование не ошиблось. Правда, в Овьедо, гарнизоне, где он теперь служил, Франко называли «маленьким майором» («Comandanthn»), однако каждое утро, когда он верхом отъезжал от гостиницы, на противоположной стороне улицы собиралась кучка его истинных почитателей. Разумеется, среди них не было Кармен Поло и Мартинес Вальдес, благовоспитанной и весьма привлекательной юной дамы, которая отсутствовала то ли из соображений приличия, то ли потому, что ей, девице семнадцати лет, надлежало отправляться в школу.

Семья Кармен принадлежала к числу «индианос»: предки юной дамы сколотили состояние в Америке. Ее отец был сыном видного профессора литературы, мать происходила из астурийского дворянства. Помня о том, что поклонник их дочери, будучи фронтовым офицером, вскоре снова будет подвергаться смертельной опасности, родители не без труда пошли навстречу намерениям молодой пары. Однако согласие в конце концов было дано. Теперь, согласно испанским обычаям, для Франко начиналась долгая пора жениховства.

Но не только поэтому пребывание в Овьедо стало важным этапом в его жизни. Гарнизонная служба, которую он всегда считал скучной, оставляла майору достаточно свободного времени для продолжения учебы, начатой в Толедо. Поначалу Франко занимали преимущественно специальные сочинения о боевых операциях все еще продолжавшейся мировой войны. Позднее к ним прибавились работы по общественным наукам и политэкономии, а также по государственному праву.

Франко постоянно вел беседы с офицерами гарнизона. Речь часто заходила о Танненберге, Люттихе и вердене{18}. Совершенно очевидно, что первая мировая война, в которой Испания участия не принимала, интересовала его больше, чем извечная марокканская трагедия. У некоторых слушателей возникало впечатление, что оригинальное мышление «маленького майора» под стать настоящему стратегу.

События 1917 года прервали теоретические занятия Франко, а затем сообщили им новый толчок. Испания, как и другие нейтральные государства, ощутила на себе последствия потрясения, вызванного русской революцией. Гигантские прибыли, полученные ею в результате торговли с обеими воюющими сторонами, не смягчили социальных противоречий, а углубили их. С 1916 года в среде низшего офицерства существовали тайные Juntas de defensa[19], объединения по типу профсоюзов, которые ставили своей целью проведение социальных преобразований и выдвигали частично левые лозунги. К началу нового года впервые был преодолен раскол

рабочего движения на социалистов и анархистов. 13 августа 1917 года ВСТ и НФТ совместно призвали к всеобщей забастовке.

Эта забастовка, которой предшествовало выдвижение хунтами[20] гибельного для Мадрида ультиматума, должна была привести к падению правящей системы и освободить политическое пространство для социалистической республики. Несмотря на свое шаткое положение и опасные волнения в армии, правительству удалось подавить забастовку с помощью войск. Франко, который, как и большинство офицеров, принимавших участие в военных действиях в Марокко, не примкнул ни к одной из хунт, имел под своим началом подразделение численностью 150 человек и взял на себя выполнение отдельных задач по обеспечению безопасности.

Подчиняясь приказу, он действовал как солдат, стоящий вне политики. Однако знания, приобретенные в предыдущие годы, непроизвольно способствовали пробуждению у него интереса к причинам и ходу развития конфликта. Так, Франко интересовался прибылями предприятий и разницей между закупочной и продажной ценой, размерами заработной платы и условиями труда, сведениями о профсоюзных организациях и методах борьбы в Астурии. При этом он отнюдь не позволил себе принять чью-либо сторону, несмотря на поступавшие из ленинской России известия, которые представляли отдельные справедливые требования бастующих в ложном свете.

В результате бурной деятельности хунт обнаружилось, что возросли противоречия и внутри испанской армии. Процесс деполитизации, начавшийся после первой карлистской войны, приостановился. Подразделения в Марокко, прежде отличавшиеся надежностью, даже отвагой в бою, были измотаны войной, в особенности те, что состояли из призывников.

Это было одной из причин формирования испанского иностранного легиона (Tercio Extranjero). Подполковник Хосе Мильян Астраи, его организатор и командир, был, как и Франко, родом из Галисии и так же, как тот, командовал Tabor Regulares (марокканскими регулярными войсками). Однако встретились офицеры лишь в 1918 году, в период посещения стрелковых курсов в Вальдеморо.

Они стали друзьями на всю жизнь. Мильян Астраи, лично набиравший кадровый состав для нового североафриканского подразделения, предложил молодому коллеге должность своего заместителя. Франко недолго раздумывал. Он отложил уже назначенную свадьбу с Кармен Поло и Мартинес, отправился в Марокко и 20 октября 1920 года прибыл в Сеуту уже в качестве офицера легиона.

В отличие от первого подробности второго периода его пребывания в Марокко достаточно хорошо освещены в документах. Письма, заметки, воспоминания товарищей, дневник Франко — вот источники сведений. В первую очередь его деятельность регулярно находила отражение в сводках высшего командования, поскольку его все чаще привлекали к выполнению сложных задач. Нарисованный с помощью подобных свидетельств портрет Франко является в некотором отношении незаурядным. Разумеется, были и другие командиры, которые, подобно ему, имели обыкновение тщательно изучать сложившуюся ситуацию, перед тем как принять решение и нанести удар. Многие испанцы обладали присущими и ему мужественностью и отвагой (hombria). Необычными же были аскетизм, отчасти даже пуританское поведение молодого офицера, который избегал случайных женщин и чувствовал отвращение к алкоголю и никотину. Прибыв на место, Франко в резкой форме заявил легионерам: «Я не потерплю здесь ни баб, ни попоек, ни сборищ».

Многочисленные документы также проливают свет на черты незаурядного тактика — ловкость, которая отличала его в свое время как политика и государственного деятеля, и немалая уверенность в себе. Франко часто демонстрировал не меньшее терпение, чем охотник в засаде. Он был недоверчив, невозмутим и осторожен, холоден и расчетлив. Однако было бы ошибкой полагать, что перед нами человек медлительный и нерешительный. Нужно было видеть (например, в Уисане, Уад Лау и под Тицци-Асса), как он владел ситуацией на поле боя, принимал молниеносные решения и отдавал приказы, увлекая сражавшихся своим пылом.

Однако результатом любых боевых действий всегда были успехи лишь локального характера. Как и любая сколь-нибудь серьезная колониальная война современности, этот конфликт не оставлял больших надежд на завершение в обозримом будущем. Положение постоянно менялось в пользу то одной, то другой из сторон, однако в 1921 году испанцы совершенно неожиданно потерпели тяжелое поражение: под Ануалом бригада генерала Мануэля Фернандеса Сильвестре, насчитывавшая 15000 человек, была разбита соединениями (harkas) Абд эль Крима.

Правительство пало, но и на долю Антонио Мауры, который в пятый раз стал у руля и с усиленной энергией, словно по мановению волшебной палочки, тут же сформировал новые войска, не выпало сколь-нибудь значительного успеха. Из 140 тысяч солдат, которые были отправлены в Марокко к генералу Хосе Санхурхо в качестве подкрепления, тот не смог должным образом вооружить и 36 тысяч.

Тем временем анализ причин поражения под Ануалом привел к конфликту, имевшему самые серьезные последствия. Содержание заключения вначале замалчивалось. Когда позднее оно было частично опубликовано с оглядкой на Альфонса XIII, который дал Сильвестре неразумный совет, пересуды и всяческие слухи еще больше усилили всеобщее возбуждение. Маура, а вскоре и его преемник были вынуждены уйти в отставку.

Правительство резко изменило политический курс. Оно больше не направляло подкреплений в Северную Африку, а, наоборот, выводило оттуда силы, с тем чтобы свалить непопулярную марокканскую авантюру на плечи значительно сократившейся по численности колониальной армии. В 1922 году Франко также возвратился на родину, однако пробыл там всего несколько недель. Мильян Астраи после ранения стал инвалидом, его преемник погиб, и легиону был нужен новый командир.

Франко вновь пришлось отложить свадьбу. Лишь после того как он захватил форт Тифаруин, осажденный войсками Абд эль Крима, в 1923 году в Овьедо состоялось бракосочетание. Свидетелем был король Альфонс XIII, приславший на церемонию своего заместителя. Командир легиона, получивший звание подполковника, был камергером короля.

За четыре недели до этого события в Каталонии восстал генерал Мигель Примо де Ривера{19} и в ходе пронунсиаменто, к которому присоединились все гарнизоны страны, уничтожил созданное Кановасом коалиционное государство и лишил власти в значительной степени дискредитированную монархию. В первую очередь диктатор предпринял конфискацию документов, касающихся Ануала. Следующей задачей было окончание войны.

Примо де Ривера, прибыв в Северную Африку, встретил там офицеров, у которых запутанные игры политиков вызывали ожесточение и утрату всякого доверия к родине. В дневнике Франко есть такая фраза: «Нация не имеет никакого отношения к марокканской кампании и равнодушно взирает на самоотверженную борьбу своей армии…» Подполковника беспокоили и проект создания колониальной армии, и намерение диктатора вернуть Абд эль Криму часть освобожденных военных баз.

Положение Примо де Риверы напоминало то, в котором сорок лет спустя очутился де Голль{20}, столкнувшись с проблемой Алжира. Генерал стал государственным деятелем. Его занимала теперь не только ситуация, сложившаяся в армии, но и финансовые нужды, серьезные вопросы экономики и политики, не в последнюю очередь и общественное мнение. Именно поэтому он и задумался над тем, сулит ли вообще дорогостоящая

марокканская война какую-либо ощутимую выгоду.

Франко же, напротив, был до мозга костей офицером-фронтовиком. Боец столь юного возраста и столь строгого нрава просто не мог осознать, что все те жертвы и лишения, которых требовала долгая, трудная война в Рифе, по воле бюрократов объявляются бессмысленными. С другой стороны, военная дисциплина мешала подполковнику стать испанским Саланом[21].

В конце июля 1924 года в лагере легиона под Бен Тиебом Примо де Ривера и Франко вели ожесточенные диспуты, и диктатор, по крайней мере, смог утвердиться в мысли, что в момент, когда он в скором времени прикажет оставить все незащищенные высоты и удерживать лишь «полезное Марокко», прибрежную полоску, протянувшуюся от Мелильи к Тетуану, Сеуте и Эль-Араишу, на этом важном участке бунта не произойдет.

Примо де Ривера не был злопамятным. Вновь отличившись, Франко был произведен диктатором в полковники. Постепенно тот даже стал склоняться в сторону альтернативного плана, предложенного командиром легиона: высадка десанта с участием сухопутных и морских сил в Эль-Хосейме. Маршал Петэн{21}, через посредство которого французское правительство стремилось достичь военного равновесия с Испанией в Марокко, счел идею подобной операции разумной.

Высадка в бухте Эль-Хосеймы прошла чрезвычайно успешно. Франко не только внес свою лепту в разработку основной идеи операции, но и первым ступил на берег во главе авангарда. В течение нескольких дней ему удалось под мощным огнем противника удерживать важный плацдарм, пока не стихло волнение на море и франко-испанские эскадры не высадили десант в составе 15 тысяч солдат (1925).

Франко был осыпан наградами. Он получил вторую военную медаль и эмблему командира французского ордена Почетного легиона. Одновременно тридцатитрехлетний полковник стал генералом и главнокомандующим пехотной бригады в Мадриде (1926). После окончания войны, в 1927 году, он сопровождал королевскую чету, которая посетила «армию Африки». В конце концов Мигель Примо де Ривера поставил его во главе вновь созданной Военной академии (1928).

Франко охотно передоверил бы пост главы учебного заведения своему другу Мильяну Астраи, тем более что тот в свое время работал учителем. Однако Примо де Ривера хотел иметь на посту директора академии самого молодого генерала Европы. Это стало одним из последних удачных решений, принятых стареющим диктатором. Позднее он стал все чаще совершать

непоправимые ошибки.

Итак, Франко занимался чтением отчетов из Уэст-Пойнта, Сандхерста и Сен-Сира[22], совершал ознакомительные поездки в Париж и Дрезден и закладывал основы академии в Сарагосе, а Примо де Ривера тем временем своей политикой вызывал отчуждение интеллигенции, большей части офицерского корпуса и короля, который отклонил проведение уже подготовленной конституционной реформы. 28 января 1930 года диктатор ушел в отставку, а семь недель спустя умер в изгнании.

ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА

Альфонс XIII заблуждался, когда надеялся еще раз реанимировать конституцию 1876 года. Этот фундамент был разрушен, а диктатура, ранее встречавшая почти единодушное одобрение, полностью дискредитировала себя. Влияние видных представителей интеллигенции, а также ощутимые последствия кризиса мировой экономики способствовали тому, что вновь возникло желание еще раз возродить к жизни республику.

Король назначил на пост премьер-министра генерала Дамасо Беренгера{22}, затем адмирала Хуана Батутсту Аснара{23}, однако их деятельность закончилась провалом. Они уже не могли пресечь заговор. В среде военных подпольную работу вели генерал Гонсало Кеипо де Льяно и майор Рамон Франко, интересы недовольных слоев буржуазии представлял революционный комитет, который создали Нисето Алькала Самора, Мануэль Асанья{24} и Алехандро Леррус{25} совместно с каталонскими партикуляристами.

Муниципальные выборы 1931 года показали, насколько глубоко затронул перелом все стороны жизни. Почти во всех крупных и средних городах республиканские партии победили подавляющим большинством. Разумеется, из этого надлежало сделать соответствующие выводы. Министр обороны призвал армию обеспечить нации возможность двигаться путем, избранным ею в результате собственного волеизъявления. Генерал Хосе Санхурхо заявил о том, что в случае возникновения беспорядков не сможет поручиться за лояльность Guardia Civil[23].

Одни лидеры монархистов призывали короля вступить в борьбу, другие требовали не допустить гражданской войны. В итоге Альфонс XIII в Картахене поднялся на борт крейсера и покинул страну{26}. Перед этим он через одно из доверенных лиц установил контакт с лидерами республиканцев. Власть перешла к революционному комитету.

Республиканцы с легким сердцем пожинали плоды победы. Леррус осторожно осведомился о позиции Франко. «Будьте спокойны, — сообщалось из авторитетного источника, — этот генерал не занимается нелегальной деятельностью». Впрочем, в том случае, если государственная власть будет «беспомощно валяться посреди улицы», а «отечество погрязнет в анархии», он, разумеется, обнажит шпагу.

15 апреля 1931 года Франко выступил перед слушателями военной академии в Сарагосе и заявил: «Итак, поскольку провозглашена республика и верховная власть находится в руках

временного правительства, мы обязаны соблюдать дисциплину и сплотить свои ряды, с тем чтобы сохранить мир и помочь нации двинуться по верному пути». В момент, когда во многих городах опьяненные победой массы уже отправились жечь церкви и монастыри, генерал твердо придерживался принципов, обусловленных его профессией. На этих же позициях он остался и в последующие месяцы и годы, в период проведения реформистской политики.

Республиканский премьер-министр Мануэль Асанья, чья подпись стояла под новой конституцией, по своей природе не был революционером, а только лишь чрезмерно усердным новатором. К тому же, будучи непризнанным писателем и выпускником школы при монастыре, он испытывал глубоко укоренившуюся неприязнь к старому государству, замкнутому обществу, церкви и военным.

В период пребывания Асаньи у власти был ликвидирован конкордат[24] 1851 года, католицизм как государственная религия упразднен, любые выплаты духовному сословию приостановлены на двухлетний период, орден иезуитов вновь запрещен, широко распространенная система церковного образования расформирована, облегчена процедура развода, одним словом, открыт широкий простор для действия столь желанной якобинской{27} системы принципов антиклерикализма.

Асанья сократил число дивизий с 19 до 9, уменьшил офицерский корпус более чем на 18 тысяч человек и закрыл военную академию в Сарагосе; кроме того, были отменены все повышения в звании за особые заслуги, произведенные во время войны. По-видимому, глава правительства стремился не только навести экономию, но и исключить армию как силовой фактор. Безопасность республики отныне была преимущественно задачей подразделений полиции, называемой Guardia de Asalto[25].

У Франко подобные мероприятия вызывали глубокую обиду. Он считал, что отброшен на третье от конца место в реестре генералов, а после ликвидации всемирно известного учебного заведения в Сарагосе был вынужден несколько месяцев ждать, пока министерство обороны не перевело его в Ла Корунью на должность командира бригады, — он опять же считал это понижением, что, собственно, и соответствовало действительности.

В отличие от Санхурхо, потерявшего свой пост командующего Guardia Civil, Франко сохранял непоколебимое спокойствие. Он использовал период вынужденного ожидания для возобновления когда-то оставленных научных занятий, в частности, в области истории и экономики. По-видимому, не предпринималось

никаких попыток втянуть его в заговор, который готовил Рифский лев с группой офицеров.

Пронунсиаменто генерала Санхурхо закончилось быстро. Восставший гарнизон Севильи капитулировал перед наступлением правительственных войск. Попытка захватить ключевые посты в Мадриде провалилась. Население осталось пассивным. Лидер мятежников сдался властям. Он был приговорен к смертной казни, однако, по предложению Асаньи, помилован президентом Алькалой Саморой и вместе с другими заговорщиками упрятан за решетку. При первом же сообщении о попытке путча Асанья вскочил со стула с криком: «Где Франко?» Когда доложили, что тот благополучно пребывает в Ла Корунье, премьер-министр явно испытал облегчение. Генерала, сохранившего лояльность, должны были принародно наградить; в результате его назначили главнокомандующим Балеарскими островами, однако не преминули отправить вместе с ним начальника штаба, отличавшегося левореспубликанскими взглядами.

Вскоре «эра Асаньи», продлившаяся два года, подошла к концу. Забастовки, покушения, сопровождавшиеся бомбометанием, и кровавая смута в деревне, за которой стояло тайное анархистское общество «Federation Anarquista Iberica» (FAI) — «Иберийская федерация анархистов» (ИФА) — под руководством Диего Абада, Хоакина Аскасо и Федерики Монсени, выдвигавшее лозунги «свободного коммунизма» (communismo libertario), сломали хребет правительству.

В результате новых выборов победа выпала на долю «Confederation de Derechas Autonomas» (CEDA) — «Конфедерации автономных прав» (КАП), сформированной на основе католической партии «Acciyn Popular» («Народное действие») и возглавляемой Хосе Мария Хилем Роблесом{28}. Однако, опасаясь левых партий, оттесненных в оппозицию, Алькала Самора поручил формирование правительства не этому политику, а Алехандро Леррусу, лидеру радикальных республиканцев (партии умеренного толка), для которых выборы оказались почти столь же успешными, как и для КАП.

По окончании «двух красных лет» начались «два черных года» республики. Леррус отменил хоть и поспешные, но отнюдь не неразумные реформы своего предшественника и встретил яростное сопротивление. Левые были недовольны не только тем, что новый глава правительства помиловал Санхурхо и отправил его в Португалию; их возмутили резкие шаги вспять в земельной, региональной, церковной и военной политике.

Если Асанья лишь углубил вечное недовольство

экстремистов, то реакционные меры Лерруса стали для них стимулом. И именно в этот момент коммунисты, предводительствуемые Хосе Диасом[29] и Долорес Ибаррури («Пасионария»)[30], получили из Москвы указание усилить свое до того времени скромное влияние в союзе с другими пролетарскими организациями. Сильное крыло социалистов под руководством Франсиско Ларго Кабальеро[31] и Луиса Аракистайна[32] немедленно выразило готовность к объединению.

С другой стороны, Хосе Антонио Примо де Ривера[33], сын покойного диктатора, основал фашистскую «Falange Espanola» (FE) — «Испанскую фалангу» (ИФ), к которой в Вальядолиде примкнули организованные по типу профсоюза «Juntas de Ofensiva Nacional-Sindicalista» (JONS) — «Объединения национал-синдикалистского наступления» (ОНСН). Сугубо правоэкстремистскими были формирование карлистов «Requetes» («Добровольцы»), готовое осуществить переворот, и основанная молодыми офицерами организация «Uniyn Militar Espanola» (UME) — «Испанский военный союз» (ИВС).

Оба лагеря вооружались в преддверии ожесточенных столкновений. После того как партикуляристы Каталонии и карлисты Наварры первыми сформировали военизированные боевые формирования, Ларго Кабальеро призвал к созданию революционной армии. К его «Alianzas Obreras» — «Союзу труда» — уже примкнули коммунисты и анархисты. Отряды молодежи спешно обучались и, если хватало запасов, вооружались.

Франко в тот период предпочитал штудировать историческую литературу: покорение Балеарских островов королем Хайме I. Впрочем, в то же время генерал более пристально наблюдал за ходом политического развития. Однако оно еще не слишком занимало его, он еще не был готов вмешаться. Лишь недавно он отклонил просьбу «Action Popular» о выставлении своей кандидатуры. А совет, который он дал в ответ на письменную просьбу Хосе Антонио Примо де Риверы, ни к чему не обязывал.

Однако, несмотря на всю сдержанность генерала, его внутренняя заинтересованность происходящим возрастала. Несколько лет он был подписчиком выходившего в Женеве «Bulletin de L'Entente Internationale Anticommuniste» и из этого журнала черпал обширную информации о советской власти и Коминтерне. Благодаря этому Франко был знаком с тактикой левых экстремистов, и организованное ими восстание не явилось для него неожиданностью.

Благоприятным исходным моментом для мятежа стал один из многочисленных правительственных кризисов. 5 октября 1934

года ВСТ (Всеобщий союз трудящихся — «Union general de Trabajadores», — профсоюзный центр, образовавшийся еще в 1888 году) провозгласил начало всеобщей забастовки. Ввиду значимости выдвигаемых лозунгов он взял курс на вооруженное восстание. Впрочем, толпа, ринувшаяся на административные кварталы Мадрида, была рассеяна несколькими оружейными залпами, а отряды Луиса, который провозгласил независимую Каталонию («Estat Catala), но не получил подлинной поддержки со стороны ВСТ, НФТ и ИФА, после короткой перестрелки были вынуждены сдаться.

В Астурии коммунисты, социалисты и анархисты выступали заодно. Они перерезали все транспортные магистрали своей отдаленной области, захватили оружейный завод в Трубиа и выступили крупными силами, в 10–15 раз превышающими по численности местные гарнизоны, в Овьедо и Хихон. После захвата этих городов восставшие намеревались провозгласить там социалистическую республику.

Министр обороны пригласил Франко в качестве военного эксперта. Поскольку связь с Астурией почти отсутствовала, а резервов в достаточном количестве в близлежащих районах не было, тот посоветовал подтянуть войска из Северной Африки. Леррус не видел причин возражать, ведь Асанья уже использовал эти силы против Санхурхо.

Франко не занимал какой-либо определенной штатной должности, однако фактически действовал как глава Большого генерального штаба (Estado Mayor Central). Он приказал погрузить три батальона легиона, подразделение Tabor Regulares, два пехотных батальона и горностелковое соединение на быстроходные военные суда в Сеуте и отправить в Астурию, где они совместно с другими войсками к 15 октября 1934 года подавили восстание.

Правые республиканцы во главе с Леррусом весьма охотно добили бы побежденного противника, однако Алькала Самора предостерег их от этого шага. Партии и профсоюзы левых дали клятву мщения. Они с жаром обвиняли африканских солдат в жестокости и горячо приветствовали Ларго Кабальеро и Асанью, арестованных, но вскоре выпущенных на свободу, как мучеников неудавшейся «октябрьской революции».

Франко, сам того не желая, в результате своей деятельности в качестве командующего приобрел больший, чем когда-либо, политический вес. Так же, как когда-то левый республиканец Асанья, его теперь ценил и выдвигал правый республиканец Леррус. Генерал стал главнокомандующим в Марокко, впрочем, несколько месяцев спустя возвратился в Мадрид, чтобы взлететь

еще выше, на пост главы Большого генерального штаба.

Новое правительство Лерруса с помощью министра обороны Хиля Роблеса стремилось противостоять разложению армии, начавшемуся с введением реформ Асаньи. Состояние армии было плачевным. Офицерский корпус пришел в упадок, личный состав подразделений деградировал, его боеспособность оставляла желать много лучшего, вооружение и боевая техника не соответствовали современному уровню. Во всем проявлялись последствия разрушительной деятельности радикальных групп. Изучая аналитические материалы, Франко пришел к выводу, что не менее 25 % призывников сочувствуют революции.

Новый глава генерального штаба искал возможности для устранения столь вопиющих нарушений в армии. С согласия Хиля Роблеса, он удалил офицеров, которые своим положением были обязаны лишь Асанье, и заменил их опытными ветеранами марокканской войны. Особая разведывательная служба наблюдала за подрывной деятельностью экстремистов, дезорганизующей армию. Франко позаботился и о более совершенном, откладывавшемся из года в год, вооружении, к примеру были введены стальные каски.

Некоторые из этих нововведений позднее приобрели политическое звучание. После потрясших страну восстаний как правой, так и левой направленности любой военачальник, занявший пост главы генерального штаба, не смог бы закрыть глаза на все возраставшую склонность широких кругов испанского народа к экстремизму и насилию. Однако, несмотря на это, Франко все еще был убежден, что только правительство может принимать решения о том, в какой момент военные должны вмешаться в развитие событий и каков будет характер их действий.

Тем временем Леррус ушел в отставку, на политической арене появились Хоаким Чапаприета и Мануэль Портела Валладарес, и взоры испанцев в ожидании были обращены на Франко, по-прежнему возглавлявшего штаб. По всеобщему убеждению, он был монархистом, и это соответствовало действительности. Тем не менее наряду с альфонсистами генерал Франко представлялся спасителем и карлистам, и аграриям, и клерикалам, и умеренным республиканцам, и членам ОНСН, и фалангистам, то есть всем тем, кто опасался новых актов революционного насилия со стороны левых радикалов.

В запасе имелась форма политической интервенции собственных военных, уже более ста лет хорошо известная каждому испанцу-пронунсиаменто. Однако ошибался тот, кто ожидал от Франко конспиративных шагов и решительного

личного вмешательства в традиционном духе: глава штаба был слишком осмотрителен, чтобы стать заговорщиком или путчистом.

Это соответствовало и натуре генерала, и его стратегическому опыту. Многие из числа военных питали иллюзию, что посредством государственного переворота можно расчистить пространство для создания более совершенных условий. Франко же ни на минуту не упускал из вида перспективу революции, надвигающейся со стороны левых экстремистов. Ему было известно, что любому кружку заговорщиков, который ворвется в результате путча в гущу этого стихийного движения, понадобится немало сил и выдержки для затяжной гражданской войны.

На VII конгрессе Коминтерна{34} (25 июля — 30 августа 1935 года) на Диаса и Пасионарию была возложена обязанность поддержать Народный фронт (Frente popular — Френте популар) при помощи всех сил рабочего класса и антифашистских буржуазных элементов. Прочим партиям Испании нечего было противопоставить такому единству действий.

К началу 1936 года, накануне очередных выборов в кортесы, большинство наблюдателей все же ожидало решающей победы КАП. Франко, который, будучи военным стратегом, предполагающим любой исход, тем временем принял меры предосторожности и через офицера связи запросил генерала Эмилио Мола, верховного главнокомандующего войсками в Марокко, о возможности немедленной отправки в Испанию подкреплений. Краткий ответ гласил: «Все готово».

В ходе предвыборной борьбы буржуазная Испания содрогнулась перед лицом зловещего предупреждения. «Я социалист-марксист, — провозгласил Ларго Кабальеро. — Поэтому я заявляю: коммунизм — это естественное развитие социализма, его последняя и окончательная фаза. Если странице будет суждено перевернуться, то правым недолго придется скулить о милосердии. Мы не пощадим жизни своих врагов… Если правые не провалятся на выборах, то мы применим против них другие средства».

Глава генерального штаба едва ли обращал внимание на подобные эскапады, поскольку в конце января 1936 года был командирован в Лондон в качестве представителя Испании на церемонии погребения короля Георга V[26]. На обратном пути, во время четырехдневного пребывания в Париже, Франко в беседе с либерально настроенным политиком, врачом Грегорио Мараньоном, высказал надежду на то, что на родине вскоре наступит спокойствие.

Вопреки догматически устаревшим представлениям политиков И ФА, НФТ около 1,2 миллиона членов ее профсоюзов, до сих пор обычно саботировавших выборы, в массовых количествах голосовали за партии только что возникшего Народного фронта. И, наконец, к блоку НФ примкнула и троцкистская группа, позднее оформившаяся в партию «Partido Obrera de Unificacion Marxista» (POUM) — «Марксистская объединенная рабочая партия» (МОРП).

Таковы были предпосылки выборов 16 февраля 1936 года, приведших к двояким последствиям. Казалось, что невозможно было сразу же точно определить вотум 13,5 миллиона испанцев, имевших право голоса. Поначалу число голосов, поданных за левых и правых, не намного отличалось (4 206 156 за левых и 3 783 601 за правых), а партии центра явно не имели большого веса (681 447 голосов). Однако окончательная проверка, предпринятая новой палатой, показала существенное различие: 4 939 449 голосов за Народный фронт и 3 996 931 за правых.

Тезис поколения 1898 года о двух Испаниях был доведен ad absurdum. Правда, традиционалисты еще существовали, однако теперь им, как ранее фаланга либералов, противостоял, в полном сознании собственной победы, Народный фронт революционных социалистов, анархистов и коммунистов, которые, в отличие от большинства других рабочих партий Европы, позаимствовали для себя лишь очень немногие принципы либерализма, а в большинстве случаев совсем отказались от них.

Бесчисленные толпы приверженцев Народного фронта, неистовствующие массы ознаменовали победу своего дела дикими бесчинствами. Сметались ворота тюрем, освобождались тысячи заключенных, поджигались церкви и монастыри, избивались священники, незаконно захватывались имения землевладельцев в Касересе и Бадахосе. Франко советовал Портеле Валладаресу ввести военное положение. Премьер-министр добился соответствующего решения кабинета. Однако Алькала Самора отменил постановление.

Франко, в течение многих лет занимавшийся изучением экономических и социальных проблем, в отличие от большинства генералов, очень хорошо понимал, почему в рамках Народного фронта пытается взять верх стихийное движение. Испания по многим причинам осталась полуколониальной страной. Лишь во время первой мировой войны ее отсталой экономике улыбнулась незаслуженная удача. В действительности же промышленность Испании не выдерживала никакой конкуренции. Кроме того, таможенные заслоны, установленные со времен мирового экономического кризиса, тормозили сбыт продукции горной

промышленности и экспортных сельскохозяйственных товаров.

Социальные последствия ужаснули бы любого критически настроенного наблюдателя. Из 11 миллионов испанцев, составлявших дееспособное население, 8 миллионов влачили жалкое существование на черте жизненного уровня (2 миллиона мелких крестьян, 2,5 миллиона сельскохозяйственных рабочих, 2,5 миллиона шахтеров и промышленных рабочих, 1 миллион мелких ремесленников). Лишь 2 миллиона составляли средний слой торговцев и крупных ремесленников. Оставался еще 1 миллион, представлявший высший слой крупных землевладельцев и банкиров, интеллигенции и духовенства, чиновников и военных, тех, кто, по утверждению теоретиков социализма, являл собой скопище паразитирующих элементов.

Изменение экономической структуры и ее социальных последствий предполагало гигантские инвестиции. Страна предоставляла иностранным инвесторам немало возможностей для удачных капиталовложений. Производством электроэнергии, промышленностью и горным делом, судоходством и железными дорогами, городским транспортом и телефонными сетями уже в значительной степени управляли консорциумы в Англии, Франции и Бельгии, в США и Канаде. Однако истинную потребность развивающейся Испании в капитале эти инвесторы покрыть не могли.

Большинство испанских политиков в тот период практически совершенно не разбиралось в закономерностях современной экономики. Отсюда и непродуманное начало в целом довольно нерациональной земельной реформы, отсюда и увлечение разного рода утопиями, всеобщее надувательство, на котором многие пытались наживиться, ведь половина нации — около 12 миллионов человек — была неграмотна.

Франко не располагал программой экономической и социальной политики. Он придерживался мнения, что существующие трудности не будут преодолены с помощью революции, а станут усугубляться, вплоть до наступления катастрофы. Генерал не видел другой альтернативы, кроме законности и порядка, надежной основы грядущей переструктуризации. К тому же он не считал, что пронунсиаменто старого образца в состоянии обеспечить введение и сохранение таковых.

В ответ на предложение генерала Мануэля Годеда совершить военный переворот глава штаба отрицательно покачал головой. Однако после того как Портела Вальядарес ушел в отставку и Алькала Самора вновь назначил Асанью премьер-министром, Франко сразу же словно очнулся. Он считал, что этот заклятый

враг военных подобен Керенскому или Карольи[27]. Новое республиканское правительство могло поддержать законность и порядок лишь на некоторое время. Оно нуждалось в парламентской поддержке со стороны партий Народного фронта, революционные вожди которых со временем сами станут у руля государственной политики.

Одной из первых акций Асаньи стала нейтрализация военных, которым он не доверял. Премьер-министр распорядился убрать Франко с занимаемого им ключевого поста и перевести его на Канарские острова, удаленные от Испании на значительное расстояние. Годед был уволен с поста инспектора и отправлен в Пальма де Мальорка в чине капитана. Мола, занимавший должность главнокомандующего североафриканскими армейскими соединениями, был вынужден довольствоваться гораздо менее значительным постом командира бригады.

Франко еще до отъезда из Мадрида примкнул к заговорщикам. Он встречался с Эмилио Модой, Хоакином Фанхулом, Луисом Оргасом, Мигелем Понте, Антонио Саликетом, Хосе Энрике Варелой, Рафаэлем Вильегасом и другими генералами, а также подполковником Валентином Галарсой из ИВС. Обсуждались возможности организации восстания. Молу, назначенному «директором», было поручено заняться объединением всех имеющихся сил. Галарса отвечал за связь. Что же касается Франко, то он высказал желание быть в курсе происходящего.

Без какого-либо ощутимого результата прошла беседа с Хосе Антонио Примо де Риверой, с которым генерал встретился в доме своего зятя Рамона Серрано Суньера. И на этот раз Франко хотел получить сведения о том, какие шаги были предприняты и каковы реальные возможности с национальной стороны для обуздания угрозы революции, исходящей от Народного фронта. В тот период он был еще далек от мысли стать подлинным участником заговора. К тому же он находился на Канарских островах, имея в своем распоряжении лишь несколько боеспособных подразделений.

Мятеж готовил не Франко, а Мола. Асанья, казалось, лишился всякой способности рассуждать здраво в тот момент, когда отправил бывшего главу службы безопасности диктатора Примо де Риверы, генерала, хорошо знакомого с методами конспирации, в Памплону, центр карлистов. Их лидеры, Мануэль Фаль Конде и Антонио Лисарса, действовали весьма умело и уже в течение двух лет поддерживали связь с Муссолини и поэтому располагали деньгами и оружием, достаточными для 7 тысяч добровольцев-карлистов.

Разумеется, «директору» было нелегко. Правительство заподозрило неладное: Варела и Оргас были в порядке взыскания переведены на другое место службы, а Вильегас вышел из числа заговорщиков. Впрочем, ряды их получили несколько сомнительное пополнение: к заговорщикам примкнули прореспубликански настроенные генералы Гонсало Кеипо де Льяно и Мигель де Кабанельяс. Наибольшую трудность представляли переговоры Молы с политиками правого направления.

Хосе Антонио Примо де Ривера и его ближайшие друзья в середине марта были арестованы, а «Испанская фаланга» (ИФ) была запрещена. Хосе Кальво Сотело, спикер монархической организации «Renovation Espanola» (RE) — «Испанское обновление» (ИО), — все еще колебался. Хиль Роблес и его «Конфедерация автономных прав» (КАП) в тот момент также не спешили связать себя обязательствами. Фаль Конде и карлистская «Comunion Tradicionalista» (CT) — «Традиционалистская партия» (ТП) — даже рассорились с генералом Молой, когда тот решительно отверг идею восстановления монархии.

Окончательную ясность должен был внести генерал Санхурхо, назначенный председателем переходного режима, но все еще пребывающий в португальской эмиграции. Он достиг с Лисарсой компромисса, который поначалу был встречен Конде и добровольцами-карлистами с неудовольствием, но в итоге все же одобрен всеми карлистами.

Тем временем республика и без всякого участия заговорщиков-военных неудержимо шла навстречу гражданской войне. Несмотря на постоянное вмешательство гражданской гвардии, повсюду в Андалусии и Эстремадуре, Кастилии и Леоне сельский пролетариат захватывал не только не используемые земли, но и поля, засеянные зерновыми. Абад, Аскасо{35} и Монсени подстрекали крестьян на подобные незаконные действия.

1 Мая 1936 года Народный фронт, как и следовало ожидать, отметил устрашающим военным парадом. Над марширующими колоннами колыхалось море красных знамен, реяли транспаранты с изображениями Маркса, Ленина и Сталина. Представители ВСТ и НФТ/ИФА пели Интернационал, колонны детей скандировали хором: «No queremos catecismo — que queremos communismo!»[28] Тот, кто отваживался выкрикнуть «Viva Espana!», слышал в ответ тысячеголосое: «Patria, no!», «Viva la Russia!».

Стерлись границы между сплоченной группой, объединившейся вокруг Ларго Кабальеро, и отрядами,

отличавшимися крайней свирепостью. Впрочем, Индалесио Прието[36], противник кровавых революционных мер, еще удерживал в своих руках контроль над аппаратом социалистической партии. Но и этому политику не удалось воспрепятствовать функционерам. Последние стояли на более левых позициях и совместно с коммунистами, число которых постоянно росло, создали молодежную организацию во главе с Хулио Альваресом дель Вайо[37], «Juventudes Socialistas Unificadas» (JSU) — «Объединенная социалистическая молодежь» (ОСМ).

С целью не допустить развала партии и поражения на выборах в случае предстоящего роспуска парламента Прието совместно с другими политиками Народного фронта осуществил низвержение Саморы. Президент был смещен с должности большинством голосов в кортесах. На его пост взошел Мануэль Асанья. Новым главой правительства стал Сантиого Касарес Кирога.

Это не означало поворота к лучшему. Прието стремился в конце концов сосредоточить правительственную власть в руках своей партии. Но его надежды рухнули, и вновь по вине Ларго Кабальеро, прозванного «испанским Лениным», который, как и его радикально настроенные друзья, предпочел революцию. При этом коммунисты поступали мудро, сохраняя сдержанность. Они ожидали, когда наступит необходимый, в соответствии с их учением, революционный момент, и старались, по возможности, избежать провокации военного путча.

Даже если достоверность отдельных документов, найденных позднее, может быть оспорена, не подлежит сомнению, что эти экстремисты под руководством видных агентов Коминтерна из Москвы, таких, как Витторио Кодовила и Эрнё Герё, разрабатывали подробные планы переворота. К примеру, в конце следующего месяца всеобщее возмущение офицерского корпуса вызвал документ, обнаруженный службой безопасности Испании, с директивой, датированной 6 июня 1936 года, об уничтожении военных, не отличающихся революционными настроениями.

Информация поступила к Франко вместе с заверенной копией документа, и он отнесся к сообщению настолько серьезно, что распорядился усилить караульные посты. 23 июня 1936 года генерал обратился к премьер-министру с ходатайством о привлечении армии к восстановлению законного порядка. Касарес Кирога оставил это письмо без ответа. Представление о прямых последствиях этих шагов дает хроника военного заговора.

6 июля 1936 года Мола составил перечень распределения обязанностей, где упоминалось и имя Франко. На

главнокомандующего Канарских островов была возложена особо сложная, возможно, решающая операция. Ему предстояло возглавить армию Африки и перебросить это хорошо вооруженное соединение в Испанию.

11 мая во время захода одной из эскадр военно-морского флота в Санта Крус де Тенерифе Франко получил, как он считал, достоверные сведения о том, что флот сможет гарантировать транспортировку соединений североафриканских войск. Разумеется, речь тогда не шла о новой руководящей должности генерала и о его перемещении с острова Гран Канария в Марокко.

Было ясно, что ни один из имеющихся в наличии испанских самолетов не сможет преодолеть столь значительное расстояние. Однако инженер Хуан де ла Сиерва эту проблему решил. С помощью своих английских друзей он зафрахтовал в Кройдоне в агентстве Olley Airways двухмоторный биплан «Dragon-Rapide», который 11 июля 1936 года отправился в так называемый туристский рейс.

С этого момента — после пяти месяцев ожесточенных забастовок и локаутов, охоты на людей, нападений и сцен избиения, мародерства, поджогов церквей и убийств — республика в течение сорока восьми часов прошла путь до полной катастрофы. 12 июля на улице был публично застрелен офицер Сегуридад[29]. 13 июля, вскоре после полуночи, служащие полиции и молодые социалисты выволокли из дома спикера оппозиции Хосе Кальво Сотело{38} и по дороге убили его выстрелом в затылок.

Обе стороны над могилами погибших дали клятву кровавой мести. Десятки тысяч извлекали на свет спрятанное до поры до времени оружие, другие толпами осаждали правительственные здания и требовали выдать им винтовки. Неизвестно, что послужило причиной окончательного решения Молы: убийство ли депутата, совершенное государственными служащими и членами ОСМ, или же революционные события, разворачивавшиеся на улицах. Возможно, его подтолкнул на этот шаг резкий поворот в настроениях карлистов, столь недавно все еще колебавшихся. Два дня спустя генерал произнес ключевое слово: «Семнадцатого в семнадцать».

«Dragon — Rapide» 15 июля 1936 года приземлился на острове Гран Канария. В ночь на 18-е Франко через курьера узнал о «часе ноль», «Alzamiento national»[30]. Генерал отправил жену и дочь в безопасное место, остановил с применением силы начавшиеся было беспорядки и вылетел через Касабланку в Испанское Марокко, где «армия Африки» уже овладела ситуацией и вместе с местным населением восторженно приветствовала нового главнокомандующего.

Другим генералам пришлось не намного труднее, чем Франко. Кеипо де Льяно захватил Севилью обманным путем — подобный шаг удался и в Кадисе, Кордове и Гранаде. Мола немедленно овладел Наваррой, Авалой в стране басков, большей частью Старой Кастилии и Леона, а позднее косвенным образом и Галисией. Кабанельяс захватил врасплох Сарагосу и Западный Арагон.

Однако в двух крупнейших городах восстание потерпело поражение. Годед после тяжелых уличных боев за Барселону, в ходе которых многие каталонские солдаты перешли на сторону отрядов Дуррути{39} и Абада, а большинство участников восстания погибло, был вынужден капитулировать. Подобным же образом обстояли дела у Фанхула, который со своими войсками не смог своевременно покинуть окруженные мадридские казармы.

В тот же день заговорщики получили еще одно роковое известие. Санхурхо, который, как и было условлено, отправился на самолете из Эсторила в Бургос, погиб в результате авиакатастрофы. Поскольку на случай подобных происшествий не было принято никаких решений, у восставших не было инстанции, которая могла бы немедленно приступить к работе в качестве правительства, позаботиться о международном признании и посредством политической пропаганды обратиться к большинству нации.

Поначалу положение, казалось, было невозможно поправить. Правда, Касарес Кирога оставил свой пост, его преемник продержался только двадцать четыре часа, а авторитет нового премьер-министра Хосе Гираля ограничивался лишь Мадридом. Однако у правительства оставалось достаточно средств связи, чтобы запросить у Леона Блюма, главы Народного фронта в Париже, 20 боевых самолетов и 16 орудий с боеприпасами. К тому же приказам действующего центра подчинялся и флот.

Гираль с успехом использовал то обстоятельство, что Народный фронт, сыграв на недовольстве матросов машинного

отделения, уже несколько месяцев назад тайно создал на борту всех военных кораблей «красные ячейки». Эти группы численностью в шесть-восемь человек арестовали или перебили патриотически настроенный командный состав кораблей. В течение нескольких часов погибло около 70 процентов офицеров военно-морского флота Испании.

В результате североафриканские войсковые соединения были отрезаны от метрополии. Франко был вынужден наблюдать, как корабли республиканцев перекрыли пролив между Марокко и Испанией. Его самолеты в создавшейся ситуации ничего не могли изменить. И если даже ему удалось добиться того, что иностранные власти в Танжере и Гибралтаре препятствовали пребыванию «пиратских кораблей» на своих рейдах, это не внесло существенного облегчения.

Вследствие этого Франко отправил парламентеров на самолете «Dragon-Rapide» в Рим для переговоров, в ходе которых Муссолини пообещал предоставить «армии Африки» 12 самолетов «Савойя-81». Другие уполномоченные генерала направились в Байройт к Гитлеру, принявшему решение выделить 20 невооруженных транспортных самолетов Ю-52, на которых будут летать пилоты Люфтганзы, 6 истребителей Хе-51 и 86 солдат военно-воздушных сил Германии.

У обоих диктаторов было немало и других забот, поэтому они довольно неохотно оказывали поддержку. Однако и Муссолини и Гитлер не могли не принимать во внимание, что уже 21 июля 1936 года на совместном заседании Верховного Совета, Коминтерна и Профинтерна в Москве было принято решение об оказании мадридскому правительству военной помощи, а пять дней спустя делегатам всех коммунистических партий предстояло собраться в Праге, чтобы заняться мобилизацией денежных средств и людских ресурсов.

В период с 28 июля по 6 августа 1936 года Франко получил большую часть обещанных самолетов и смог завершить уже начавшуюся переброску своих войск на европейский континент. Эта акция потребовала значительных затрат времени. В течение сентября по воздушному мосту в Испанию было доставлено всего лишь 18 185 солдат и 270 тонн военных грузов. Все орудия, упряжь, вьючных животных и тяжелое оборудование приходилось переправлять на судах.

Собственно говоря, мадридскому правительству удалось бы уничтожить соединения, прибывающие с большими промежутками, ведь в распоряжении Гираля была большая часть военно-морского и военно-воздушного флота Испании и, сверх того, 55 самолетов, доставленных из Франции. Однако силы

республиканцев все больше и больше распылялись, что снижало их боеспособность.

Кроме того, сказывалось то обстоятельство, что не было ни одного крупного оперативного военного соединения, сохранившего верность правительству. Несмотря на то, что в распоряжении республики имелся офицерский корпус численностью около 4000 человек, регулярная мобилизация осуществлялась с неимоверным трудом. Попытки Гираля призвать хотя бы три возрастных контингента успеха не имели, так как натолкнулись на сопротивление анархистов.

НФТ/ИФА, ВСТ, ОСМ, МОРП, левые и коммунисты формировали собственные, не отличавшиеся дисциплинированностью, скверно вооруженные колонны, которые, не признавая никаких правил ненавистного милитаризма, с энтузиазмом самоубийц стремились навстречу противникам Народного фронта на перевалы Сьерры, в Арагон и Андалусию. Небольшие отряды, сформированные из сотрудников милиции, также выполняли роль карательных органов.

Как и опасался Франко, восстание в среде военных не препятствовало революции, а способствовало полному ее развитию. За исключением басков в Гипускоа и Бискайе, которые, надеясь на обещанную автономию, придерживались конституции, левоэкстремисты повсюду, где только могли, заменяли элементы прежней системы комитетами. По прошествии полутора месяцев деятель НФТ Хуан Лопес с полным удовлетворением заявил: «Все органы государства ликвидированы, его политический строй более не функционирует!»

Широко известно, что эти преобразования повлекли за собой уничтожение десятков тысяч людей, в первую очередь священников, монахов и монахинь, муниципальных служащих, судей и чиновников, преподавателей вузов и офицеров (таких, как Годед и Фанхул), а также множества мелких торговцев и крестьян, имеющих земельный надел. Есть сведения и о том, что с самого первого дня ширилось сопротивление со стороны восставших военных. Желание уничтожить врага стало залогом победы.

Революция, осуществленная Народным фронтом, не только смела правовые институты и администрацию, полицию и суд и ликвидировала повсюду, за исключением побережья, заселенного басками, церковь как символ злейших сил, реакции, но и одновременно привела к социализации всех промысловых предприятий и к коллективизации сельского хозяйства.

Следствием этого явился хаос. Решение организационных вопросов было слабой стороной республиканцев, а теперь к этому

добавился и кризис доверия: глубокий страх терроризированного среднего класса и горькое разочарование в среде крестьянства, которое надеялось на получение земли, острые противоречия между либералами, басками и анархистами на фоне резкого падения промышленного производства и растущей нехватки продовольствия.

В этих условиях три военачальника, предводительствующие восставшими военными, одержали значительные победы. Кеипо де Льяно отбросил колонну республиканцев у Кордовы, а Франко взял штурмом Бадахос, расположенный неподалеку от пограничного перехода с Португалией, и установил связь с Молой, войска которого три недели спустя взяли Ирун, а вскоре заняли и Сан Себастьян.

В результате в руках восставших оказалась обширная территория как противовес республиканской Испании, а Бискайя и Астурия были отрезаны от границы, проходящей по Пиренеям; одновременно Португалия, симпатизировавшая восставшим генералам, стала тыловой базой для всех национальных сил на севере и юге. Военная техника и боеприпасы, поступающие через Лиссабон, давали возможность организовать атаку на Мадрид по двум направлениям.

Подготовка наступления была затруднена некоторой несогласованностью во времени. Мола после похода на Гипускоа должен был перегруппировать свои войска и пополнить снаряжение. Соединения Франко одержали победу у Талаверы-де-ла-Рейна, однако затем вышли не прямо к Мадриду, а частично развернулись в направлении Толедо, в район боевых действий войск генерала Хосе Энрике Варелы, где защитники крепости (1205 военных и 555 гражданских), с 22 июля 1936 года находящиеся в окружении, вели борьбу не на жизнь а на смерть.

Как писал позднее генерал авиации Альфредо Кинделан, Франко решился на участие в этой акции по причине ее «духовной ценности». Он знал, что она не оправдана с точки зрения стратегии. Ведь в результате марша национальных войск Испании на Толедо у противника оказалось достаточно времени для того, чтобы предпринять дополнительные оборонные меры и подтянуть подкрепление — иностранные боевые отряды.

Одним словом, шла гражданская война, в ходе которой военные проблемы часто отступали на второй план перед политическими. Решение этого комплекса вопросов явно представлялось Франко первоочередным. 15 августа, вопреки совету Молы, который не хотел предвосхищать будущую форму государственности в стране, он поднял в Севилье красно-золотой (королевский) флаг и воскликнул, обращаясь к ликующей толпе:

«Вот ваше знамя!»

Такая демонстрация едва ли соответствовала устремлениям сформированного Молой в Бургосе Национального комитета обороны. Его председатель, генерал Кабанельяс, считался республиканцем, однако имел все основания намеренно избегать открытого выражения своих взглядов, помня о 50 тысячах добровольцев в северной армии (карлисты, альфонсисты и фалангисты).

В отличие от отрядов Молы, насчитывавших 120 тысяч бойцов, численность войск, прибывших из Марокко, вместе с добровольными соратниками составляла лишь около 52 тысяч человек. Однако именно это сплоченное элитное соединение оправдало многие ожидания, оно прибыло в Испанию, с боями вышло к границе с Португалией и продвинулось дальше, к Мадриду. А поскольку предстояло крупное наступление всех имеющихся сил на столицу и было необходимо осуществлять общее командование войсками, то возникла мысль поручить это Франко.

По воспоминаниям Кинделана, Франко поначалу отклонил предложение. Однако когда 21 сентября 1936 года оба генерала, а также Мола, Кеипо, Оргас, Саликет, Давила и другие офицеры собрались в бараке на аэродроме Саламанки, чтобы обсудить положение, возражал один Кабанельяс, высказавшийся в пользу коллегиального руководства. Его голос не возымел действия, и Франко был избран верховным главнокомандующим национальными вооруженными силами Испании, сухопутными, морскими и воздушными.

Этого показалось недостаточно, и вскоре Кинделан, Мильян Астраи и Николас Франко, личный секретарь своего младшего брата, выступили за передачу генералиссимусу и всех политических полномочий. На этот раз Франсиско Франко не выразил, казалось, никаких сомнений. «Делатели королей» сочинили указ, решение по которому снова принималось на аэродроме в Саламанке.

Круг участников почти не изменился. Собравшиеся тотчас же ощутили некоторое напряжение, поскольку каждый имеющий право голоса на основании имеющегося проекта решения уже мог заключить, что нынешнее 28 сентября 1936 года призвано стать для Франсиско Франко 18 брюмера{40}, а Николас намеревается выступать в роли Люсьена{41}. Оставался открытым вопрос, кто же станет Мюратом{42}. Генералиссимус, впрочем, отсутствовал. Таким образом, он избежал неприятной конфронтации с другими генералами и изыскал возможность стяжать еще большую военную славу в Толедо благодаря своему присутствию при

освобождении крепости.

Когда Кинделан попросил одобрить розданный для ознакомления документ, то, вопреки ожиданию, натолкнулся на энергичное сопротивление старых республиканцев Кабанельяса, Молы и Кеипо. Возможно, уже в самом выступлении генерала военно-воздушных войск, близкого к монархистским кругам, они видели провокацию; возможно, им показалось подозрительным, что Дон Хуан, сын изгнанного короля, без согласия хунты Бургоса недавно прибыл в Испанию. Во всяком случае, у троих оппонентов имелись веские аргументы. Заколебался даже преданный Франко Оргас.

Поворотным пунктом стал совместный обед: было принято компромиссное решение. Согласно статье I указа, на следующий день подписанного Кабанельясом от имени хунты, Франко назначался на пост главы правительства, и ему передавалась вся власть в новом государстве. 1 октября 1936 года, во время торжественной инаугурации в присутствии комитета и почетных гостей в Бургосе, к удивлению некоторых участников торжества, из текста исчез последний пункт, первоначально включенный Кинделаном и Николасом: «на период войны».

Теперь 46-летний Франко был главой государства, главой правительства и генералиссимусом без каких-либо ограничений — неудивительно, что при такой полноте власти его вскоре стали называть в Испании «каудильо», что примерно означает «фюрер» или «дуче». У антифашистов всего мира появилось еще одно основание приравнивать его как диктатора к Муссолини и Гитлеру.

Впрочем, в самом начале Франко весьма существенно отличался от них. В момент появления на арене он не был вооружен, подобно современным ему королям черни, политической панацеей или мировоззрением. Он не был вознесен к вершинам власти массами фанатиков, через головы отдельных правителей или целых правительств. Незыблемую основу своего признания в качестве главы государства, последовавшего далеко не сразу, так называемый каудильо искал и нашел в христианстве.

Его убежденность зрела постепенно и потребовала немалых усилий, поэтому от нее вряд ли можно отмахнуться, видя в ней лишь лицемерие, голый расчет или уловку. Правда, такая перемена ввела в заблуждение многих наблюдателей, которые знали, что прежде Франко отнюдь не отличался глубокой религиозностью. Некоторые хронисты объясняют такую перемену влиянием супруги каудильо. Другие отмечают в этой связи усилия видных священников.

Несомненным все же является то, что Франко предпочитал считать свое утверждение в новом качестве скорее проявлением милости Божьей, чем следствием малоубедительного вотума доверия со стороны генералитета. И в глазах многих людей каудильо, окутанный легкой дымкой некоторого мистицизма, также выступал в роли спасителя христианской Испании. Подобно тому, как когда-то в результате реконкисты[31] земли родины были вырваны из рук мавров, теперь настала очередь «священной войны» против большевиков. Гражданская война напоминала крестовый поход — una cruzada.

«Антихрист» неуклонно вооружался для борьбы. Правда, Сталин уже приступил к уничтожению старой гвардии большевиков и офицеров; по-видимому, вряд ли он нашел бы разумным в настоящий момент направить советских генералов и современное вооружение в Испанию, где они могли дискредитировать проводимую Кремлем политику коллективной безопасности. Однако решение уже было принято.

Посол СССР склонил Асанью к тому, чтобы поручить Ларго Кабальеро сформировать кабинет, в который вошли бы два коммуниста. Это новое правительство вскоре утратило свой престиж, поскольку, опасаясь наступления войск Франко, бежало из Мадрида в Валенсию. Тем не менее большинство болтливых комитетов исчезло, и генералу Григорию Кулику{43} удалось из отдельных частей милиции сформировать «народную армию».

Другой советский генерал, Ян Берзин, стал военным комендантом Мадрида, защита которого чисто формально была поручена хунте испанских республиканцев. Иван Конев и Дмитрий Павлов занимались организацией доставки из СССР 200 среднетяжелых танков, которым предстояло принимать участие в боях. Яков Шмушкевич командовал советскими военно-воздушными силами, насчитывавшими около 500 истребителей и бомбардировщиков. Лазарь Штерн и Матэ Залка стояли во главе первых интернациональных бригад, которые создавались по решению Пражской конференции.

Мадрид стал бастионом международного коммунизма. Уже 28 сентября в результате советской танковой контратаки стало ясно, что наступающим приходится считаться с угрозой ощутимых ответных ударов. Поэтому национальным силам Испании пришлось теснее, чем прежде, сотрудничать с Германией и Италией. Оба государства, а также Гватемала первыми в мире установили дипломатические отношения с режимом в Саламанке.

5 ноября близ Севильи был сформирован легион «Кондор»{44} под командованием генерала Хуго Шперле{45}, состоявший из 4500 немецких солдат (8 авиационных эскадрилий и 6 зенитных

батарей, которым были приданы 2 танковые роты). В начале декабря генерал Марио Роатта во главе Corpo Truppe Voluntarie (CTV) отправился водным путем из Неаполя в Испанию. Незадолго до этого Италия взяла на себя обязательство тайно оказывать Саламанке активную поддержку в период войны.

CTV был направлен в распоряжение Кеипо, который взял Малагу. Легион «Кондор» подтянулся к Мадриду слишком поздно, и Франко 17 ноября распорядился прекратить наступление. В окрестностях университетского городка его войска натолкнулись на непреодолимое сопротивление. В результате трех сражений в течение зимы, в ходе которых предполагалось осуществить блокаду столицы, были достигнуты лишь скромные успехи локального значения в районе Боадильи, Харамы и под Гвадалахарой.

Франко, который руководил операциями из своей штаб-квартиры и часто выезжал на фронт, молча и с тревогой наблюдал за происходящим. Едва ли его обеспокоило поражение итальянцев под Гвадалахарой, свидетельствовавшее об их невысокой боеспособности. Гораздо серьезнее было то, что в первые три месяца нового года к средиземноморскому берегу подошли 26 советских кораблей, имевших на борту 770 специалистов и 5725 тонн груза, в том числе 312 сверхсовременных танков. Кроме того, Мексика в большом количестве поставляла республиканцам легкое огнестрельное оружие.

Задачами гражданского характера глава правительства занимался лишь от случая к случаю. Он вступил в войну не будучи политиком или государственным деятелем, стремящимся к проведению реформ, а в соответствии с традициями выполняя свой солдатский долг. Поначалу он считал вполне достаточным, что Николас Франко поддерживает связь между штаб-квартирой и «Junta tecnica» («Техническим советом»), сформированной по типу кабинета комиссией комитета обороны, который находился в Бургосе и в значительной степени уже утратил свое значение.

Если принять во внимание разнообразие и многогранность административных и экономических задач, которые приходилось решать, необходимость поддерживать боевой национальный дух народа и проводить мобилизацию в испанской провинции, то станет очевидным, что подобная импровизация была практически непригодной. Она вряд ли могла внести существенный вклад в формирование политической воли и менее всего способствовала этому, например, в случае, когда Николас Франко, опираясь на тайную союзническую договоренность от 28 ноября прошлого года, отправился в Рим с целью склонить последний к принятию

тайных мер против осуществления СССР морских перевозок.

Незадолго до этого брат генералиссимуса также пытался объединить политические силы национальной направленности — республиканцев и монархистов — в единое движение или партию, соответствующую современным идеалам. Его неоднократные попытки действовать в этом направлении закончились неудачей.

В момент, когда происходили выборы «главы правительства», Фаль Конде находился за границей. По возвращении лидер карлистов выступил с критикой решения, принятого военными в одностороннем порядке. В конце концов он, не заручившись предварительно согласием генералиссимуса, начал строить планы организации монархической офицерской академии. Терпению Франко пришел конец. Он дал своенравному политику срок 48 часов, чтобы тот покинул страну, что и произошло.

В результате «Традиционалистская партия» (ТП) лишилась личности, игравшей в организации роль лидера. Но и «Испанская фаланга» больше не имела твердого руководства, ибо Хосе Антонио Примо де Ривера, хоть и не принимал участия в Alzamiento и даже скептически относился к этому движению ввиду возможности возникновения в его среде реакционных идей, все же был приговорен «народным судом» республиканцев к смертной казни и 20 ноября 1936 года расстрелян в Аликанте.

Поскольку обе партии поставляли наибольшее число добровольцев, их объединение представлялось уместным. После неудачи, которую потерпел Николас Франко, Рамон Серрано Суньер, чудом уцелевший в ходе кровавой расправы над национально настроенными мадридцами, счел себя призванным к выполнению этой задачи. Во время совместных прогулок в саду епископского дворца в Саламанке он подробно обсуждал проблему со своим зятем.

Внутри Фаланги существовало три различных направления. Лидером наиболее сильной группы был Мануэль Хедилья, бывший рабочий, который выступал за социальные реформы, однако никоим образом не смог бы обеспечить интегрирующую силу. Справа и слева от его приверженцев находились так называемые старорубашечники и новорубашечники: ортодоксы (camisas viejas) и оппортунисты (camisas novas). И те и другие преследовали собственные цели и принимали режим Франко отнюдь не безоговорочно.

Когда возникла опасность кровавого столкновения, грозящего расколом Фаланги, и лидер удержался на своем посту лишь незначительным большинством голосов, Франко приступил к действиям. Было подготовлено постановление об объединении; Мола и Кеипо одобрили его, согласен был и Хедилья. 18 апреля

1937 года каудильо огласил декрет по радио.

Согласно постановлению, составленному Серрано Суньером, ТП и ИФ реорганизовывались в единую партию во главе с Франко под новым названием: «Falange Espanola Tradicionalista y de las JONS» (FET) — «Испанская традиционалистская фаланга и ОНСН» (ИТФ) — и объединяли свои отряды добровольцев, привлекая и небольшие группы милиции партий «Народное действие» и «Испанское обновление» (правда, внимание на этом не акцентировалось). Теперь все они носили синие рубахи старой Фаланги и красные береты (boina) карлистов-добровольцев.

Противники Alzamiento считали ИТФ фашистской партией, сплоченной и монолитной. Однако новая организация ни в коем случае не могла быть или стать таковой. Декрет об объединении не содержал никакого указания на идеологию или будущее политическое устройство страны. Это удовлетворяло и военных и монархистов. Но старые фалангисты (camisas viejas) считали, что их лишили программы. Они относились к правительству сдержанно, даже с некоторой долей неприятия.

Из рядов ИТФ уже поднималась волна пропаганды против Франко. К этому добавились сведения о нелегальных сходках «camisas viejas». Да и старый лидер партии, надежда на повторное избрание которого была шаткой, стал неуместен. В ночь на 25 апреля Франко нанес удар. Двадцать деятелей Фаланги, среди них и Хедилья, предстали перед военным трибуналом, четверо из них были приговорены к смертной казни (впоследствии, однако, их помиловали).

В результате акции с Хедильей Франко поднялся еще на две ступени своей и без того выдающейся карьеры. Теперь он был лидером партии, но выступал не в такой роли, как Гитлер и Муссолини, а в качестве воюющей стороны, и решающего успеха Франко достиг благодаря строгой дисциплине в собственных рядах, предусматривающей подавление всяческих раздоров. Кроме того, отныне каждому было ясно, что этот человек разграничивает применительно к себе функции руководителя государства и верховного судьи.

Левым республиканцам нелегко было укрепить свое положение. С момента потери Малаги дни кабинета Ларго Кабальеро были сочтены. Развал каталонского единого фронта, в который входили ВСТ, НФТ/ИФА, МОРП и левые, неизбежный после вероломных убийств и кровавых уличных столкновений, не оставлял «испанскому Ленину» никаких шансов. Москва требовала энергичного руководства.

Новым главой правительства стал Хуан Негрин{46}, министром обороны — Индалесио Прието. Оба были

социалистами и раздали остальные посты своим друзьям. Однако они предоставили широкую свободу действий и коммунистам, позволили уничтожить МОРП, ликвидировали автономию Каталонии и создали систему полицейского террора. Целью было создание «сильного государства».

В ответ на решительные наступательные действия, которые теперь предпринимались республиканцами, Франко вел себя осмотрительно, сколь резкой критике ни подвергали бы его за это немцы и итальянцы{47}. «Тактика в испанской войне, — заявил он в беседе с одним из дипломатов, — является функцией политики. Я не имею права истребить противника, разрушить города и деревни, промышленность и производство, и именно по этой причине я не слишком тороплюсь. Если бы я все же так поступал, то не был бы патриотом».

Следующей целью Франко был захват северного побережья, важной сырьевой и промышленной базы. Бискайское наступление испанских национальных сил, начавшееся 31 марта 1937 года, республиканцы стремились остановить путем диверсии в окрестностях Ла Граньи северо-восточнее Мадрида. Они потерпели неудачу: вместо Молы, погибшего в результате авиакатастрофы 3 июня неподалеку от Кастиле де Пеонес, в Бильбао после длительных боев вошел генерал Фидель Давила.

Теперь республиканцы стремились, по крайней мере, нарушить ход операций на кантабрийском побережье. Они завязали бой в Брунете под Мадридом, бросив в него крупные силы, и, едва Варела одержал победу, начали новое наступление в Арагоне. Однако ничто не могло поколебать уверенность Франко. Он знал, что необходимое решение вызревает медленно, но верно. В конце августа пал Сантандер, 12 октября 1937 года — Хихон.

Вскоре анклава, оттягивавшего на себя силы, уже не существовало. Около 18 600 квадратных километров с населением 1,61 миллиона человек, было присоединено к территории, занятой национальными силами Испании, а также 65 процентов судостроительной промышленности, почти все крупнейшие заводы, производящие оружие и боеприпасы, более половины угольных шахт страны и, кроме того, богатые месторождения железа, мышьяка, свинца, цинка и меди — этого было достаточно, чтобы британское правительство обменялось с Франко если не послами, то, по крайней мере, «полномочными представителями».

На фоне этих успехов казалось несущественным, что республиканцы все еще предпринимали атаки под Теруэлем, а в зимний период втянули своего противника в бои,

продолжавшиеся девять недель. Франко не только восстановил первоначальное положение, но и к концу зимы благодаря Оргасу и другим соратникам выставил 582 000 солдат против 492 000 солдат противника.

Прежде чем приступить к подробной разработке оперативной цели на 1938 год (расчленение территории, занятой противником, путем наступления широким фронтом до побережья Средиземного моря), каудильо создал правительство, способное нормально функционировать. Только теперь большинство осознало, что Франко давно уже является главой государства.

Поначалу его решение можно было лишь констатировать, но не оценить по достоинству. Проведенный позднее анализ выявил удивительные результаты. Кадровый военный, совершенно не искушенный в такого рода хитростях, не просто сформировал кабинет, но и представил образец высокого политического искусства, достоинств которого не умаляет даже то, что в нем явно просматриваются советы и рекомендации Рамона.

Франко умело согласовывал мероприятия в различных сферах коалиционной, военной, экономической и социальной политики, которые заранее обдумывал в течение длительного времени. Особенно удался ему недвусмысленный намек на форму дальнейшего государственного устройства. Пышная церемония приведения нового кабинета к присяге состоялась в старинном монастыре Их Католических величеств[32] и показала, что Испания станет монархией без короля (обстоятельство, едва ли понятное в тот момент альфонсистам и карлистам, однако уже определившее дальнейший ход событий).

В кабинете — коалиционном правительстве, если допустимо выразиться таким образом, — были представлены все политические группировки национальных сил Испании: в первую очередь, разумеется, военные, далее — старые и новые фалангисты, а также альфонсисты и карлисты. Министры в большей или меньшей степени представляли интересы существующих институтов и сословий (армия и церковь, финансовая элита и крупные землевладельцы, мелкое крестьянство и рабочие), однако в первую очередь все же волю каудильо. Николас Франко, который имел административные способности, но не обладал политическим талантом, не вошел в кабинет, а был послан братом в Лиссабон в качестве посла. Должность вице-президента и министра иностранных дел каудильо поручил графу Гомесу Хордане. Поистине ключевую позицию занял Рамон Серрано Суньер{48}, ставший министром внутренних дел.

На фигуре Хорданы сконцентрировались надежды приверженцев короля, которым осторожно льстил сам Франко: он вернул Альфонсу XIII гражданство и собственность семьи Бурбонов. От Серрано Суньера сельскохозяйственный и промышленный пролетариат ожидал улучшения своего положения. И в сфере социальной политики Франко также сделал многообещающее заявление о своих намерениях: Хартия труда от 9 марта 1938 года{49}.

Разумеется, ее провозглашение должно было также стать средством пропаганды войны, привлекательным для «красных испанцев» из другого лагеря, в котором после провала в Теруэле вновь происходили перемены. Агенты Коминтерна Пальмиро Тольятти, Эрнё Герё и Витторио Кодовила требовали отставки министра обороны Прието. Правительство Негрина должно было быть реорганизовано, тем более что силы национальной армии во главе с генералом Фиделем Давилой полностью заняли Арагон.

По-видимому, в Кремле помощь красной Испании считали менее целесообразной, чем когда-либо; ведь великая чистка все еще продолжалась. Однако Советский Союз отказывался от взятых на себя обязательств так же неохотно, как и Италия. Разница состояла лишь в том, что Сталин, который, в конце концов, все же бросил испанских республиканцев в беде, по крайней мере, завладел их золотым запасом, в то время как Муссолини остался ни с чем.

Превосходную сделку совершил Гитлер. В ответ на свою продуманную и регулярную помощь национальным силам Испании он стремился не требовать скорого решения, а, по возможности, отложить его. Чем дольше продолжалась война, тем больше экспортно-импортная фирма HISMA-ROWAK, основанная исключительно с этой целью, могла пользоваться монополией на добычу руды в Рифе с пользой для вооружения Германии, тем больше находилось возможностей для подписания секретных протоколов и обеспечения тем самым Германии привилегированного положения на Иберийском полуострове.

Гитлер, кроме того, получил возможность ввести в действие «Антикоминтерновский пакт»{50}, урегулировать отнюдь небеспроблемные взаимоотношения между Германией и Италией путем создания оси Берлин — Рим, а в ситуации в Средиземном море, ставшей затруднительной для Франции, как явствует из так называемого протокола Хосбаха[33], целенаправленно проводить экспансионистскую политику.

После того как начатое не столь давно арагонское наступление распространилось на юго-восток, наступавшие раскололи республиканскую область надвое и на широком

фронте между дельтой Эбро и Сагунто вышли к средиземноморскому побережью, каудильо доставил германскому диктатору немалое огорчение. Внезапно застопорились переговоры об аннулировании указа, направленного против Германии и ограничивающего долю иностранного капитала в испанских предприятиях двадцатью пятью процентами. Кроме того, в Берлине были неприятно удивлены сообщением о том, что Франко в беседе с одним из немецких офицеров намекнул на необходимость возвращения легиона «Кондор» на родину. По-видимому, участие этого соединения, которое за весь период войны потеряло убитыми лишь 174 человека, в боевых действиях теперь уже не окупалось.

Всего пять дней спустя, после того как национальная армия вышла к Средиземному морю в окрестностях Сагунто, крупные силы республиканцев внезапно продвинулись в районе нижнего течения Эбро в направлении Гандесы. Наступление вылилось в затяжные бои. Этот кризис обеспокоил генералиссимуса меньше, чем любого из офицеров его штаба. Франко угнетало опасное обострение противоречий в Европе.

Попытка Гитлера разгромить Чехословакию была чревата большой войной. Угроза возможного столкновения весьма беспокоила Франко, в то время как Негрин, чьи мирные предложения успеха не имели, почти желал его. Ибо неизбежное при этом соперничество великих держав должно было привести к коренному изменению соотношения сил в Испании.

Дипломаты давали понять, что в случае развития конфликта британско-французские войска перейдут через Пиренеи и одновременно займут территорию Рифа. К такой угрозе Франко не мог отнестись легкомысленно. Каудильо немедленно объявил свой режим нейтральным и вынужден был смириться с тем, что Гитлер прекратил помощь Испании, а Муссолини частично отозвал CTV.

В течение нескольких недель напряжение достигло апогея, а затем Великобритания и Франция еще раз пришли к соглашению с Гитлером, подписав 29 сентября 1938 года Мюнхенский договор{51}. Последствия их уступок носили глобальный характер. Приближался и час гибели республиканской Испании. Сталин понимал, что ему больше не удается проводить «политику коллективной безопасности» совместно с западными державами. В результате вспомнили и о советском военном потенциале.

Первым шагом стал роспуск интернациональных бригад, находившихся на обеспечении Кремля. Эти формирования, которые вместе с «пятым полком» коммунистов, разросшимся до численности корпуса, служили ударными группами

республиканской армии, были выведены из победоносно начавшегося сражения за Эбро. Ни прощальный парад, который принимал Негрин, ни попытки объяснить происходящее женевскими резолюциями Лиги наций и лондонского «комитета по невмешательству» не смогли скрыть того факта, что решение Сталина было основано на политических реалиях.

Ему генерал Франко был обязан своей последней решающей победой. Вскоре после отхода бойцов интербригад, начиная со 2 ноября 1938 года, контратаки национальных сил стали весьма успешными. Из 100 000 республиканцев, которые в июле перешли Эбро, 15 ноября на северный берег возвратились всего 15 000.

Месяц спустя испанские национальные силы приступили к захвату Каталонии. Лишь в отдельных местах они сталкивались с серьезным сопротивлением. Барселона пала без борьбы. Единственное препятствие дальнейшему продвижению создавала холодная, влажная погода. К 9 ноября 1939 года наступавшие вышли к пиренейской границе на всем ее протяжении. Мануэль Асанья и республиканское правительство заблаговременно спаслись бегством.

Дипломатическое признание режима Франко Лондоном и Парижем дало Асанье повод к отставке. Негрин еще раз попытался захватить власть в республиканской Центральной Испании. Однако флот Народного фронта взбунтовался и взял курс на французские территории Северной Африки. В Мадриде офицерская хунта подняла восстание, направленное против коммунистов. Кровавое столкновение между ними завершилось тем, что войска национальных сил Испании взяли столицу без боя.

В течение восьми дней три армии под командованием Оргаса, Саликета и Кеипо заняли оставшуюся часть республиканской территории. Когда Франко, больному гриппом, сообщили о выполнении задачи, он сказал только: «Очень хорошо, большое спасибо». Заключительное коммюнике верховного командования от 1 апреля 1939 года гласило: «Сегодня национальные войска после разоружения и пленения Красной Армии достигли своей последней военной цели. Война окончена».

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

По словам одного из английских авторов, в 1939 году над Испанией опустился «саван молчания». Это определение несправедливо: дело не только в громких стенаниях, раздававшихся на могилах (во время гражданской войны погибло около 300 000 человек), но сцены братания, торжественные богослужения и пышный парад победы — все это было в тогдашней Испании. Массы беженцев с повозками и вьючными животными где-то на пути в Левант встретились с войсками национальной армии, уполномоченные «Auxilio social»[34] кое-как снабдили нуждавшихся самым необходимым, и теперь они возвращались в родные места, полные новых надежд.

Официальная пропаганда была не в состоянии отразить размах триумфальных настроений и передать всю глубину облегчения, царившего в обществе. Правда, тут же началась планомерная расправа победителя над поверженным политическим противником. Уже 9 февраля 1939 года Франко подписал закон, имеющий обратную силу, согласно которому подлежала наказанию «подрывная деятельность» в период с 1 октября 1934 года по 18 июля 1936 года, а также оказание сопротивления Alzamiento nacional. Это жестокое право ex postfacto[35] бросало тень на сотни тысяч, если не миллионы испанцев.

Во многих городах заседали военные трибуналы. Особая судебная палата, учрежденная 14 марта 1939 года, рассматривала наиболее тяжкие случаи. Лица, ответственные за крупные кровавые расправы, персонал «чека» и «народных судов», политические комиссары и члены «марксистских» комитетов, палачи и убийцы лишь в редких случаях могли надеяться на снисхождение. Их приговаривали к смерти и расстреливали. Поджигатели и осквернители церквей, сочувствующие и милиционеры скорее могли рассчитывать на милосердие. Вместе с офицерами и низшими чинами «народной армии» их временно отправляли в тюрьму.

Режим Франко и его суды особого назначения действовали, в принципе, так же, как и державы-победительницы во второй мировой войне. Ничто не дает повода утверждать, что народный фронт, в случае своего триумфа, отказался бы от новой расправы над противниками. Остается лишь констатировать, что вновь учрежденные органы возмездия не допускали кровавых погромов и таким образом, по крайней мере, предупреждали дикие бесчинства, которыми так богата история Испании.

Франко видел перед собой и еще одну нелегкую задачу: восстановление разрушенной экономики. Кредиты лондонских консорциумов и ассигнования Германского рейха после окончания вновь возобновленных переговоров относительно распределения капиталовложений в испанские предприятия так же мало служили этой цели, как и договоры о торговле с Великобританией и Францией, Италией и Португалией. Разгорающаяся вторая мировая война устанавливала подобным сделкам жесткие границы. Поэтому Франко провел национальный заем, который принес свыше 5 миллиардов песет. Кроме того, с целью подъема экономики и преодоления балансового дефицита во внешней торговле осенью 1939 года он разработал десятилетний план развития.

Широко распространено мнение, что с приходом Франко победу одержала традиционалистская Испания, Испания епископов, владельцев латифундий, финансовых магнатов и промышленных олигархов. Такая точка зрения не выдерживает критики по отдельным позициям. Непосредственно после окончания гражданской войны мощные силы внутри национального лагеря, и в первую очередь «camisas viejas», были настроены революционно. Они требовали проведения земельной реформы за счет землевладельцев, обобществления едва ли не всех отраслей промышленности и оптовой торговли, введения строгого контроля кредитной системы и банков, создания объединенных профсоюзов и принятия прогрессивных социальных законов.

В 1939 году Франко не мог и не хотел пойти столь далеко, несмотря на то, что в беседе с итальянским послом решительно высказался против возврата к прежнему положению дел. Положение внутри страны и вторая мировая война требовали от мадридского режима чрезвычайной осторожности при осуществлении любых шагов. Поскольку каудильо назначил Национальный совет из представителей Фаланги, он имел возможность сдерживать их нетерпение. В этой связи в его политике уже не в первый раз наметилась своеобразная перемена.

По указанию Франко Фаланга сформировала профсоюзную организацию, которая объединила рабочих и предпринимателей и принесла некоторое облегчение в социальной сфере; он также способствовал созданию организации «Section femenina» («Женская секция»), которая применительно к испанским условиям считалась прогрессивной. Однако с другой стороны, к глубокому огорчению старофалангистов и настроенного радикально-реформистски Кеипо де Льяно, глава государства вернул латифундистам большую часть конфискованных земель и

лишь остаток этих угодий предназначил для заселения мелким крестьянством.

Такая политика, которая учитывала притязания различных сторон, именно ввиду своей компромисности не могла полностью удовлетворить ни одну из групп и постоянно таила в себе риск испортить отношения со всеми. В середине августа 1939 года такая опасность достигла крайне опасной точки. В то время Фаланга, несмотря на свою приверженность католицизму, которому были чужды примитивно-материалистические учения фашизма и национал-социализма, была в восторге от Муссолини и Гитлера.

ИТФ считала себя обязанной обоим диктаторам, причем имелся в виду не только антикоминтерновский пакт. Вначале режим Франко присоединился к пакту тайно, а теперь обязательства Испании по нему были признаны официально; для Фаланги важен был «образец» внешне удавшегося блестящего «обновления» итальянского и немецкого народа.

Пребывание в эйфории не способствовало работе правительственного кабинета. Министр иностранных дел, англофил граф Хордана, возражал против договора о дружбе с Германией (тем не менее заключенного), а Серрано Суньер, в тот период настроенный профашистски, выступал за тесную связь Испании с осью Берлин — Рим. Однако испытывать взаимное терпение не пришлось, и не только потому, что Хордана уступил свой пост полковнику Хуану Бейгбедеру.

Гитлер поверг Испанию в сильнейший шок, достигнув 23 августа 1939 года соглашения со Сталиным. Германский диктатор не счел нужным выполнять свои неоднократно принимаемые обязательства, согласно которым подобному шагу должны были предшествовать консультации. Мадрид был разгневан так же, как Рим и Токио, а возможно, еще в большей степени. Ибо испанские национальные силы, только что завершившие свой cruzada[36], весьма серьезно относились к внезапно отвергнутой идее солидарности в борьбе с большевиками.

После заключения пакта со Сталиным Гитлера ничто больше не удерживало от развязывания войны. В Мадриде с тревогой ожидали этого момента. Но если уж катастрофе суждено разразиться, то испанский народ вновь затянет потуже поясок, так как даже в обозримом будущем не приходится ожидать нормализации политического, социального и экономического положения в стране.

Франко снова провозгласил «жесткий нейтралитет» страны. На этот раз он показался западным державам правдоподобным, поскольку Германия и Италия больше не имели войск на

испанской земле. В марте Хордана также подписал с Португалией — старейшим союзником Англии — договор о дружбе и ненападении, который исключал всякую агрессию сторонних сил на территории государств-сигнатариев[37].

Но заверения в нейтралитете не помогли. В Лондоне и Париже не хотели верить, что между Испанией и странами, входящими в ось, не существует договоров, которые обязывали бы режим Франко к решительным действиям. Прогерманская пропаганда Испании, которая велась по указанию Серрано, казалось, оправдывала недоверие запада. В действительности каудильо предоставил своему зятю полную свободу действий, поскольку после первых блиц-побед Гитлера было необходимо поддерживать с Берлином дружественные отношения.

Когда вскоре в ходе западной кампании Германия также одержала решающую победу, а Италия вступила в военные действия и отказалась от прежнего статуса невоюющей державы, для Франко настал подходящий момент со своей стороны позаимствовать эту формулу. Вслед за этим, 14 июня 1940 года, он отдал распоряжение именем султана ввести испанские войска в международную зону Танжера[38].

Так Франко сумел продемонстрировать претензии Испании на свою долю при территориальном переделе Африки после надвигающейся катастрофы для Франции. А поскольку победа Германии означала тяжелое поражение Англии, каудильо воинственным заявлением («Два миллиона солдат стоят наготове… чтобы выковать империю».), возвестил, кроме того, и о притязаниях на Гибралтар{52}.

Тем временем маршал Петэн обратился к главе государства с просьбой о содействии в установлении перемирия. Несколько дней спустя военные действия на континенте были прекращены. Моторизованные подразделения германского вермахта вышли к пиренейской границе под Ируном. Политика Мадрида впервые, казалось, оправдывала себя. Серрано Суньер пользовался авторитетом как удачливый государственный деятель, а англофилу Бейгбедеру, как в свое время Хордане, прочили скорый конец карьеры.

Однако Франко, который не верил в удачу и никогда не двигался по единственному имеющемуся пути, каким бы многообещающим он ни был, а всегда предпочитал иметь в запасе и второй путь, крепко держался за Серрано и Бейгбедера. Пусть один из них поглядит, что можно извлечь для Испании из победы Германии, а задача второго — не стесняясь ухудшения отношений с Англией, заполучить канадские корабли с пшеницей, которая поможет справиться с ожидающимся неурожаем.

Уинстон Черчилль[53] давно понял, что Иберийский полуостров занимает ключевое положение и в Средиземном море, и в Атлантике. Поэтому, несмотря на нехватку в Англии судов, он распорядился незамедлительно отправить в Испанию 34 зерновоза и сообщить Франко, что нашедшее поддержку в Великобритании правительство во главе с Хуаном Негрином в изгнании больше не будет пользоваться сколь-нибудь существенной свободой действий.

Перед Гитлером встал вопрос о том, как завершить свою якобы уже «выигранную» войну. Воздушная война в небе Англии[54] не принесла победы, даже не позволила осуществить замысел о высадке на Британских островах. Однако верховное командование вермахтом имело в виду и другие цели, например операции в Гибралтаре.

Франко узнал об этом в конце июля 1940 года, во время визита адмирала Вильгельма Канариса[55].

Начался первый этап борьбы за Испанию. За взаимными контактами высших военных чинов последовал меморандум каудильо правительству рейха. В середине и конце сентября Серрано Суньер побывал в Берлине. Кульминацией — примерно в середине этой фазы — стала встреча Франко и Гитлера на вокзале в Анде.

Страны — члены оси склоняли Испанию к участию в войне, однако последняя предпочла не ограничивать себя каким-либо сроком, а, со своей стороны, выдвинула требования, которые со временем расширила. Поначалу Мадрид желал получить Марокко и Гибралтар, затем еще и земли в окрестностях Орана и к тому же объединить территории колонии Гвинея за счет прибрежной полосы между устьем Нигера и мысом Лопеса, и в конце концов откорректировать границы в Пиренеях и в Сахаре, причем последнюю в пользу испанских владений Рио Оро и Ифни. И это еще не все, Германия должна была поставлять тяжелое вооружение и самолеты, горючее и зерно (до 700 000 тонн ежегодно).

Трудно сказать, насколько всерьез Франко принимал эту программу. Некоторые из его требований носили гипотетическое значение, в том числе притязания на Гибралтар. Другие явно были призваны спровоцировать отказ со стороны стран — членов оси. К поставкам же продовольствия каудильо, по-видимому, проявил живой интерес. Ведь Англия при поддержке Соединенных Штатов вновь участвовала в большой игре за отмеченную печатью голода Испанию, поочередно пропуская или задерживая жизненно важные грузы. Кроме того, Франко понимал, что стоит только заявить о притязаниях на Гибралтар, в

союзе с немцами или самостоятельно, и это немедленно повлечет за собой высадку британцев на Канарских островах, а возможно, и на побережье Португалии, что случалось уже, к примеру, в 1808 году[39].

Перед лицом подобной угрозы каудильо вначале было необходимо выяснить, сможет ли Германия обеспечить Испании, находящейся в бедственном положении, современное вооружение и снабжение всем необходимым. Однако Серрано Суньеру во время его пребывания в Берлине не только дали отрицательный ответ, но и сообщили, что требования Гитлера включают в себя две базы в Марокко, передачу одного из Канарских островов и свободный проход германских войск к Гибралтару.

Германский диктатор понял, что Великобритания не признает себя побежденной, пока за ее спиной стоят Соединенные Штаты. Поэтому он и стремился получить базы для подводных лодок в Марокко и Западной Африке. Поэтому 27 сентября 1940 года и был заключен тройственный пакт, посредством которого Германия, Италия и Япония надеялись предотвратить американскую интервенцию. Следующей целью было создание континентального блока с привлечением СССР и других государств.

Однако именно это не позволяло правительству рейха учесть интересы Мадрида, чьи экспансионистские устремления должны были осуществляться за счет Франции и частично пересекались с итальянскими притязаниями в Северо-Западной Африке. Урегулирование существующей противоположности интересов было, по выражению Гитлера, «возможно только с помощью грандиозного обмана».

Незадолго до встречи с этим сложным партнером Франко реорганизовал свое правительство, все же убрав Бейгбедера и назначив министром иностранных дел Серрано Суньера, который был лучше знаком с предметом переговоров, а также с Гитлером и его окружением. Рейхсканцлер был в менее выигрышном положении. Его намерение провести германо-французские переговоры незадолго до встречи или вскоре после нее могло быть расценено испанцами как попытка давления исподтишка.

Однако Франко остался непоколебим. Германо-французский союз был для него немыслим, поскольку было совершенно очевидно, что последует за этим в Африке. Он также ни на мгновение не поверил утверждению Гитлера о том, что война с Англией уже выиграна. Именно потому, что это явно не соответствовало действительности, каудильо отказался от запланированной атаки на Гибралтар, так же как и от преждевременного присоединения Испании к тройственному

пакту.

Беседа состоялась 23 октября 1940 года в вагоне германского диктатора на вокзале в Анде.

Франко занял место напротив Гитлера. «Низенький и толстый, смуглый, с живыми черными глазами» — так охарактеризовал его главный переводчик Пауль Шмидт. Пока его партнер говорил, каудильо молчал. Затем он стал медленно, негромко и критически обоснованно анализировать каждую из произнесенных фраз.

Беседа длилась девять часов. К моменту прощания Гитлер и Франко в общих чертах обсудили будущий договор, который, однако, министры иностранных дел не смогли облечь в должную форму. Испанцы уведомили, что дополнительно представят свои контрпредложения, затем они пересекли границу и отправились в обратный путь. «В дороге, — вспоминает Антонио Товар, — каудильо не произнес почти ни одного слова. Он так глубоко задумался, что не сразу обратил внимание на то, что поезд уже прибыл в Сан Себастьян».

Контрпредложение, которое Серрано Суньер на следующий день доставил в Анде, не пришлось по вкусу министру иностранных дел рейха. Но и последующие изменения не повысили ценность этого документа. В результате был составлен лишь секретный протокол, в котором Испания заявляла о своей готовности примкнуть к тройственному пакту и к итало-германскому военному альянсу.

На фоне предшествовавших успехов такой исход, невзирая на содействие Серрано Суньера, следует рассматривать как первое достойное внимания дипломатическое достижение каудильо. Результат довольно точно соответствовал его стремлениям. В отличие от государств Южной Европы, которые уже в следующем месяце примкнули к тройственному пакту, Испания не взяла на себя никаких конкретных обязательств. Она также не подвергала себя опасности перед англосаксонскими державами, что имело едва ли не жизненно важное значение.

Гитлер и его окружение чувствовали, что в Анде потерпели поражение; об этом свидетельствует их брань, длившаяся довольно долго. Министр иностранных дел рейха назвал Серрано «иезуитом» и с ожесточением жаловался на «неблагодарность» каудильо. Гитлер заявил, что лучше даст вырвать себе три-четыре зуба, чем еще раз примет участие в подобном мероприятии.

Немцы также не признали себя побежденными. Гитлер уже постепенно отходил от стратегии получения помощи с периферии и все решительнее обращался к «восточному решению», плану нападения на СССР, который созрел окончательно после визита

главы советского правительства в Берлин[40]. Однако итальянские неудачи в восточном Средиземноморье, оголившие южный фланг[41], заставляли его еще серьезнее задумываться над целями, связанными с Гибралтаром (операция «Феликс»).

Новая серия дипломатических шагов была призвана склонить каудильо к уступкам. Вначале был приглашен и принят в усадьбе Гитлера в горах под Берхтесгаденом Серрано Суньер. Затем Канарис снова отправился в Мадрид, где вскоре посол Германии огласил квази-ультиматум. В конце концов о помощи попросили Муссолини, и 12 февраля 1941 года он имел долгую беседу с Франко в Бордигьере.

Глава испанского правительства и после возвращения из Италии делал ставку на выигрыш времени и при этом оставлял себе две возможности для политических действий: империалистический набег на стороне победоносной Германии или возврат к жесткому нейтралитету. Франко не слишком беспокоило, что в этой ситуации испано-германские отношения стали более прохладными.

Кризис был преодолен довольно скоро, когда Гитлер 22 июня 1941 года совершил нападение на Советский Союз, а каудильо призвал ИТФ к формированию добровольческой дивизии. Трезвый политический расчет, которым обычно руководствовался глава государства, на этот раз уступил место его глубоко коренящейся ненависти к большевизму. Ибо участие испанских солдат в этой войне, в «крестовом походе на востоке», не могло принести мадридскому правительству ничего, кроме трудностей.

Послы англосаксонских стран внимательно наблюдали за тем, как страну охватывали милитаристские настроения, и сотни тысяч — во много раз больше, чем могла бросить на врага «голубая дивизия», — стекались под знамена дивизии каудильо. В Лондоне и Вашингтоне это воспринимали с раздражением, причем именно Великобритания, заключившая с Советским Союзом договор о совместных действиях, могла теперь оказывать на Испанию энергичное давление.

Бедственное положение с продовольствием усиливалось. Франко заявлял об «антигуманной блокаде», а вскоре усмотрел угрозу для Испании и с другой стороны. Из Нью-Йорка сообщили, что офицеры генерального штаба Соединенных Штатов и Великобритании подготовили план молниеносного захвата почти всех зарубежных испанских владений, а также принадлежащих Португалии Азорских островов и собираются задействовать в этой операции вооруженных испанцев-эмигрантов.

Координацией совместных оборонных мероприятий занялись Франко и прибывший в Севилью премьер-министр Португалии

Антонио де Оливейра Салазар, однако это не могло устранить опасность агрессии со стороны Запада. Угроза продолжала существовать, несмотря на то, что Англия время от времени выступала с заманчивыми предложениями. Так, Черчилль, будучи в гостях у посла Испании, заявил о намерении пойти навстречу притязаниям мадридского правительства в Северной Африке за счет Франции.

К давлению и соблазнам из обоих лагерей иностранных держав прибавилось растущее беспокойство внутри собственной страны. После поражения Германии под Москвой зимой 1941/42 года. Оргасу и другим, казалось, удалось вместо фалангистского правления восстановить монархию. Взоры обратились к Дон Хуану{56}, которого король Альфонс XIII перед смертью, последовавшей в 1941 году, назначил главой дома Бурбонов.

Идея реставрации обрела приоритетное значение для конституционной политики. В случае ее победы дни диктатуры были бы сочтены. В Испании вновь утвердилась бы система правления, характеризующаяся разделением власти. Наряду с исполнительной властью в лице короля и правительства в соответствии с конституцией 1876 года в качестве законодательной власти снова выступал бы равноправный орган — парламент (кортесы).

Было ли необходимо возвращаться к старой, не слишком оправдавшей себя конституции и именно теперь — перед лицом войны и грозящей со всех сторон опасности — брать на себя дополнительный груз внутриполитического эксперимента, связанного с действием многочисленных, не поддающихся учету факторов? Захочет ли Франко, подобно генералам прошлого века, отдать власть и быть задним числом причисленным к категории таких фигур, как Эспартеро, Нарваэс, Серрано, О'Доннелл, Прим и Пратс?

Ответ был дан 17 июля 1942 года. Франко объявил о созыве парламента. Депутаты (прокурадорес) не выбирались, а назначались общинами и различными органами или самим каудильо. При таком условии кортесы были, без сомнения, послушным инструментом главы государства, который сохранял всю полноту власти. Но поскольку комиссии могли принимать участие в законодательной деятельности, сторонникам реставрации не оставалось ничего другого, как только согласиться (nolens volens).

Впрочем, единство было необходимо, поскольку Гитлер, в отличие от многих социалистов и либералов, не видел точек соприкосновения между властью национал-социалистов и режимом Франко и вынашивал планы перехода через Пиренеи

(операции «Изабелла» и «Илона») с целью сместить Франко и навязать Испании квислинга[42]. Германский диктатор уже рассчитывал, удастся ли использовать для этого «голубую дивизию» и ее командира, генерала Агустина Муньоса Грандеса, группу отборных «camisas viejas» и 40000 рабочих-испанцев, находящихся в эмиграции во Франции.

А пока подразделения германских войск в окрестностях Байонны получили подкрепление и туда была переброшена авиация. В ответ Франко приказал сооружать дорожные и береговые заграждения, строить полевые укрепления и бункеры, а также разделить район Пиренеев на пять зон обороны.

15 августа 1942 года у выхода из собора Бегонья в Бильбао была брошена ручная граната. Генерал Варела, которому она предназначалась, не пострадал, однако жертв было немало. В ходе расследования было достоверно установлено, что существовали тесные контакты между организаторами покушения и их подстрекателями из числа служащих посольства Германии. Историки предполагают, что это открытие стало одной из причин, побудивших каудильо к реорганизации кабинета.

На фоне ожесточенного сопротивления, с которым столкнулись германские войска в ходе крупных наступательных операций под Сталинградом и Эль-Аламейном{57}, Франко готовил почву для возврата Испании к нейтралитету на случай, если таковая необходимость возникнет. Глава государства больше не мог игнорировать то обстоятельство, что западные державы считали его зятя сторонником идеи оси. В связи с этим 9 сентября 1942 года Серрано Суньеру пришлось передать другу англичан Хордане свой министерский портфель, которым тот однажды уже располагал.

Реорганизация правительства была проведена в срок и ни секундой раньше, чем следовало. Хордана обладал хорошими источниками информации, которыми следовало воспользоваться. Он получил сведения о вооружении испанских эмигрантов в Мексике, США, Канаде и Англии. Ему также донесли, что англосаксы отказались от своего плана захвата Канарских островов и вместо этого готовят другие операции. Министру иностранных дел стала известна даже цель: Северо-Западная Африка (исключая Риф).

Это могли быть и ложные сообщения, так называемая дезинформация разведывательных служб. Однако 7 ноября 1942 года Хордана получил полное подтверждение их достоверности. Посол США передал письмо Франклина Д. Рузвельта для Франко. Американский президент гарантировал безопасность Испании в условиях начинающегося наступления союзников и

отрекомендовался главе государства как «искренний друг».

Стремление Германии войти в страну, о чем ранее заявлялось дважды, было отклонено. После того, как последнее наступление Гитлера провалилось, союзники перебросили свои силы из Африки в Италию, а Муссолини пал, Франко еще более ясно продемонстрировал смену курса. Каудильо отозвал «голубую дивизию» из России, вновь заявил о своем нейтралитете и позволил любому, кто даст более высокую цену, производить в Испании неограниченные закупки вольфрама, что после длительных колебаний и вновь вспыхнувших раздоров выглядело как пособничество Западу.

Тем временем глава государства продолжал проводить в отношении беженцев политику, весьма неприятную для Германии. Он добился через Хордану разрешения на освобождение от ареста общины сепардов в Салониках под тем предлогом, что они являются потомками евреев, переселившихся из Испании. Другие беженцы из числа подвергавшихся преследованию, оказавшись южнее Пиренеев, при желании могли продолжать путешествие через Португалию или отправляться в Африку.

Несмотря на свою теперь уже прозападную позицию, Франко признал, что считает войну против СССР обоснованной. Он называл ее борьбой, необходимой для защиты Европы, возражал против выдвигаемого союзниками требования «безоговорочной капитуляции» рейха и в течение многих месяцев безуспешно пытался способствовать заключению сепаратного мира между англо-американцами и немцами.

Между тем Хордане стало известно, что и Черчилль без особой радости взирал на продвижение советских армий. Когда в 1944 году после вторжения союзников Германия покинула Францию и Испания оказалась полностью окруженной силами Запада, Франко обратился к британскому премьеру. Однако тот не в состоянии был ни пойти навстречу желанию каудильо спасти рейх от разрушения, ни заключить с Мадридом оборонительный пакт.

Франко предпринял попытку сближения не только потому, что картина Европы, по его представлениям, включала в себя и линию фронта с большевизмом. Каудильо опасался посягательств на испанскую территорию, и воспрепятствовать этому президент Рузвельт мог в столь же малой степени, что и генерал Шарль де Голль, временное правительство которого после отставки маршала Петэна было признано Мадридом.

Многие эмигранты-испанцы сражались против немцев на стороне французского Сопротивления. После освобождения

Франции Сталин указал им направление нового удара, которым они могли одновременно и утолить чувство мести, и смыть позор, которым покрыла себя советская политика в Испании в 1938 году. Коммунисты, анархисты и социалисты для пропагандистских целей захватили радио Тулузы, и около 10 000 их боевых соратников, оснащенных преимущественно современным американским оружием из арсеналов генерала де Голля, перешли границу в Пиренеях.

Атака бесславно провалилась, поскольку население негативно отнеслось к участникам вторжения, а отряды пограничников выполнили свой долг. Однако демократически настроенные государственные деятели Запада не извлекли из этого никакого урока, а крепко держались за свой союз с СССР. При учреждении новой всемирной организации (ООН)[58] в Сан-Франциско Испания, в отличие от Советского Союза, не вошла в число стран-учредителей.

Торжественная акция в Сан-Франциско не внесла ясности в результаты второй мировой войны. Еще пять лет назад будущее, казалось, принадлежало авторитарным системам правления, и Испания настолько приспособилась к ним, что могла надеяться на возможность утвердить свою независимость. Теперь же географическое разделение государственных образований выглядело совершенно по-иному. После смерти Муссолини и Гитлера в Европе наряду с Салазаром (который, однако, будучи премьер-министром Португалии, издавна являющейся союзником Великобритании, мог рассчитывать на снисхождение) остался лишь один глава государства, стоящий на правых позициях: Франсиско Франко. Отныне гнев демократов и коммунистов был направлен против него.

ВНЕ ЗАКОНА

Травля началась на Потсдамской конференции[43]. «Большая четверка» изгнала Испанию из содружества наций. Было объявлено, что режим Франко не обладает необходимой квалификацией для принадлежности к Объединенным нациям (ООН). В тот момент это заявление носило лишь формальный характер. Однако под влиянием советского диктатора это уже вскоре могло повлечь за собой враждебные акции.

Франко реагировал, как обычно, хладнокровно. Он вновь старался выиграть время, и для этого ему представилась тактическая возможность, ибо вокруг Евразии усиливалась поляризация, вырисовывался грядущий конфликт между Востоком и Западом. На фоне этой конфронтации Испания нашла возможность преодолеть свою изоляцию. Поскольку заранее было ясно, чью сторону примет каудильо, ему было необходимо своевременно утихомирить политиков-демократов.

Франко распорядился сократить число политических заключенных (по официальным данным, в 1940 году их было 250 719, а в 1944 году — 28 077 человек). Он ввел референдум, расширил полномочия кортесов и путем реорганизации правительства сократил влияние Фаланги, которая теперь не имела права на приветствие поднятием руки. Еще до этого, 16 июля 1945 года, глава государства утвердил основной закон («Фуэро де лос Эспаньолес»), регулировавший обязанности и права испанцев. Фуэро несколько напоминал Билль о правах в англосаксонских государствах, а также соответствовал и современным программам (требование свободы объединений и собраний, право на образование, труд и социальные гарантии). Закон тем не менее был подвергнут критике, поскольку, подобно прежним уступкам, не ограничивал жесткими рамками полноту личной власти каудильо.

На какое-то мгновение более действенным оказался иной маневр: отвод испанских оккупационных войск из Танжера, осуществленный в конце октября 1945 года. Некоторые органы арабского освобождения считали, что это доставит им определенные осложнения, и прониклись симпатией к Франко лишь тогда, когда лидеры неудавшихся восстаний в Сирии и Алжире бежали в Тетуан и там, к величайшему недовольству французов, стали вести подготовку к новым акциям.

17 апреля 1946 года, по указанию Сталина, представитель коммунистической Польши выступил в Совете Безопасности ООН с резкими обвинениями в адрес Испании: якобы под

покровительством Франко еще скрываются 200 000 вооруженных немцев, а также немало ученых из бывшего рейха, которые заняты созданием атомной бомбы. Это утверждение дополнялось заключением комиссии пятерки, которая для его составления привлекла в качестве консультанта премьер-министра испанской эмиграции Хосе Гираля.

После долгих дебатов Генеральная ассамблея ООН, по настоянию коммунистического востока и западных держав, 13 декабря 1946 года вынесла строгий вердикт. Испания впредь подлежала отстранению от всех мероприятий ООН. Одновременно странам — членам ООН было рекомендовано до низвержения режима Франко отозвать из Мадрида свои дипломатические миссии.

По-видимому, считалось, что теперь между Франко и испанским народом возникнет пропасть, подобно той, как однажды в XI веке анафема отделила князя от подданных. Однако каудильо отнюдь не оказался в затруднительном положении. Получив сообщение, он лишь сказал министру, присутствовавшему при этом: «Всю вторую половину дня я рисовал. Поистине, я нахожу все больше удовольствия в этом занятии».

Если бы целью Объединенных Наций было повысить престиж режима Франко — они не могли бы проголосовать удачнее. В действительности же ООН действовала, не понимая ментальности народа, которого это касалось. Испанцы обычно отзываются о своем государстве и его представителях очень резко, зачастую легкомысленно, однако с горячим возмущением встречают насмешки посторонних на этот счет.

То же самое произошло и в 1946 году. По призыву профсоюзов и молодежных организаций, бывших фронтовиков и пленных 500 000 мадридцев устремились к Паласио де Ориенте, где Франко принимал выражения почитания. Подобное происходило и в других городах. Генерал Кеипо де Льяно, который в 1939 году разорвал отношения с главой государства, в Севилье перед огромными толпами собравшихся с энтузиазмом выступал в защиту своего старого товарища.

При этом каждому разбирающемуся в политике испанцу было ясно, что экономическая стабилизация наступит еще не скоро. В 1947 году Испания не была включена в план Маршалла{59}, а затем и в Европейскую программу восстановления. Для страны, которой все новые инвестиции давались с трудом, после того как СССР лишил ее золотого запаса, где посевные площади в условиях снижения урожайности на 30–65 % сократились с 8,29 до 6,53 миллиона гектаров, а поголовье скота составляло всего

лишь 27–40 % от прежнего уровня, это стало тяжелым ударом.

Испания не находилась в полной изоляции. Многие латиноамериканские страны и арабские государства Ближнего Востока не подчинились решению ООН и оставили свои миссии в Мадриде. Аргентина даже предоставляла режиму Франко под небольшие проценты кредиты, за счет которых приобретались пшеница, кукуруза, растительное масло и мясные консервы. Однако экономическое чудо, к которому стремились Западная и Центральная Европа, останови лось на пиренейской границе.

Тем временем республиканцы из Народною фронта развернули оживленную деятельность. Гираль был не тем человеком, который мог бы объединить все силы. Анархисты оставались в стороне от эмигрантского правительства в Мексике и охотнее опирались на Тулузу, где под руководством Федерики Монсени разворачивали одну пропагандистскую кампанию за другой. Альварес дель Вайо, придерживавшийся сталинистских настроений, был исключен из числа социалистов, а противоречия между Негрином и Прието обострились.

Все ждали совместных действий правого крыла социалистов с либералами, которые избрали своим лидером Дон Хуана. Принц должен был, как и во время войны, потребовать от Франко поста регента и подчеркнуть, что в результате женитьбы он может действовать от имени обеих монархических групп — как альфонсистов, так и карлистов. В конце концов, с помощью реставрации королевства, умеренные республиканцы рассчитывали сами стать у руля.

С одобрения английского министра иностранных дел, они вели секретные переговоры в Лондоне и Париже. Хиль Роблес и Прието, участвовавшие в них, не пришли к единому мнению. Когда о происходящем стало известно Франко, он ловким маневром обошел Дон Хуана: 31 марта 1947 года было официально объявлено, что Испания вскоре вновь станет монархией, но без короля — до тех пор, пока жив нынешний глава государства.

Дон Хуан выступил с резким осуждением режима Франко, и это только повредило монархистам, ибо каудильо нанес жестокий ответный удар. Он развязал в прессе кампанию, неприятную для претендента на престол, конфисковал значительное имущество, принадлежащее династии, и сократил финансовые ассигнования Испанского государства на нужды проживающей в Швейцарии вдовствующей королевы Виктории Евгении.

Кроме того, 7 июня 1947 года был опубликован закон о порядке престолонаследия. Он закреплял предшествовавшее ему решение каудильо и позволял ему в любое время назначать

короля или регента, который должен был «уважать основы и принципы национального движения». При этом Франко мог исключать из порядка престолонаследия всех лиц королевского рода, у которых отсутствовала «необходимая способность к правлению» или которые вследствие определенных действий «лишались своих прав на престолонаследие».

Закон о порядке престолонаследия Франко вынес на референдум. «Если настоящее нашей страны находится в моих руках, — публично заявил он, — то я не смогу служить ей и после смерти». По официальным данным, из 17 178 812 испанцев, имевших право голоса, 15 219 565 пришли к урнам и 14 145 163 заявили о своем согласии с принятым положением (при 722 656 голосах против и 336 592 недействительных бюллетенях).

Средства массовой информации социалистических государств Восточной Европы, где в официальных сообщениях о выборах указывалось, как правило, еще большее число голосов «за», а также многие западные комментаторы говорили о «потемкинских деревнях»{60}. Однако большинство иностранных наблюдателей в Испании считало официальные результаты достоверными, хоть и существовали различные мнения относительно побудительных причин и взглядов избирателей.

Возможно, на результатах сказались, кроме вполне понятного желания возврата к стабильному положению, и страх перед новой гражданской войной, и эффект солидаризации, вызванный в конце прошлого года неловкими действиями ООН. Во всяком случае, официальных данных никто не смог опротестовать. Положение Франко укрепилось, как никогда прежде.

В свою очередь, уменьшился деструктивный потенциал испанских эмигрантов. Сочувствие и готовность помочь со стороны стран пребывания стали сомнительными. Республиканцы из Народного фронта не могли по-настоящему приспособиться к изменению международного положения под влиянием холодной войны. Разногласия в среде эмигрантов усиливались. Недееспособный парламент, состоявший приблизительно из 100 депутатов, выбранных в Испании, влачил жалкое существование, так же как и многократно реорганизовывавшееся правительство.

Распадался и фронт антифранкистски настроенных государств — членов ООН. Черчилль первым из влиятельных деятелей заявил о том, что безрассудно постоянно держать Мадрид в изоляции. Французские политики, которые предвидели, что Парижу за его враждебную позицию по отношению к Франко когда-нибудь придется дорого заплатить в Северной Африке, присоединились к мнению британцев. Американская палата представителей большинством голосов проголосовала за

распространение плана Маршалла и на Испанию. Преемник Рузвельта, напротив, использовал свое право вето и в 1949 году воспрепятствовал присоединению Испании к НАТО, в который с самого начала входила Португалия, где правил Салазар. Четырнадцать месяцев спустя вспыхнула война в Корее. Одним из ее последствий было то, что Генеральная ассамблея ООН 5 декабря 1950 года аннулировала свою резолюцию от 1946 года, и высшие военные чины Объединенных Наций потребовали восстановления дипломатических отношений с Мадридом.

Началось своего рода состязание за благосклонность со стороны каудильо. Вначале почву зондировали полуофициальные посетители, затем министр иностранных дел Альберто Мартин Артахо регулировал восстановление прерванных отношений. Вскоре Франко имел возможность принимать вновь назначенных дипломатов одного за другим в Паласио де Ориенте. Для того чтобы и жители Мадрида осознали наступившую перемену, придерживались старинной церемонии выезда кортежей с живописным эскортом.

На фоне этих шоу 1951–1952 годов большая политика достигла новых успехов. Поскольку в первую очередь Бельгия и Голландия, Дания, Норвегия и Великобритания по настоянию левых сил внутри этих стран возражали против инициируемого США вовлечения Испании в систему Североатлантического договора, Франко заявил одному из американских корреспондентов, что наилучшим решением ему кажутся прямые договоренности между обоими государствами.

Успешная поездка министра иностранных дел Альберто Мартина Артахо по Ближнему Востоку внесла свой вклад в расширение числа сторонников новой идеи, в особенности среди американцев. Следующая встреча между Франко и Салазаром 14 апреля 1952 года в Сьюдад Родриго завершилась твердой союзнической договоренностью и была, несомненно, первым контактом Испании с одним из государств НАТО в сфере оборонной политики.

Новые сигналы были правильно восприняты вашингтонским правительством. То, что переговоры все же затянулись, зависело преимущественно от Франко, которому теперь незачем было спешить с предполагаемым договором. Решение было принято, когда генерал Дуайт Эйзенхауэр был избран президентом Соединенных Штатов.

Он откомандировал своего нового посла в Ла Корунью, где находился каудильо, и выполнил большую часть требований Испании.

Франко не сдавал территорию в аренду, как этого желали бы

американцы. Все базы, которые предусматривались по договору, — три аэродрома, семь радиолокационных станций и склады снабжения, а также база флота в окрестностях Роты, — будучи единым объектом, оставались суверенным владением Испании. Обещанная же Вашингтоном экономическая и военная помощь в размере 85 или 191 млн. долларов оказалась менее существенной, чем надеялись в Мадриде.

Подписанию регламентированного по времени договора о военных базах Альберто Мартином Артахо и американским послом 26 сентября 1953 года в августе предшествовал конкордат между Мадридом и папским престолом. И этот договор, с симпатией встреченный массами католиков за границей, также способствовал тому, что лед недоверия был сломан. Еще до конца года Испания отправила делегацию в ЮНЕСКО, в Париж.

В общем, после смерти Сталина в 1953 году наступила оттепель. Новые кремлевские вожди казались почти любезными. Начиная с января 1955 года, испанское правительство получило возможность направить в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций своих постоянных наблюдателей. В начале декабря великие державы приняли решение о приеме в ООН еще 16 государств в качестве полноправных членов, и среди них Испанию. За это проголосовал даже Советский Союз.

Прорыв оказался успешным, Испания преодолела свою изоляцию. Правда, ей было отказано в равноправном партнерстве в рамках НАТО. Кроме того, после заключения Римского договора между государствами Европейского экономического сообщества (ЕЭС) перед Испанией вскоре возникли те же проблемы, что и до войны. Однако прежде всего испанский народ получил передышку.

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ

Франко шел шестьдесят третий год. Жидкая растительность на голове и коротко подстриженные усики поседели, брови стали кустистыми. Большие глаза под оголившимся лбом, острый орлиный нос и энергичный подбородок отвлекали внимание от морщинистой шеи. Молодцеватая выправка главы государства заставляла забыть о том, что он был маленького роста и страдал тучностью.

Каудильо регулярно, пока не отсоветовал врач, играл в теннис. Когда занятия теннисом пришлось прекратить, стал совершать долгие прогулки, пешие и верхом. Старый солдат не утратил любви к рыбной ловле и охоте. Его главным увлечением была живопись. Прилив бодрости и сил Франко ощущал, плавая вдоль берегов Атлантики на яхте «Азор». Такая возможность предоставлялась во время продолжительных посещений Ла Коруньи и Сан Себастьяна.

Еще со времен войны Франко обычно жил в Пардо — замке XVI века, расположенном неподалеку от столицы. Распорядок занятий и досуга там был строго регламентирован: с 10.00 примерно до 15.30 — работа за письменным столом, затем скромная трапеза, после нее — изучение документов и диктовка, вскоре после 22.00 последняя трапеза, около полуночи молитва с четками вместе с супругой, после этого — недолгое чтение перед сном.

Радость и веселье в эту спокойную и размеренную жизнь доставлял приезд замужней дочери с супругом и семью детьми. Разнообразие иного рода вносили аудиенции, происходившие по вторникам и средам. Каждую пятницу Франко проводил заранее подготовленное заседание кабинета, которое начиналось в 14.30 и нередко затягивалось до субботнего утра.

Два-три раза в год Франко отправлялся в штатском костюме, в качестве болельщика, в Мадрид на коррида де торос[44] или на футбольные матчи. Во время государственных мероприятий он надевал мундир генерал-капитана. В этих случаях его старый ролс-ройс всегда сопровождал эскадрон улан мавританского эскорта «Эсколта монтада»[45] на пританцовывающих конях, весь сверкающий бело-сине-красным, в одежде, сплошь расшитой галунами, в тюрбанах поверх шлемов толедских сарацин.

Блестящие парады, торжественные богослужения, процессии и пышные приемы казались атрибутами исчезнувшей монархии. Однако их придворная роскошь была политической реальностью, причем не просто бутафорией или выражением настроения

тщеславного властителя. Старинные, знакомые каждому испанцу церемонии способствовали скорее самоосознанию государства, которое после вступления в силу закона о порядке престолонаследия снова называлось королевством.

Впрочем, трон оставался вакантным. Франко назначал по своему разумению не только упомянутый в законе о порядке престолонаследия совет королевства, но и всех министров, 50 из 299 депутатов кортесов и 54 гражданских губернатора, кроме того, чрезвычайных советников и комиссаров, дипломатов и высших офицеров, прокуроров и судей, функционеров ИТФ и лидеров профсоюзов, а на основе конкордата, недавно заключенного с Ватиканом, — и всех епископов Испании.

Разумеется, глава государства, находящийся на вершине власти, хотел принять решение и относительно того, кто однажды будет носить корону. Однако никто не смог бы сказать, что задумывал Франко, когда уже вскоре после последней резкой стычки, а потом все чаще стал встречаться с претендентом на престол. При этом Дон Хуан добивался признания своего права на престолонаследие. Каудильо, напротив, придавал большое значение серьезному воспитанию молодого принца Хуана Карлоса в Испании.

Но и своих намерений Франко умышленно не открывал, предоставив карлистам некоторую свободу маневра. Несмотря на то, что представители династии в период гражданской войны вымерли и притязания на престол могли быть предъявлены только со стороны пармских Бурбонов, а именно принца Карлоса Гуго, и только на основании завещательного распоряжения, каудильо поощрял, вернее, терпел собрания кар-листов, в первую очередь традиционную встречу на Монтехуре.

Столь же бесцеремонно-высокомерно Франко обходился и с Фалангой. Когда-то он укоротил ей «революционные крылья» путем формирования ИТФ и ясно дал понять, что никаких переворотов не будет, а будут реформы. С той поры каудильо несколько раз заменял генерального секретаря ИТФ. Партия считала, что во время послевоенных реорганизаций кабинета ее оттесняли на задний план; единственная сфера, где она еще могла предпринимать какие-то шаги, — это социальная политика.

В этой не свойственной ей деятельности ИТФ достигла заметных успехов. Выдвинутый ею министр труда Хосе Антонио Гирон с энтузиазмом выполнял хартию 1938 года: ввел страхование по старости и по болезни, охрану материнства и финансовые пособия, основал 4 университета для рабочих и 117 других учебных заведений, а также 40 санаториев и многочисленные дома отдыха.

Несмотря на это, к 1955 году популярность ИТФ резко снизилась. Для каудильо близился момент действия. Когда печатный орган партии «Арриба» брал у него интервью и задал несколько вопросов, целью которых было дискредитировать монархическую идею, Франко нанес Фаланге серьезный удар. «Партия, — сказал он, — это всего лишь часть национального движения, и не обязательно наиболее значительная».

В конце года произошел скандал: на ежегодной мессе в память основателя Фаланги Хосе Антонио Примо де Риверы Франко присутствовал, не будучи в форме члена партии, и до его слуха дошли приглушенные возгласы протеста из рядов почетного караула. Незамедлительно были убраны со своих постов все молодежные лидеры партии, а несколько месяцев спустя, после столкновений между соперничающими студенческими группировками, — и ее генеральный секретарь.

Партийный аппарат Фаланги возглавил Хосе Луис Арресе, которого Франко однажды уже назначал преемником своего зятя Серрано Суньера. «Camisas viejas» почуяли, что подул свежий ветер; вместе с новым генеральным секретарем они, выступая, так сказать, в роли хранителей конституции, выдвинули требование о введении законодательно закрепленного права вето по отношению к королевской монархии в испанском государстве.

На это каудильо не пошел. Арресе потерял свой пост генерального секретаря ИТФ и был назначен министром жилищного строительства. Его сменил Хосе Солис Руис, который впервые объединил в одних руках партийный аппарат и двадцать четыре синдиката[46]. Поскольку старый профсоюзный босс никогда не выходил за рамки, установленные главой государства, такое сосредоточение власти опасности не представляло. Франко опять «пристегнул» честолюбие ИТФ к социальной политике. Здесь Фаланге предстояло вновь показать себя — или потерпеть неудачу.

В последовавшем позднее законе касательно основ и целей «национального движения» ИТФ больше не упоминалась. Насколько глубоким был разрыв между каудильо и Фалангой, выяснилось во время перезахоронения останков Хосе Антонио Примо де Риверы в скальном соборе Валье де лос Саидос. На этот торжественный акт Франко не явился, а прислал своего представителя, государственного секретаря Луиса Карреро Бланко.

Дело было не в том, что каудильо с помощью этой и иных эскапад попросту стремился укрепить собственное господство и ликвидировать испанский фашизм, переставший соответствовать духу времени. И то, и другое намерение, раньше или позже, но

осуществились. Решающее значение для политики, проводимой Франко по отношению к партии, имело развитие двух комплексов проблем: экономическая отсталость и драма в Северной Африке.

В отличие от многих консерваторов Франко был убежден в том, что бедственное положение Испании можно преодолеть посредством индустриализации с помощью методов государственного капитализма. Поскольку испанский частный капитал не мог в достаточной степени финансировать реконструкцию промышленности, он создал Instituto National de Industria (INI) — Национальный институт промышленности (НИП) и во главе этой огромной организации поставил бывшего инженера военно-морского флота Хуана Антонио Суансеса.

Позднее было создано еще одно учреждение, Instituto National de Colonizaciyn (INC) — Национальный институт колонизации (НИК), которое проведением успешных реформ способствовало подъему нищих сельских районов, а НИП, в рамках которого существовало около семидесяти предприятий, стал движущей силой зарождавшегося экономического чуда. Производство электроэнергии на гидроэлектростанциях возросло с 3,7 млн. киловатт-часов в 1940 году до 11,2 млн. в 1956-м. Промышленное производство в течение пяти лет было почти удвоено.

Подобное ускоренное развитие вызвало, разумеется, болезни роста и даже привело к опасному для жизни кризису, когда в 1956 году Гирон добился повышения заработной платы рабочим за два приема на сорок процентов. Возникший избыток валюты толкнул Испанию на путь инфляции. Подобное тяжкое бремя угрожало экономике, еще не вполне вставшей на ноги.

Хосе Антонио Гирон потерпел неудачу в своих попытках создания для рабочих государства всеобщего благоденствия в соответствии с идеалами старой Фаланги, поскольку эта честолюбивая политика была недостаточно ориентирована на экономический рост. Подобные упреки можно адресовать и Хосе Солису Руису и Хуану Антонио Суансесу.

Кадровая перестановка, на которую решился Франко в 1957 году, предполагала значительное политическое ослабление Фаланги. Были смещены не только Гирон, но и другие министры кабинета, бывшие членами ИТФ. В НИП и НИК, а также в прочих многочисленных консультационных и административных органах были произведены замены персонала.

Среди сравнительно молодых людей, которых Франко в 1957 году назначил на ключевые посты, имелись уже достаточно известные фигуры: Альберто Ульястрес, Лауреано Лопес Родо, Фернандо Мария Кастиэлья, Педро Гуаль Вильяль-би и Мариано Наварро Рубио. Они пришли из университетов и крупных банков,

и хотя трое из них и принадлежали к «Opus Dei»[47], распространенной по всему миру католической общине, однако новые лидеры не представляли никаких определенных группировок, партий или доктрин, а поэтому могли считаться технократами. Действительно, они совершили, по выражению Клауса фон Бейме, переход «от фашизма к диктатуре развития».

Теперь, когда Фаланга уже не представляла какого-либо значения, можно было произвести преобразования и на африканских территориях. Благодаря дружественным отношениям с арабами Франко утратил свободу маневра. Уже не играло роли то обстоятельство, что он предоставил убежище борцам за освобождение и дал автономию Рифу. На фоне политики деколонизации, проводимой ООН и французским соседом, столь важные уступки утратили свою ценность.

Испания, как и Франция, понесла значительные жертвы в ходе восстановления независимости Марокко. Подвигнуть на это Фалангу в те времена, когда она обладала силой, было бы невозможно. Франко же принял в Мадриде султана Мохаммеда бен-Юсуфа, и Мартин Артахо подготовил договор, согласно которому Сеута и Мелилья, будучи испанскими городами, впредь сохраняли связь с метрополией, а прочая территория Рифа вновь переходила под власть главы шерифского королевства.

Вскоре марокканцы потребовали и возвращения Ифни. Кастиэлья, ставший тем временем министром иностранных дел, не смог уговорить их отказаться от этого. Партизаны вторглись с боями в рыбацкий город и были отброшены лишь семь дней спустя. Карательная экспедиция, в которой принимали участие и французские войска, положила конец короткой войне в Сахаре 1957–1958 годов. В результате Испания сохранила свой опорный пункт еще на десять лет.

Казалось, престиж каудильо упал. Как стало известно из правительственных и армейских кругов, Франко заранее знал о намерениях марокканцев совершить нападение, однако с оглядкой на Америку, где как раз находился с визитом Мохаммед бен-Юсуф, не принял неотложных мер. Впрочем, в ходе боев в Ифни был попутно достигнут итог, говоривший в пользу политики главы государства. Франция и Испания больше не были соперниками в Северной Африке.

То обстоятельство, что Кастиэлья стремился к длительному партнерству с соседом, на короткое время способствовало повышению престижа Франко. При ближайшей возможности каудильо нанес визит Эйзенхауэр. Их встреча возымела действие, на которое рассчитывал министр иностранных дел. Когда 22 декабря 1959 года Франко и Эйзенхауэр при прощании у

взлетной полосы в Торрехоне обменялись традиционным испанским абрасо[48], Мадрид ликовал.

НОВЫЕ КРИЗИСЫ И ПЕРЕЛОМЫ

«Hagan lo que las de la gana» — «Делайте что хотите», — якобы в конце концов заявил Франко Лопесу Родо, Ульястресу и Наварро Рубио, когда те, протестуя против его аргументов, пытались добиться согласия на проведение плана стабилизации, одобренного зарубежными экспертами. Прописанное лечение было суровым. Отменялась система множественных валютных курсов, песета путем установления реальной номинальной стоимости превращалась в твердую валюту, и Испания таким образом становилась равноправным членом ОМСР[49].

К ужасу Суансеса и Арресе, трое членов «Opus Dei» вплотную занялись стабилизацией неповоротливой, не имевшей экспортных возможностей экономики, для чего ликвидировали или ограничили все государственные дотации и, кроме того, осуществили новые мероприятия, на-правленные на экономию. Дефляция остановила взвинчивание цен. Дефицитный платежный баланс уже в следующем году впервые сменился миллионным ростом. Промышленное производство в течение двенадцати месяцев увеличилось на 11 процентов, а выплавка стали возросла даже на 20 процентов.

Однако поначалу произошло разорение бесчисленного множества мелких предпринимателей. Десятки тысяч внезапно потеряли рабочие места, почти такое же количество лишилось всякого рода синекур, особого вознаграждения или оплаты за сверхурочную работу. Болезни роста, поразившие промышленность, на этот раз проходили легче, чем прежде, и вскоре должны были привести к новому подъему, но тем, кого это непосредственно коснулось, подобное, разумеется, не приходило в голову. Они ощущали себя жертвами кризиса.

1960–1961 годы были ознаменованы серьезными волнениями среди рабочих и студенчества. Ссылаясь на «Encyclia Mater et Magister» папы Иоанна XXIII, к бастующим горнякам Астурии и революционному движению басков «Euzkadi Ta Azkatasuna» (ETA) впервые примкнуло клерикальное объединение левой ориентации — «Hermandad Obrera de Action Catolica» (HOAC) («Трудовое братство католического действия», ТБКД). Затем заставила заговорить о себе организация «Directorio Revolucionario Iberico de Liberation» (DRIL) — Иберийская революционная директория освобождения» (ИРДО), организовавшая ряд покушений с применением бомб. Вооруженные республиканцы-эмигранты вновь перешли «зеленую границу» в Пиренеях.

Все это, возможно, быстро было бы предано забвению, если

бы не история с «Санта Марией» и не начало войны в Анголе — два события, в результате которых мадридский режим в 1961 году предпринял дальнейшие шаги по деколонизации в пользу Испанской Гвинеи. Они также стали причиной спекуляций вокруг отставки премьер-министра Португалии Салазара, имевшей определенные последствия и для Франко.

Положение казалось совершенно критическим, когда рождественским вечером 1961 года в руках каудильо взорвалось охотничье ружье. Франко был ранен, потребовалась операция, и существовала опасность, что 69-летний глава государства не перенесет наркоза. Во всяком случае, сам Франко не исключал такой исход, поскольку предварительно вызвал к себе генерала Муньоса Грандеса, влиятельного члена регентского совета, а также других представителей высшего офицерства.

Несмотря на то, что каудильо перенес оперативное вмешательство без каких-либо последствий, в 1962 году волнения усилились, в особенности со стороны относительно хорошо оплачиваемых рабочих северных провинций. Политики различной окраски поспешили в Мюнхен, где под руководством Хиля Роблеса и заместителя Прието обратились к странам — членам Общего рынка с призывом принять Испанию в ЕЭС лишь после того, как она осуществит демократические реформы. Кроме того, вновь начал агитационную деятельность нелегально возвратившийся на родину лидер коммунистов Хулиан Гримау, разыскиваемый как военный преступник.

Тем временем сопротивление было постепенно сломлено на всех фронтах. Глава государства ввел в Астурии, Бискайе и Гипускоа осадное положение на период, пока Солису Руису не удалось достичь договоренности между предпринимателями и рабочими. Далее Франко развеял всякие сомнения в прочности и последовательности действий режима, назначив генерала Муньоса Грандеса на пост вице-президента. Хиль Роблес был вынужден эмигрировать. Гримау был арестован, приговорен к смерти и 20 апреля 1963 года казнен.

Смерть лидера коммунистов взволновала умы в большей степени по ту сторону границы, чем в самой Испании. При голосовании по вопросу о помиловании мнения членов кабинета разделились; поговаривали, что и Франко поначалу хотел проявить милосердие, однако затем отказался от этой мысли в результате попыток постороннего вмешательства. Политических последствий эти разногласия не имели.

Нация ощущала рост новых импульсов. Непривычные контуры новых веяний просматривались не только в том, что Мануэль Фрага Ирибарне, занимающийся вопросами информации

и туризма, говорил о либерализации и ослабил цензуру. Всеобщее внимание привлекло и то, что Грегорио Лопес Браво произвел реформу министерства промышленности, а Лауреано Лопес Родо обнародовал многообещающий план развития.

К тому же оправдало себя предпринятое в 1963 году преобразование договора о военных базах между Испанией и США в договор о взаимопомощи. Выгодные кредиты были обещаны Кастиэлье также правительством генерала де Голля, которое, кроме того, выразило готовность оказать помощь в строительстве первой в Испании атомной электростанции. Стимулирующее воздействие оказало также то обстоятельство, что Фрага Ирибарне в 1964 году сумел привлечь в страну около 17,25 млн. туристов, обеспечив этим мощный приток иностранной валюты.

В 1964 году Лопес Браво зафиксировал прирост промышленного производства, равный 140,2 %, что неожиданно выводило Испанию на первое место, обогнавшую Японию (139,2 %) и США (121,6 %). Производство автомобилей возросло до 350 000 в год; в производстве телевизоров (74,60 %), холодильников (146,91 %) и стиральных машин (98,23 %) наблюдался еще больший рост. Доход на душу населения за период с 1958 года увеличился более чем вдвое.

Несмотря на все еще ощутимые инфляционные тенденции благосостояние испанского народа возрастало. Не в последнюю очередь по этой причине оппозиционные группировки в 1965 году переживали глубокий кризис. Новой организации, основанной Альваресом дель Вайо, «Frente de Liberation National» (FLN) — «Фронт национального освобождения» (ФНО), практически не удалось занять прочных позиций. Подобным образом обстояли дела и у христианско-демократических союзов, действовавших с января этого же года.

Признаки резкого неудовольствия, исходящие от ТБКО, ЕТА и различных академических кругов, прежде всего студенчества, в связи с вялым ходом обещанной либерализации, не встречали особого отклика в народных массах. Было известно, что Муньос Грандес, Карреро Бланко, Солис Руис, Фрага Ирибарне и другие в 1965–1966 годах занимались разработкой новых основных законов.

Начало реформам положили две уступки, уже не явившиеся неожиданностью: закон о прессе и предоставление права забастовок неполитического характера. Несколько месяцев спустя, 22 ноября 1966 года, Франко внес на рассмотрение кортесов «Внутренний закон государства». Симпатии были на стороне новой конституции, что подтвердил проведенный в середине декабря референдум, в котором приняли участие до

88,79 % испанцев, имеющих право голоса (2,33 % воздержавшихся, 1,81 % голосов «против», 96,06 % голосов «за»).

Закон, провозглашенный 10 января 1967 года, содержал многочисленные новшества. Особенно обращал на себя внимание тот факт, что он разделил посты главы государства и главы правительства, которые с 1936 года объединял в своем лице Франко. Каудильо в будущем должен был назначать премьер-министра на пятилетний срок и имел возможность смещать его по личному усмотрению. Тому вменялось в обязанность формирование кабинета и председательство в Национальном совете и в комиссии по обороне.

Среди совещательных органов преимущество получал предусмотренный законом о порядке престолонаследия совет королевства, число членов которого было увеличено с 13 до 16. Франко больше не назначал, как прежде, троих из них, все члены совета избирались различными органами. Задачей совета являлось облегчать главе государства назначение премьер-министра и председателей Верховного суда, кортесов и Счетной палаты путем предложения трех возможных кандидатур. Кроме того, в задачи совета входило принятие решений по кассационным жалобам.

Число депутатов кортесов возросло на 100 человек, а именно за счет двух представителей глав семейств (мужчин и женщин) из каждой провинции. С другой стороны, закон сокращал число прокурадорес, назначаемых главой государства, с 50 до 25. Существенно возросли контрольные полномочия собрания. Отныне министры были обязаны давать ответы на вопросы и интерпелляции[50] депутатов. Постоянная комиссия парламента обрабатывала протесты граждан государства и юридических лиц.

Тем не менее Франко твердо удерживал в руках бразды правления. Согласно статье 6 «Внутреннего закона государства» он оставался «высшим представителем нации». Каудильо и впредь направлял ее политику, осуществлял главное командование и право помилования, производил аккредитацию иностранных дипломатов, назначал на должности, созывал законодательные и консультативные собрания и имел право (за исключением выборов) председательствовать на них или отсутствовать. Правда, для объявления войны и введения в силу международных договоров и соглашений ему было необходимо заручиться согласием, а на случай всех совершаемых им официальных действий — визой президента кортесов или совета.

Далее характерным явилось то, что Франко в течение по крайней мере, шести последующих лет медлил с назначением премьер-министра, предусмотренного «Внутренним законом

государства». Не произошло и формирования новых политических объединений («asociaciones politicas»), несмотря на то, что об этом ходатайствовали Лопес Родо и Гираль. Говорили, что этому рискованному предприятию воспротивился вице-адмирал Карреро Бланко, который со времени окончания войны был ближайшим советником главы государства. Поскольку все партии, помимо предписываемых, и впредь были нелегальными, кортесы оставались своего рода органом сословий. Однако вследствие увеличения числа депутатов и вступления в силу закона о выборном семейном представительстве от 28 июня 1967 года они приблизились по своему характеру к представительной законодательной власти по западному образцу.

Если кортесы, в особенности их различные органы, вступили в период обновления, то проблема престолонаследования весьма медленно двигалась к своему разрешению. Закон о порядке престолонаследия претерпел изменения вследствие изменений в статьях 8, 9, 11 и 13 конституции, и монархия как форма правления в результате усилилась. Однако для ее восстановления недостаточно было того, что Муньос Грандос, который был закоренелым республиканцем и постоянно высказывался против реставрации королевской власти, 28 июля 1967 года ушел с политической сцены, и пост вице-президента занял Луис Карреро Бланко.

1 января 1968 года Дону Хуану Карлосу исполнилось тридцать лет, и теперь он удовлетворял условиям, предусмотренным законом для назначения наследником, однако никаких действий не последовало. Франко считал, что и далее должен хранить молчание, пока отец принца предъявляет свои притязания и Дон Карлос Хуго Бурбон-Пармский регулярно встречается с Фалем Конде и его многочисленными приверженцами.

Впрочем, наводило на размышления то обстоятельство, что в Португалии Салазар внезапно утратил способность управлять государством. Еще в конце 1968 года Франко выслал из страны карлистского претендента на престол. Растущее отчуждение между Доном Хуаном Карлосом и его отцом также вносило коррективы в ситуацию. Последний шаг сделали возможным Карреро Бланко и Солис Руис благодаря своему влиянию на подавляющее большинства прокурадорес.

22 июля 1969 года Франко подошел к микрофонам, установленным в сословном парламенте, и своим звонким, надтреснутым от преклонного возраста голосом без обиняков предложил принца Хуана Карлоса в качестве наследника в руководстве государством. Кортесы последовали этому

предложению без всяких прений 491 голосом против 19 при 19 воздержавшихся.

Испания сделала важный конституционно-политический шаг в будущее. Правда, отдельные комментаторы придерживались мнения, что недавнее голосование в кортесах вовсе не является окончательным вотумом в пользу Дона Хуана Карлоса и монархии. Однако все указывало на то, что препятствия на пути к конституционному королевству устранены почти полностью.

Если проследить за дальнейшим движением к поставленной цели, то в один прекрасный день Испания смогла выполнить условия Римского договора и ходатайствовать о своем приеме в ЕЭС. До этого момента предстояло еще многое осуществить, однако Лопес Родо, претворяя в жизнь свой второй четырехлетний план «Desarollo Economico y Social» (экономического и социального развития), уже способствовал росту конкурентоспособности отдельных отраслей промышленности, а Ульястрес, став чрезвычайным послом при ЕЭС, с помощью договора о льготах в 1970 году открыл испанской продукции возможности хорошего сбыта.

Вскоре наметился третий план развития, дополнением к которому в сфере социальной политики стали новая концепция министра по делам воспитания Хосе Луиса Вильяра Паласи и синдикальный закон от 16 февраля 1971 года. Вертикальные профсоюзные организации были упразднены, кандидатуры на посты функционеров перестали быть зависимыми от членства в ИТФ, а все представительства рабочих были освобождены от их прямой зависимости от государства.

Теперь производство и труд разворачиваются полностью в рамках рыночной экономики. Этот процесс, одновременно с которым идет реформа образования, призванная воспитать в людях «сознательное и ответственное использование свободы», способствует социальным изменениям крупного масштаба. Не секрет, что структура государства, управление им и его политика когда-нибудь придут в соответствие с растущим плюрализмом достижений испанского общества.

Этого ли хотел Франко, когда в бараке на аэродроме в Саламанке его выбирали главой государства? Разумеется, нет. Тогда речь шла о том, чтобы победить или умереть. Позже, во время Второй мировой войны и в годы изоляции, обескровленная, голодающая Испания не могла позволить себе экспериментов. Восстановление началось с опозданием, основываясь на принципах планового хозяйства и тех представлениях о социальном развитии, которые исповедовал Хосе Антонио Примо де Ривера.

Что же касалось политических возможностей масс, то здесь Франко всегда был убежденным скептиком. Он считал, что либерализм и демократия не только оказались несостоятельными — они попросту стали причиной упадка, в котором в течение целого века пребывала испанская нация. Поэтому ему казалось необходимым сохранить свое патерналистское правление в качестве главы государства и правительства в течение возможно более долгого срока.

Более или менее доброжелательные биографы называют его «ловким тактиком», который благодаря принципу «Divide et Impera»[51] смог удержаться в течение 35 и более лет. Даже свадьба его внучки Марии дель Кармен с кузеном принца Хуана Карлоса (1972) рассматривается именно с таких позиций. Противники же считают Франко «фашистом». Они недооценивают того, что каудильо мог столь долго оставаться у власти, поскольку был склонен более к реакциям, нежели к акциям.

В этой способности («habil prudencia»[52]) состояла скрытая сила Франко. С ее помощью он сумел создать и укрепить свой режим, обезопасить себя от подлинных фашистов и сблизиться с Америкой, использовать Фалангу и другие силы, а затем нейтрализовать и преодолеть их. Это редкое свойство дало ему возможность в преклонном возрасте совершить поворот к современности.

Когда около 15 лет назад Франко по собственной инициативе путем привлечения способных кадров омолодил свой кабинет столь радикально, как никакой другой глава государства нашего века, он одновременно усвоил доктрину, которая не была известна ни одному из испанских политиков трех или четырех последних поколений: нужно создать богатство прежде, чем раздавать его.

Опираясь на этот принцип, действуя в благотворной обстановке мирного периода, наиболее длительного в истории Испании, Франко пустил в ход механизм реформ, что не удалось ни Кановасу, ни Примо де Ривере, не говоря уже о революционерах в области социальной политики. Вопреки ошибкам планирования и неудачам, сопротивлению и протестам, выступлениям рабочих и диадохов[53] Испания наверстывает виток цивилизации, который успели тем временем совершить страны, сопоставимые с ней.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Двадцатитрехлетний майор (коммаиданте) Франсиско Франко в период марокканской войны, 1916 г.

2. Выступление тридцативосьмилетнего генерала перед учащимися военной академии в Сарагосе 15 апреля 1931 г.

3. Франко (справа) среди защитников крепости Толедо после снятия осады 29 сентября 1936 г. Слева: полковник Хосе Москардо. В центре: генерал Хосе Энрике Варела.

4. Франко и Гитлер обходят строй почетного караула во время встречи в Анде 23 октября 1940 г.

5. Президент Дуайт В. Эйзенхауэр по окончании официального визита в Мадрид 22 декабря 1959 г. прощается с Франко традиционным испанским «абрасоа».

6. Франко 22 ноября 1966 г. представляет в парламенте Кортес Эспаньолас Внутренний закон государства.

7. Гражданская гвардия на марше

8. Франсиско Франко

Приложение 1

Гражданская война 1936–1939 гг. в Испании в воспоминаниях воинов-интернационалистов

Я приехал в Мадрид во второй половине октября 1936 года. Это был один из самых тяжелых периодов гражданской войны. Газеты всего мира писали в то время, что только чудо может спасти Мадрид. Мятежники, поддержанные фашистскими Италией и Германией, успешно продвигались вдоль долины реки Тахо, в сторону столицы Испании. Захватив Толедо и подтянув резервы, они начали свое первое решительное наступление на Мадрид 15 октября. Главные силы армии Франко были сосредоточены на правом фланге, нацелены на юго-западные окраины Мадрида. Имея преимущество в боевой технике, особенно в авиации, франкисты прорвали фронт республиканцев и 25 октября продвинулись на 40 километров.

Разношерстные отряды и колонны Народной милиции, не имевшие единого командования и централизованного снабжения, не выдерживали ударов кадровой армии фашистских генералов и вынуждены были отступать.

Над трудовой Испанией нависла смертельная опасность.

Фашистский мятеж в испанском Марокко

«Часть армии в Марокко подняла оружие против Республики. Сухопутные, морские и воздушные силы, верные Республике, выступили против мятежников».

Правда, 1936, 19 июля

«Согласно сообщениям из Мадрида, положение в Испании значительно обострилось. Во главе восстания стоит генерал Франко.

Военно-фашистским повстанцам в Марокко удалось высадить десант на территории Испании, в районе Кадикса, и овладеть городом. Одновременно командующий второй дивизией в Севилье поднял там восстание против правительства и захватил

власть в городе. Высадившийся в районе Кадикса десант соединился с войсками, восставшими в Севилье».

Известия, 1936, 20 июля

«Контрреволюция рассчитывала не на поддержку со стороны масс, а главным образом на отборные воинские части, состоящие из профессиональных солдат и сосредоточенные в Марокко».

Правда, 1936, 20 июля

Во всем мире всколыхнулось мощное движение солидарности с республиканской Испанией. Советский народ выступил в первых рядах защитников испанской демократии от угрозы фашистского порабощения. Трудящиеся СССР, ЦК ВКП(б), Советское правительство рассматривали борьбу Испанской республики против фашистской агрессии не как частное дело испанцев, а как общее дело всего передового и прогрессивного человечества.

Как и все советские командиры, воспитанные Коммунистической партией в духе пролетарского интернационализма, я был до глубины души потрясен событиями в Испании.

Сотни, тысячи рапортов писались в те дни в частях и подразделениях Красной Армии с просьбой послать добровольцем в Испанию, чтобы там, за далекими Пиренеями, стать в боевые ряды борцов за правое дело испанского народа, дать отпор воинствующему фашизму.

Мои просьбы сначала не находили поддержки. Но однажды мне сообщили, что мое ходатайство удовлетворено и я зачислен в группу военных советников. Мне было доверено участвовать в борьбе революционной Испании против темных сил реакции, сражаться с фашизмом в одном строю с лучшими людьми мира, подлинными рыцарями международного пролетарского движения.

В первые дни по приезде в Испанию я встретился с главным военным советником Я. К. Берзиным, старшим военным советником по артиллерии Н. Н. Вороновым и военным атташе В. Е. Горевым. Они ознакомили меня с моими обязанностями, с расстановкой сил в тылу и на фронте, охарактеризовали процесс становления регулярной Народной армии Испании. Товарищи порекомендовали как можно скорее отправляться в штаб 5-го полка, где надо было помочь быстро сформировать первое регулярное соединение республиканской армии и выступить с

ним на фронт.

В штабе 5-го полка состоялась памятная мне первая встреча с Энрике Листером, испанским коммунистом, одним из организаторов этого соединения. Листер немного знал русский язык, и это позволяло нам обходиться без помощи переводчика.

5-й полк не был тактической или оперативной единицей, как я поначалу думал. Он представлял собой своеобразный орган, созданный по инициативе ЦК Компартии Испании для подготовки резервных контингентов и формирования подразделений для фронта. Для Коммунистической партии Испании он выполнял роль партийного военного штаба, а для Народной армии служил организационным ядром регулярных войск. Комиссар 5-го полка видный итальянский коммунист Витторио Видали в разговоре со мной сообщил, что незадолго до моего приезда из полка направлено на формирование регулярных бригад не менее 12 тысяч обученных пехотинцев, артиллеристов, танкистов, кавалеристов, истребителей танков и в ближайшие дни будет закончена подготовка такого же количества резервистов.

Командование 5-го полка было хорошо информировано о положении дел на фронте и поддерживало тесный контакт с гражданским населением, тыловыми организациями и военными заводами.

Меня искренне обрадовали усилия испанских коммунистов, предпринимавших все возможное для укрепления обороны Мадрида. С глубоким удовлетворением принял я предложение Э. Листера выехать с ним в 1-ю бригаду, командиром которой он был назначен, и принять непосредственное участие в готовившемся первом крупном контрнаступлении республиканских войск.

1-я бригада находилась на марше в направлении из Алькала-де-Энарес в Вальдеморо. Мы догнали ее 27 октября вечером близ Серро-де-лос-Анхелес, где она получала вооружение и пополнялась людьми. Бригаде по штату положено было иметь 4000 человек, 51 пулемет и 12 орудий, налицо же было 3000 человек, 30 пулеметов и 4 орудия.

Всю ночь на 28 октября и до полудня мы с командиром бригады и некоторыми офицерами штаба обучали бойцов пользоваться советскими станковыми и английскими ручными пулеметами.

Главная группировка мятежников после захвата Торрехона и Гриньона, важных пунктов на железнодорожных магистралях под Мадридом, опьяненная успехом, продолжала рваться на север.

Чтобы поднять боевой дух республиканских войск и морально поддержать население столицы, необходимо было нанести

противнику частичное поражение, которое хотя бы временно задержало его наступление.

Республиканское командование решило контратаковать слабо обеспеченный правый фланг армии «Тахо». Главный удар возлагался на бригаду Листера, колонны Уррибари и Бурильо, в которых насчитывалось 8000 человек. Пехоту должна была поддерживать рота танков и пять артиллерийских батарей. Группе предстояло овладеть Сесеньей, Эскивиасом и создать угрозу флангу и тылу врага.

На вспомогательном направлении с севера готовились к наступлению три колонны под командованием Модесто, Мена и Буэно также в составе 8000 человек, усиленных двумя бронепоездами и незначительным числом артиллерийских орудий.

Чрезмерно большие надежды возлагались командованием на танки и немногочисленную авиацию, которые предполагалось здесь применить. Артиллерии отводилась скромная роль. Многое в этой операции зависело от того, насколько внезапным будет удар. Но, к большому сожалению, надежды на внезапность не оправдались.

Командование не успело также достичь четкого руководства войсками на главном направлении.

28 октября 1-я бригада выступила на фронт. Ей предстояло пройти 26 километров пешком и с ходу вступить в бой.

От Вальдеморо один батальон бригады направился в обход Сесеньи с севера, а основные силы с танковой ротой капитана Поля Армана предназначались для действий с востока. Колонна Уррибари ожидалась с юга. Группа Бурильо должна была выйти в глубокий тыл противника в районе Борокса.

Начало атаки республиканских войск намечалось на утро 29 октября. Организация взаимодействия между колоннами и элементами боевого порядка представляла огромные трудности, так как не было технических средств связи. Штаб бригады как орган управления еще не сложился. Координацию действий между колоннами осуществлял представитель Генерального штаба, но он тоже не имел средств управления. Глубокую разведку противника провести не удалось из-за нехватки времени, поэтому расположение сил мятежников предстояло выяснить в ходе боя.

Все эти недочеты неминуемо сказались в бою. Пехота, слабо обученная и не прикрытая с воздуха, чувствовала себя неуверенно и робко продвигалась вперед. Бойцы не смогли своевременно воспользоваться действиями танкистов, которые, перейдя в атаку, оторвались от пехоты и оказались без артиллерийского и

пулеметного прикрытия. Но это не помешало танковой роте продвинуться в глубокий тыл противника. Успешный танковый рейд ошеломил фашистов. Однако его результаты не были закреплены.

Пехота попала под огонь уцелевших пулеметов противника. Налетевшая вражеская авиация усилила дезорганизацию в боевых порядках, и республиканцы, так и не начав преследования, отошли на исходные позиции. Лишь поздно вечером удалось частично восстановить управление войсками.

В это время на вспомогательном направлении умелое применение артиллерии дало республиканской пехоте возможность продвинуться на четыре-пять километров и овладеть Гриньоном и Торрехоном. Наши советники Н. Н. Воронов и В. Я. Колпакчи затратили много сил, чтобы убедить испанское командование в необходимости организовать централизованное управление огнем артиллерийских орудий, что до этого в испанской армии не практиковалось.

Постигшая республиканцев тактическая неудача не имела тяжелых последствий, поскольку этот первый достаточно крупный контрудар по врагу в целом достиг цели. Готовившееся на 29 октября наступление мятежников было сорвано, их общее продвижение на Мадрид было задержано.

31 октября Франко вновь возобновил наступление. На ближних подступах к Мадриду развернулись жестокие бои. 1 — я бригада, в которой осталось полторы тысячи человек, с отчаянным упорством удерживала район Вальдеморо, важный узел шоссейной и железной дорог, имевший фланговое положение по отношению к армии «Тахо».

В критический момент боя в расположение бригады прибыли руководители ЦК Компартии Испании. Тогда я впервые встретился с ее Генеральным секретарем Хосе Диасом, с Долорес Ибаррури, Педро Чека, Антонио Михе и другими товарищами. Обстановка, прямо скажу, была чрезвычайно опасной. Вражеская авиация беспрестанно бомбила и обстреливала позиции бригады. Пехота и танки противника, используя свое превосходство, упорно наседали с правого фланга, угрожая нам окружением. В штабе бригады царила растерянность. Но руководители партии, проявляя хладнокровие и мужество, находились на передовых позициях и личным примером, пламенным словом поднимали боевой дух бойцов, укрепляли уверенность в победе Республики.

Изо всех сил старались мы с Листером наладить управление войсками. Превосходящие силы мятежников теснили наши подразделения. Необходимо было срочно эвакуировать раненых и часть важного имущества. Итальянские легкие танки «ансальдо»,

имевшиеся у франкистов в большом количестве, появились и на нашем участке. Они беспрепятственно продвигались к месту эвакуации. Увидев, что расчет одного ближайшего орудия лишился командира и наводчика, а остальные номера не знают, что делать, я бросился к артиллеристам и помог открыть огонь по танкам. Огонь нашей пушки вскоре был поддержан другим орудием. Несколько танков загорелись, остальные повернули обратно. Атака врага захлебнулась.

Надо заметить, что разносторонняя подготовка общевойсковых командиров Красной Армии позволяла им выполнять самые разнообразные военные обязанности, возлагавшиеся на наших военных советников в Испании.

Вечером 1 ноября 1-я бригада внезапной атакой всех своих сил нанесла фашистам крупный урон и организованно заняла новый рубеж обороны. На другой день газета «Мундо обреро» подробно описала этот героический боевой эпизод и выразила уверенность, что если у Республики будут такие защитники, то враг будет остановлен и разбит у стен Мадрида.

Но враг готовился к новому прыжку, на этот раз в направлении на Хетафе. Необходимо было всемерно ослабить силу удара мятежников, сорвать их наступление.

Командование Центральным фронтом снова попыталось начать первым наступление. Для этой цели была создана маневренная группа, в состав которой вошли почти все те же войска, которые действовали несколько дней назад на этом направлении: бригада Листера и колонна Буэно для удара на Пинто и две колонны — Бурильо и Уррибари — с двумя танковыми ротами для овладения Торрехоном в глубоком тылу противника. На этот раз удалось привлечь значительно меньше сил (за исключением танков): 6500 человек, 24 орудия, 32 танка, 10 бронемашин и один бронепоезд. Общее руководство операцией было поручено подполковнику Висенте Рохо.

Мое знакомство с этим офицером состоялось только за сутки до начала боевых действий. Он производил впечатление волевого и вдумчивого человека, хорошо разбиравшегося в обстановке на фронте.

Наступление началось утром 3 ноября. Имея абсолютное преимущество в авиации, фашисты совершили налет на бригаду Листера, когда она еще не успела выступить. Вместе с колонной Буэно 1-я бригада вышла к Пинто только вечером. Огнем и атаками эта группа задержала наступление мятежников, заставила их перейти к обороне.

Крупный успех был достигнут колонной Бурильо, которая вместе с танковой ротой ворвалась к исходу дня в Торрехон и

удерживала его в течение ночи.

На отвоеванных рубежах весь следующий день продолжались бои, наступление противника на правом фланге было сорвано, он перешел и здесь к обороне.

Фронт наступления армии «Тахо» значительно сузился. Ее основные усилия сосредоточились на левом фланге. Республиканские войска на этом участке, истощенные в предыдущих боях, не имея средств противотанковой и противовоздушной обороны, вынуждены были оставить вторую оборонительную полосу, а затем и третью. Враг овладел Хетафе, Карабанчель-Альто, Вильяверде.

6 ноября завязались бои за окраины Мадрида. В этот день я был отозван из 1-й бригады и получил новое назначение: мне предстояло убыть в 12-ю интернациональную бригаду, формирование которой проходило в Альбасете.

Мое перемещение имело прямое отношение к тем драматическим событиям, которые по праву называют критическими днями обороны Мадрида.

Правительство Испанской республики переезжало в Валенсию. Эвакуация правительства из прифронтовой полосы в тыл в сложившихся обстоятельствах была безусловно необходима, поскольку из глубины страны можно с большей уверенностью управлять государством и руководить дальнейшей борьбой. Но к этому предстояло тщательно подготовиться и провести эвакуацию поэтапно. Однако премьер-министр Ларго Кабальеро, выехав в Валенсию, оставил столицу фактически на произвол судьбы. Вслед за ним поспешно оставили город военное министерство и штаб фронта.

Формально оборона Мадрида возлагалась на хунту (комитет) во главе с генералом Миахой. Оставшимся войскам фактически было отказано в помощи и предлагалось покинуть Мадрид, заняв линию обороны на некотором расстоянии от него. Дело осложнялось еще и тем, что в ночь на 6 ноября на сторону мятежников перебежали пять офицеров штаба фронта во главе с начальником оперативного отдела.

Севильское радио, захлебываясь от радости, сообщило на весь мир: «Франко вступает в Мадрид! Он предписал жителям столицы в течение 48 часов, до восстановления порядка, никуда не выходить и оставаться дома». Из Южной Америки в адрес министерства иностранных дел в Мадриде пришла поздравительная телеграмма на имя «цезаря, императора Франко»…

В тысячах домов люди не ложились спать той ночью. И события развернулись не так, как предсказывали враги, паникеры

и предатели.

Испанские коммунисты поставили на ноги все боеспособное трудящееся население столицы и прилегающей зоны. Комитет обороны Мадрида взял на себя всю полноту власти и ответственность за оборону города. Из 23 тысяч коммунистов столицы 21 тысяча заняла передовые окопы мадридского сектора фронта. Компартия бросила клич: «Мадрид в опасности!» Заголовки вечерних газет призывали: «Наступил решительный час для Мадрида!», «Мадрид должен стать красным Верденом!» На улицах повсюду висели плакаты: «Но пасаран!», «Лучше смерть стоя, чем жизнь на коленях!», «Мадрид, как и Петроград, никогда не достанется врагу!», «Мадрид будет могилой фашизму!» Пламенные слова отдавались в душе каждого мадридца.

Материальной основой обороны Мадрида все больше становились оружие и боевая техника, прибывавшие из Советского Союза. Первые партии советских танков, вступившие в сражение на подступах к столице в конце октября, сразу зарекомендовали себя как незаменимая ударная сила.

Надо было видеть, как разительно изменилось настроение испанцев на фронте и в тылу, когда в начале ноября в мадридском небе появились республиканские самолеты-истребители И-15 и И-16, пилотируемые советскими добровольцами, которые нанесли мятежникам первые воздушные удары. Наступил конец безнаказанности фашистских воздушных пиратов.

Франко стремился вынудить защитников Испанской республики стать на колени в день, имевший всемирно-историческое значение, — 7 ноября 1936 года, в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Мировая реакция, воплощавшая в себе самые мрачные силы фашизма, рассчитывала этим актом не только добиться победы, разгрома республиканской Испании, но и выжечь из сознания масс даже воспоминание о всемирно-исторической дате.

Праздник Октября я встретил в небольшом городке Альбасете, который выглядел не столько населенным пунктом, сколько крупным военным лагерем. Альбасете стал своего рода Меккой для интернационалистов, или, как они сами себя называли, волонтеров свободы, — людей разных профессий, политических взглядов, религиозных верований и национальных особенностей. Их объединяло одно общечеловеческое и гуманное чувство — жгучая ненависть к фашизму, махровой империалистической реакции. Это воистину лучшие люди земли — так совершенно справедливо считали испанцы. Я счастлив, что мне оказали высокое доверие быть их наставником.

Когда я прибыл к месту формирования резервов, очередная интернациональная бригада под номером 12 только начала укомплектовываться и проходила обучение под руководством нашего военного советника В. Я. Колпакчи. Буквально на второй день прибыл и вступил в командование бригадой известный венгерский писатель, коммунист, герой гражданской войны в СССР Мате Залка. В Испании он был известен как генерал Пауль Лукач.

12-я интернациональная бригада состояла из трех батальонов и одной батареи 77-миллиметровых пушек.

В составе командования бригады находились Карло Луканов, начальник штаба, Фердинанд Козовский, заместитель командира бригады, — оба болгары. Политическим комиссаром был назначен видный итальянский коммунист Луиджи Лонго.

10 ноября 12-я интербригада, еще полностью не обученная, не экипированная, была поднята по тревоге и в эшелонах направлена в район севернее Ла-Мараньоса, в излучину рек Мансанарес и Харама, южнее Мадрида. Ей предстояло принять боевое крещение в составе ударной группы на левом фланге Центрального фронта. В центре боевого построения была поставлена 12-я бригада. На флангах действовали испанские соединения.

Все свободные часы, включая и время следования в район сосредоточения, были заполнены напряженной боевой подготовкой. Но этого оказалось далеко не достаточно. Когда бригада за несколько часов до боя получила последнюю партию оружия и был отдан приказ: «Зарядить винтовки и поставить на предохранитель», оказалось, что многие бойцы не знали, как это сделать…

Несмотря на существенные недоработки в подготовке бойцов, к моменту наступления в подразделениях республиканских войск царили необычайный подъем и воодушевление.

13 ноября бригада, поддержанная танками, перешла в наступление и вышла к исходу дня к высоте Лос-Анхелес, на которой возвышался монастырь, ворвалась в первую линию окопов противника. Подразделения батальона «Тельман» даже достигли вершины горы, но не смогли преодолеть стены монастыря и вынуждены были отойти.

Ожесточенные атаки мятежников в центре ослабли и были отбиты. Но все же контрнаступление республиканцев из-за отсутствия резервов не получило развития. Однако в целом оно сыграло положительную роль, вынудив Франко перебросить часть сил с ударного направления на фланги.

Закончился начальный и важнейший этап обороны Мадрида.

Все планы франкистов и интервентов захватить столицу Испании прямой лобовой атакой провалились.

П. И. Батов «Первый бой с фашизмом»

* * *

Ранней весной 1937 года республиканская армия готовилась к проведению так называемой Харамской операции. Краткая предыстория ее такова.

В январе мятежники получили от германо-итальянских интервентов большое количество техники и снаряжения. К этому времени в основном была завершена переброска в Испанию итальянского экспедиционного корпуса — в первых числах февраля он уже участвовал в боях за город Малагу. Силы мятежников росли, а республиканская армия ощущала острую нехватку оружия и людей. Испанские порты были блокированы разбойничьими действиями германских и итальянских военно-морских сил, а также вследствие контроля пресловутого лондонского комитета по невмешательству. Не одно судно, направлявшееся в порты республиканской Испании, нашло себе могилу на дне Средиземного моря. Жертвами фашистских подводных лодок стали советские торговые суда «Комсомол», «Тимирязев» и «Благоев». В конце 1936 года Муссолини с цинизмом профессионального убийцы похвалялся, что с начала фашистского мятежа итальянские подводные лодки потопили суда водоизмещением свыше двухсот тысяч тонн.

Несколько позже, как об этом свидетельствуют материалы захваченных при разгроме германского фашизма секретных архивов министерства иностранных дел Германии, Муссолини и Франко заключили соглашение, по которому фашистская Италия обязалась обеспечить кровавому каудильо «свою поддержку и свою помощь для восстановления социального и политического порядка внутри страны», то есть для удушения Республики. Эти же документы свидетельствуют о том, что вкупе с итальянскими интервентами в тело республиканской Испании вцепился и главный вдохновитель войны на Пиренейском полуострове — германский фашизм. А возможностей для этого было больше чем достаточно.

День и ночь у лиссабонской гостиницы «Авис», где обосновался штаб испанских мятежников, толпился всякий сброд — тут шла открытая вербовка «добровольцев» в армию Франко.

Германские и итальянские пароходы, приходившие все в тот же Лиссабон, снабжали мятежников всем необходимым. Для удобства они были освобождены даже от таможенного досмотра и пошлин.

Силы были явно не равны. Но Республика сражалась. После удара, нанесенного мятежникам в ходе Махадаондской операции, испанские патриоты готовились к новому подвигу. Одновременным ударом с севера — из района Торре-лодонес через Брунете — и с юго-востока — из района Ла-Мараньоса — на Мостолес они решили разгромить армию мятежников, засевшую под Мадридом, и отбросить врага от столицы.

Для проведения этой операции в республиканской армии было сформировано десять новых резервных бригад, которые намечалось усилить артиллерией (120 орудий), танковой бригадой и авиацией в количестве 100 самолетов. Эти бригады и должны были составить группировку, силами которой предстояло нанести главный удар.

Все было бы хорошо, если бы республиканскому командованию удалось сохранить свой замысел в секрете. Но задолго до Харамской операции о ней уже шли оживленные разговоры. По меткому выражению Михаила Кольцова, для шпионов в Испании была не работа, а отдых.

Планы республиканцев, разумеется, тотчас же стали достоянием генерала Франко, который в то время как раз готовился к новому наступлению на Мадрид, причем с двух направлений: с юга — по восточному берегу реки Харамы и с северо-востока — от Сигуэнса через Гвадалахару. Мятежники решили упредить удар республиканских войск (это привело к тому, что франкистам не удалось увязать задуманные операции в одно целое, и они протекали изолированно: Харамская — в феврале, а Гвадалахарская — в марте 1937 года, причем обе окончились их полной неудачей). Республиканское командование еще не успело сосредоточить свои войска, как мятежники перешли в наступление через реку Харама севернее Аранхуэса. С первых же часов сражения их идея стала нам ясна: перерезать единственную хорошую шоссейную дорогу, соединяющую Мадрид с провинциями Новая Кастилия, Валенсия, а также с портами средиземноморского побережья.

Начались ожесточенные, кровопролитные бои.

Я мог бы по памяти нарисовать карту местности, на которой развивались харамские события, — так отчетливо запечатлелись они с тех давних пор… Река Харама, текущая почти строго с севера на юг. Именно к ней было приковано пристальное внимание той и другой стороны. Вот синие стрелы, обозначавшие

направления вражеских ударов, пересекли извилистую линию водной преграды. К 12 февраля мятежники завершили форсирование реки и начали пробиваться на Мората-де-Тахунья и Арганду.

Сколько пришлось тогда поколесить по раскисшим глинистым дорогам — собирать и поторапливать резервы, укреплять стыки и фланги республиканских войск, помогать командирам бригад организовывать контратаки! Главную роль в этом памятном сражении, пожалуй, играли наши танкисты.

На одном участке десятикилометрового фронта противник бросил на позицию республиканцев несколько десятков итальянских танков. Дрогнули бойцы, помрачнело лицо командира пехотной бригады. А танки надвигались, поливая республиканские цепи свинцом своих пулеметов. Пришлось вызвать к месту боя быстрые и более мощные Т-26.

— Но пасаран! Но пасаран! — в возбуждении кричал тогда командир бригады.

Да, там, где появлялись республиканские танки, фашисты не проходили.

Грозно урча и содрогаясь от выстрелов своих пушек, двинулись вперед наши бронированные машины. Что могли сделать с ними итальянские танкетки, вооруженные пулеметами? Вот вспыхнула одна вражеская машина, задымила вторая, третья…

Бойцы выскочили из окопов, подбрасывая вверх свои пилотки и береты — испанцы не могут скрывать эмоций! Да и нам, людям, давно привыкшим к боям, трудно было удержать *свою* радость пои виде поспешного бегства итальянских интервентов с поля боя. Грудь распирала гордость за советскую боевую технику, за наших людей, для которых высшее благо — выручить товарища из беды.

Кстати сказать, в ходе Харамской операции республиканские танки, оснащенные пушками, добились полного господства. Итальянские машины, вооруженные лишь пулеметами, оказались против них совершенно бессильны.

Фашисты могли противопоставить Т-26 только немецкие противотанковые пушки, которых у мятежников было немало. Приходилось сначала подавлять их силами артиллерии, а затем уже пускать в прорыв свои машины. И все же наши танки понесли тяжелые потери.

Навсегда, наверное, запомнятся мне картины, когда наши машины врезались в атакующие цепи мятежников. Надо заметить, что на самых тяжелых участках фашисты пускали вперед марокканцев. Те шли в своих красных фесках, белых шарфах, в

земляного цвета бурнусах, под дикие воинственные выкрики. Хотелось крикнуть им: «За что проливаете вы кровь, темные, обманутые люди?»

Эта кровь, как и все другие преступления, — на черной совести фашизма. В наиболее напряженные дни потери мятежников на фронте исчислялись тремя — четырьмя тысячами солдат…

В ходе операции я понял, что мое место здесь, в войсках, где непосредственно куется победа. Поделился своими мыслями со старшим советником Центрального фронта Г. И. Куликом (Купером). Он согласился со мной.

И вот я уже на командном пункте народного героя Испании Энрике Листера, назначенного командиром одной из первых дивизий Народной армии.

Как сейчас, вижу эту встречу с ним. Мятежники пристрелялись к его командному пункту, расположенному в пастушеском домике. В домик угодило несколько снарядов — засуетились санитары, забелели бинты. Потом начался пулеметный обстрел… А он стоит во дворике, подтянутый, в лихо заломленной фуражке, при галстуке, и изучающе посматривает на меня: как, мол, тебе нравится такая музыка? Не начнешь ли кланяться пулям?

Советником к Листеру шел я, надо заметить, с известным опасением. Укрепилась за ним репутация командира храброго, тактически грамотного, но не терпящего постороннего вмешательства и тем более какой бы то ни было опеки. Владея немного русским языком (Листер побывал в Советском Союзе, был бригадиром забойщиков на строительстве Московского метрополитена), он посылал к чертовой матери всех, кто под горячую руку совался к нему с неразумными советами.

— Не сработаешься, Малино, — предупреждали меня.

А я решил: «Сработаюсь». И теперь видел: Листер устраивает мне своеобразный экзамен.

Над головами, над чахлыми безлистыми кустиками посвистывают пули. Мы прохаживаемся с Листером от домика до дворовой изгороди, от изгороди до домика. У него вид человека, совершающего послеобеденный моцион, я тоже показываю, что пули беспокоят меня не более, чем мухи. Перебрасываемся короткими деловыми фразами… От домика до изгороди, от изгороди до домика… Начинает смеркаться. Будто невзначай рассматриваю на своем рукаве рваный след пули.

Я никогда не был сторонником показной храбрости и тогда, на командном пункте, понимал, что наша рисовка друг перед другом ни к чему. Но, что поделаешь, разумная осторожность

могла уронить меня в глазах этого храброго человека.

К удивлению многих, с Листером мы сработались очень хорошо. Я всегда старался щадить его самолюбие, давал те или иные советы так, чтобы этого никто не слышал, и никогда не превышал своих полномочий. Все решения он принимал единолично, а когда ставил перед подчиненными боевые задачи, меня никогда не было рядом с ним.

Дивизия Листера вела ожесточенные бои несколько дней. Высота Пингарон, за которую дралась та и другая сторона, несколько раз переходила из рук в руки. Помню, с каким волнением наблюдал Листер со своего командного пункта у Каса-Сола за контратакой вводимой в бой 66-й бригады — последнего его резерва. Эта бригада была только что сформирована на гвадалахарском участке.

Теперь она здесь, на Хараме, принимает боевое крещение. Атакует бригада замечательно!

Фашисты открыли по наступающим бешеный огонь из всей артиллерии, даже зенитной, бойцы несут потери, но упорно идут вперед. На командном пункте Листера появляется молоденький советский капитан — инструктор при командире бригады. Он ранен, но лицо его сияет, когда докладывает о том, как хорошо атакует бригада… Жаль, не запомнилась фамилия этого славного парня.

Справедливости ради надо сказать, что в боях за Пингарон хорошо дралась и 70-я бригада анархистов. Правда, советником пришлось назначить в нее заместителя командира танковой бригады товарища Петрова. Он-то и водил бригаду в атаку, причем все время находился в цепях наступающих, с винтовкой в руках. Бойцы были в восхищении от храбрости «камарада совьетико» и шли за ним вперед.

Помнится, не меньше симпатии вызывал у испанцев и советский доброволец Павлито, под именем которого в 1-й бригаде Листера дрался с врагом в будущем прославленный генерал, дважды Герой Советского Союза Александр Ильич Родимцев. Прекрасный знаток пулеметного дела, он воспитал тогда в бригаде целую плеяду мастеров меткого огня и сам всегда находился на наиболее опасных участках сражений. Кстати, первая Звезда Героя засветилась на груди Александра Ильича там, под знойным небом Испании.

Нельзя умолчать и о наших героических женщинах, которые работали в те дни переводчицами у наших советников, — Марии Фортус, Елизавете Тихоновой, Лене Лебедевой, Ляле Константиновской и многих других.

Харамскую операцию можно считать выигранной

республиканской армией. Противник так и не смог овладеть важной, в оперативном отношении, дорогой. Правда, контрнаступление республиканцев не дало желаемых результатов, с точки зрения территориальной, зато оно сильно обескровило врага и разгромило все его резервы. В этом, пожалуй, главное. Мятежники уже не смогли оказать помощи итальянскому экспедиционному корпусу под Гвадалахарой. В марте он был разгромлен республиканскими войсками.

Гвадалахара… По праву стала она символом доблести и мужества республиканских войск.

Итальянцы, подогретые легкой победой в Абиссинии и под Малагой, представляли себе эту операцию в виде прогулки по Сарагосскому шоссе. Планы командования итальянского корпуса сводились к ни на чем не основанному календарю блистательных побед. Темп наступления — 25 километров в сутки. 9 марта —Ториха. 11 марта — Гвадалахара, 12 марта — Алькала-де-Энарес, 15 марта — Мадрид. Расчет на отсутствие сколько-нибудь серьезных республиканских сил на северо-восточном направлении и резервов, расчет на внезапность. Порядок построения корпуса исходит из безостановочного движения вперед по узкой долине, ограниченной горным хребтом Сомосьерра и берегом реки Тахунья. Три дивизии в затылок одна за другой, четвертая — «Литторио» — в резерве…

Недооценка противоборствующих сил и переоценка собственных — самое опасное, что может быть на войне. Боевой порядок, основанный на голых предположениях, — гибель. Итальянское командование, уповая на мощь своего корпуса, сбросило со счетов такие «мелочи», как громадный патриотический энтузиазм республиканских бойцов, решивших предпочесть смерть сдаче Мадрида интервентам. Оно сбросило со счетов очевидный факт, что боевой порядок корпуса и условия окружающей местности позволяли республиканцам создать сильную оборону слабыми средствами и быстро подтянуть резервы.

Что и говорить, перевес в силах снова был на стороне интервентов: 8 марта в районе Мирабуэна они двинули 15 вооруженных до зубов батальонов против трех слабо оснащенных батальонов 12-й республиканской дивизии. Но уже на следующий день сюда была переброшена 11-я интернациональная бригада с ротой танков Т-26. Маневрируя и действуя из засад, эти танки встретили интервентов жесточайшим огнем. Еще через день в сражение вступили 2-я бригада Листера и 12-я интернациональная. За три дня наступления фашисты смогли продвинуться на 30 километров вместо запланированных 25

ежесуточно.

Тем временем к месту сражения спешили резервы. 12 марта в составе республиканских войск уже действовали три республиканские дивизии и два батальона танков Т-26 под командованием генерала Д. Г. Павлова. Одновременно на врага обрушились республиканские летчики на советских самолетах. Непрерывными бомбовыми ударами и пулеметным огнем они разгромили ближайшие резервы интервентов.

Это был триумф республиканской авиации. Летчики вылетали на задание большими группами, и вели их лучшие, испытанные бойцы, крупные авиационные командиры, включая самого Игнасио Идальго де Сиснероса — начальника авиации республики. Об этом человеке, выходце из богатой и высокопоставленной семьи, можно было бы написать много, но лучше всего о нем рассказала его жена Констансия де ля Мора в своей книге «Вместо роскоши». Да, всем фамильным привилегиям семья Сиснероса предпочла тяжелую борьбу за свободу родной Испании. Начальник республиканской авиации обладал качествами настоящего бойца и лично водил своих питомцев в наиболее ответственные полеты. И еще поручал это дело своему советнику, замечательному советскому летчику Якову Владимировичу Смушкевичу. Так было и в описываемые нами дни.

Вскоре инициатива перешла полностью на сторону республиканцев, и 18 марта они начали решительное наступление. Вот теперь темп движения частей итальянского корпуса действительно достиг 25 километров в сутки. Только двигались они не вперед, а назад — вдоль все того же Сарагосского шоссе. Через несколько дней итальянский экспедиционный корпус перестал существовать. Кстати, большой вклад в его разгром внесли итальянцы-интернационалисты батальона имени Гарибальди.

Лично мне непосредственного участия в боях с итальянским экспедиционным корпусом принимать не приходилось. После Харамской операции меня назначили советником во 2-й мадридский корпус, командиром которого был полковник Альсугарая, старый офицер королевской армии, но честный человек, на совесть служивший Республике. А начальником штаба корпуса вскоре стал тот самый офицер, который впервые сопровождал меня на фронт под Мадрид, теперь уже подполковник, — Эстрада. Работали мы с ним дружно. Да и с Листером, с Лукачем не терял связи, наезжал к ним под Гвадалахару. Но все же дела заставляли почти неотлучно находиться в Мадриде. По этой причине так и не удалось мне

свидеться со своим однокашником по академии имени М. В. Фрунзе полковником А. П. Фоминым, который запомнился мне скромным человеком и умным артиллеристом.

Он прибыл под Гвадалахару в самый разгар боев. Я в это время был целиком поглощен Мадридом, только поговорил с ним по телефону и условился о встрече после боев. А полковник Фомин выехал на фронт. В деревне Трихуэке, наблюдая за ходом боя с колокольни, попал под бомбежку. И был убит. Такая печаль нахлынула, когда дошло до меня это известие!

Война есть война, и скорбные, тяжелые вести обрушивались на нас довольно часто. Незадолго до гибели А. П. Фомина мы потеряли на Южном фронте прекрасного артиллериста полковника В. И. Димитрова, а позднее, уже на Арагонском фронте, на командном пункте генерала Вальтера был убит еще один наш прекрасный товарищ — полковник И. Г. Пидгола. Сложил голову за свободу Испанской республики легендарный генерал Лукач — Мате Залка. Тяжелые, невосполнимые жертвы…

Итак — новое место работы. Появились иные заботы, нужно было привыкать к другим людям. Корпус вел в основном бои по обороне Мадрида. На некоторых участках, например перед Аравакой, мы без особых усилий улучшили свои позиции. Пробовали выбить фашистов из Университетского городка, однако сделать это республиканцам так и не удалось.

Штаб нашего корпуса располагался в старом королевском дворце, сооружении столько же внушительном, сколько и знаменитом. Дворец этот знал на своем веку немало жестоких интриг, сопутствовавших всем поколениям испанских королей и описанных в свое время немцем Георгом Ф. Борном в известных «Тайнах Мадридского двора», за достоверность которых, впрочем, трудно поручиться. Во всяком случае, для штаба корпуса удобнее помещение трудно было найти. Возведенный на высоком восточном берегу реки Мапсанарес. за которой раскинулся столичный парк Каса-де-Кампо. дворец, образуя глубокий внутренний двор, наполовину уходил в землю, а наполовину возвышался над городом своими двухметровыми стенами, от которых фашистские снаряды отскакивали как горошины. Штаб корпуса находился на первом этаже, обращенном в сторону города. Наверху же было самое подходящее место для наблюдательных пунктов. Там они и располагались, защищенные мешками с песком, — артиллерийский, оперативного отдела, представителей авиации и службы ПВО.

Со стороны города перед дворцом красовалась небольшая площадь, окруженная статуями королевских особ и утопающая в цветниках, а к ней примыкал оперный театр, превращенный в

артиллерийский склад. Невдалеке — площадь Пуэрта-дель-Соль. Обычно она кишела людьми, что привлекло к ней внимание фашистских артиллеристов. Когда сюда залетали снаряды, площадь моментально пустела, но через несколько минут снова заполнялась громкой и оживленной толпой.

Своеобразно жил Мадрид. У стен его, обращенных в сторону противника, проходила передовая линия, и тут смерть косила людей, а несколько кварталов в глубь города — совершенно иная атмосфера: бойко торгуют магазины, вовсю работают кафе, кино, театр оперетты, спектакль «Мухерес де фуэго» («Женщины огня») не сходит со сцены, и зал битком набит солдатами. Наплевать, что над головой зияет оставленная снарядом пробоина и в нее заглядывают крупные южные звезды, — вентиляция лучше!

Дети играют на улицах в войну и посещают зоопарк, который никто и не думал закрывать. Разорвется снаряд — ребятишки шарахаются в подворотни, а потом снова выбегают, крича и жестикулируя. Бывало и так, что после артиллерийского обстрела какой-нибудь курчавый малыш со сбитыми коленками лежит в луже крови и его подбирают, как солдата в бою.

На Гран-Виа — четырнадцатиэтажная «Телефоника». Это центр международной связи. Здесь вас могут соединить с Москвой, Лондоном, Парижем, Лиссабоном и даже Нью-Йорком.

И здесь же, на «Телефонике», — командный пункт республиканской авиации. Когда фашистские бомбардировщики прилетают бомбить Мадрид, офицеры вызывают свои истребители, и над городом закипают жаркие бои. Отсюда же корректируется огонь республиканской дальнобойной артиллерии, отсюда изучает поведение противника оперативный наблюдатель штаба фронта.

Так живет и воюет Мадрид. Работает метрополитен, но в его шахтах расположены и мастерские по изготовлению артснарядов. А в железнодорожных депо республиканцы наладили даже производство прожекторов для борьбы с авиацией фашистов. Помню, в какой восторг пришли рабочие, когда под лучами их прожекторов, проходивших испытание, загорелась толстая сосновая доска, а наш советский товарищ, интернационалист-зенитчик Н. Н. Нагорный дал прожектору высокую оценку.

В штабе 2-го мадридского корпуса шла обычная боевая работа. Меня удивляло лишь, что никю не выезжал в войска и предпочитал наблюдать обстановку на участке корпуса из-за толстых стен дворца. Пробовал я говорить кое с кем по этому поводу, но мне невозмутимо отвечали:

— Зачем же ездить, если и так все видно?

Сдается мне, что я стал жертвой остроумия.

Однажды я заметил, что офицер, вышедший из милисианос, не умел читать топографическую карту, и хотел объяснить ему, что к чему.

— Помилуйте! — отшутился он. — Зачем мне фотография местности, если перед моими глазами оригинал?

Исключение из офицеров корпусного управления составлял лишь комиссар корпуса Гонсалес Молина. Он часто, почти ежедневно, в компании со мной бывал в передовых траншеях. Возле Университетского городка, попав под минометный обстрел, комиссар был тяжело ранен.

Живой достопримечательностью королевского дворца был дворецкий, вечно бродивший с огромной связкой ключей: комнат было неисчислимое множество, а доверить ключи кому-нибудь другому этот человек, носивший монашеское одеяние, не мог — службу нес исправно. Вспомнился он мне потому, что одно время по вечерам с верхнего этажа кто-то сигнализировал противнику азбукой Морзе с помощью фонаря, и мы должны были сначала искать дворецкого с его злополучными ключами, а потом того, кто подавал сигналы. В конце концов удалось обнаружить под крышей сигнальное устройство. От него шли два провода куда-то внутрь стены. Куда? Это, как мы шутили, осталось тайной мадридского двора. Провода перерезали, сигнализация прекратилась, а заниматься дальнейшими поисками злоумышленника было, откровенно говоря, некогда…

В один из июньских дней 1937 года меня пригласил начальник Генерального штаба республиканской армии полковник Рохо. Мне не однажды приходилось встречаться с этим человеком, и он всегда производил на меня впечатление умного и храброго военачальника. Выходец из бедной семьи, Висенте Рохо посвятил себя военному делу. Преодолевая косность и рутину старой королевской армии, изучал стратегию, тактику, историю военного искусства и в свое время преподавал тактику в кадетском корпусе. А когда грянул фашистский мятеж, без колебаний встал на сторону Республики и во главе народных колонн храбро сражался на подступах к Мадриду, сражался с теми самыми дворянскими сынками, которым вдалбливал военную премудрость и которые обратили ее против своего народа. Можно ли удивляться тому, что Рохо, профессор кадетского корпуса, стал видным республиканским командиром и, будучи начальником штаба у бесславного Миахи, в сущности, возглавил героическую борьбу испанского народа за Мадрид.

От души радовались мы, военные специалисты, при известии о назначении в мае 1937 года Висенте Рохо начальником Генерального штаба. Очень скоро мы почувствовали, что у

кормила этого «мозгового центра» республиканской армии стоит дельный и очень нужный Испании человек…

При встрече Висенте Рохо сразу же завел речь о положении на фронте.

— Посмотрите, полковник Малино, — говорил Рохо, пригласив меня к большой настенной карте, — здесь от Сомосьерры до Харамы занимает фронт мадридский корпус мятежников. Это весьма сильный корпус — пятьдесят пять тысяч солдат, триста орудий, сто танков. Сто самолетов могут поддержать мятежников. К тому же в Толедо и Талавере — резервы в десять тысяч солдат, а где-то здесь, — Висенте Рохо очертил район юго-западной Эстремадуры, — более крупные резервы, их численность нам пока неизвестна.

Все, о чем говорил полковник, я отлично знал и невольно возникал вопрос: «Зачем он повторяет мне это?»

— Правда, фронт мятежников не сплошной, состоит из отдельных опорных пунктов. Каждый обороняется одним-двумя батальонами. Ко всему прочему, и у нас сил немало, кое в чем мы даже превосходим противника…

Все понятно: в голове полковника Рохо возникала идея новой операции.

— Вы правы, — сказал я, продолжая мысль собеседника, — удар можно нанести из-под Мадрида на юг.

Рохо оживился:

— Мы, кажется, поняли друг друга. Не возьмете ли вы, советские военные специалисты, на себя труд разработать операцию? — И задумчиво произнес: — По-видимому, она будет называться Брунетской.

В ту минуту я был очень признателен полковнику за доверие и от чистого сердца поблагодарил его за это.

— Лишь небольшая просьба к вам, — заметил я как бы мимоходом. — Позвольте нам не только разработать операцию, но и подготовить работу по сосредоточению войск.

По лицу Висенте Рохо пробежала горькая усмешка:

— Да, я понимаю, опыт Харамы… К сожалению, он ничему не научил наше командование. Вы имеете в виду, конечно, сохранение тайны? Что ж, согласен.

Так началась подготовка к Брунетской операции. Вскоре окончательно сформировался ее замысел: два армейских корпуса, нанося главный удар из района северо-западнее Мадрида, прорывают фронт мятежников, наступают на юг, через Брунете, затем Навалькарнеро и обрушиваются на мадридский корпус с тыла. Еще два корпуса наносят вспомогательные удары из районов севернее Аранхуэса и юго-восточнее Мадрида навстречу

главным силам Центрального фронта. В результате важнейшие коммуникации мадридского корпуса должны были быть перерезанными, а часть вражеских частей — окруженной. После этого уничтожить их уже не составляло бы особого труда.

Мало-помалу начали сосредоточивать резервные соединения фронта в районе к северо-западу от Эль-Пардо, почти до Эль-Эскориала. Разумеется, такая крупная перегруппировка войск была замечена всеми в штабе Центрального фронта.

— Что это вы там затеяли? — допытывался начальник штаба фронта Матальяна.

— Проводим большие тактические учения, войска надо тренировать, — отвечали ему.

Матальяна, очевидно, оценил организованные мной ранее учения со штабами частей и бригад и поэтому успокоился.

Каково же было его удивление, когда за сутки до начала операции он узнал правду. Темперамент испанца этого перенести не мог, и Матальяна взорвался бурным негодованием. Как, от него, начальника штаба фронта, скрыли операцию, которую он должен проводить!

На помощь опять пришел Висенте Рохо. Основной удар он, как говорится, принял на себя, а всем вместе нам уже нетрудно было успокоить разъяренного Матальяна. Тем более что замысел операции пришелся ему по душе. В конце концов он пожал плечами и с улыбкой проговорил:

— Что за выдержка у вас, русских!

В ночь на 6 июля 5-й армейский корпус, а с утра 6 июля 18-й армейский корпус начали наступление, 11-я пехотная дивизия Листера, ночным маневром обойдя опорные пункты мятежников в Льянесе и Кихорне (не зря упирал Рохо на прерывность обороны мятежников), на рассвете была в Брунете. Тяжелее сложилась борьба за остальные укрепленные пункты, и мне спешно пришлось убыть к месту боев.

Утром 6 июля республиканцы приготовились к штурму Вильянуэва-де-Каньяда. Но атака не принесла успеха, и командир корпуса Хурадо недоумевал:

— Ничего не могу понять. Все было сделано — и артиллерийская подготовка проведена, и самолеты ударили, а толку нет.

Вскоре стали ясны причины неудачи. Здесь, под Вильянуэва-де-Каньяда, повторилась обычная ошибка, которую допускали республиканцы: слишком велика была пауза между артподготовкой и атакой. Мятежники успели оправиться от потрясения, покинуть укрытия и отбить республиканцев организованным огнем.

— Очевидно, вы правы, — согласился со мной командир корпуса, когда я высказал ему эти соображения.

Дело было, однако, не только в этом. Уже в ходе повторной атаки было видно, как плохо взаимодействовали пехота, танки, артиллерия и авиация. Пришлось заняться этим уже под вражескими пулями. К вечеру опорный пункт мятежников в Вильянуэва-де-Каньяда пал. На следующий день был взят Льянес, а 9 июля — Кихорна.

Тем временем командование мятежников успешно подтянуло к месту прорыва резервы, в том числе снятые с Северного фронта лучшие дивизии. Фронт как бы застыл в форме мешка, который фашисты могли срезать фланговыми ударами. В этих условиях нужно было спешно принимать меры к устойчивой обороне. К счастью, враг не использовал выгоднейшей возможности окружения республиканских войск и 24 июля нанес фронтальный удар. Захват Брунете стоил ему больших жертв, и дальнейшее продвижение мятежников захлебнулось.

Р. Я. Малиновский «Три сражения»

* * *

Много лет прошло с тех пор, как пробиралась я с испанскими партизанами по тылам фашистских мятежников, но и сегодня отчетливо помнятся подробности давних боевых походов, испытанная в те дни великая сила интернационального братства, которая роднила людей разных национальностей, возрастов, мировоззрений.

Во время моего пребывания в Испании я была назначена переводчицей к И. Г. Старинову, военному советнику и инструктору в отряде специального назначения. Командовал отрядом Доминго Унгрия. Об этом первом в Испании партизанском отряде я и хочу рассказать.

И. Г. Старинов, принявший в Испании имя Родольфо, приехал в Валенсию, когда отряда практически еще не существовало. Не было даже помещения, в штабах республиканской армии не верили в эффективность партизанской борьбы. Много пришлось потратить сил, чтобы подобрать и подготовить кадры для нового, малоизученного дела.

Сначала стали обучать пять человек. Это были хорошие, преданные Республике люди, но уже пожилые, непригодные к военной службе: при быстрой ходьбе они задыхались. После

встречи Старинова с Хосе Диасом и Долорес Ибаррури прислали еще 12 молодых, уже обстрелянных бойцов. Отряду выделили одну грузовую и две легковые автомашины, отвели дом в пригороде Валенсии, где была организована школа обучения тактике и технике партизанских действий.

Во второй половине декабря 1936 года мы отправились на первое боевое задание в район Теруэля — сдавать экзамен на зрелость.

В тыл противника вышли засветло; впереди проводники, за ними капитан Унгрия, Родольфо и я, за нами первый заместитель командира Рубио с ручным пулеметом и Антонио Буйтраго, второй заместитель командира.

На спине у каждого белые лоскутки с привязанными к ним гнилушками. Они светятся в темноте и помогают не терять из вида идущих впереди. Ночь в Испании наступает быстро, и если нет луны, то сразу становится темно.

Подошли к лесу. Идем почти бесшумно, иногда останавливаемся. В ночной темноте, споткнувшись, падает Рубио. Останавливаемся. Все тихо. Опять вперед. Чем дальше углубляемся в тыл врага, тем увереннее идем.

Часа через два остановились отдохнуть и закусить. Разрешено курить, но с соблюдением маскировки: укрывшись с головой куртками. Бойцы курили, а я в тревожном раздумье вспомнила свою семилетнюю дочь, оставшуюся в Москве. Как-то она там?..

Через полчаса Родольфо шепчет:

— Пора.

Я перевожу на ухо Доминго, он шепотом подает команду остальным.

По дороге переходим ручей, альпаргатас — тряпичные туфли — промокли, ноги зябнут.

Линия фронта далеко позади, но близость противника не чувствуется, мы полностью доверяем проводникам и потому идем спокойно.

Только к трем часам ночи вышли к автомобильной дороге Теруэль — Каламоча. Я с непривычки устала, заметно устали и другие. Дорога от нас всего метрах в ста. Показались огоньки, мимо пронеслась легковая машина.

Небольшой отдых — и приступили к работе.

Группа Доминго должна была разрушить связь и подорвать однопролетный железобетонный мост. Ширина дороги — около 10 метров, взрывчатки у партизан немного.

— Что будем делать? — спросил Доминго, когда мы остановились под мостом.

Родольфо ответил не сразу. Он измерял балки. Потом подвел

капитана к опоре и сказал:

— Минируйте так, как на занятиях по дороге Валенсия — Альбасете, только побольше камней поставьте для забивки.

— Согласен, — ответил Доминго и добавил: — Здесь можно сделать хорошую забивку — камней вокруг много.

Мы затаились. Промчался еще автомобиль. Группа Доминго приступила к работе, а мы, переждав еще одну машину, направились к железной дороге.

Шли около 10 минут, часто прислушивались, но все было спокойно. У металлического моста длиной около восьми метров быстро установили приготовленные заряды, заминировали железную дорогу и принялись за столбы линии связи. Времени оставалось мало, спешили, не все ладилось. Наконец фитили подожжены, и мы стали поспешно отходить.

— Легковая машина! — предупредил Рубио.

Едва мы достигли шоссе, как яркая вспышка осветила все вокруг, раздался взрыв. За ним последовали другие. Мы пересекли автомобильную дорогу, прибавили шагу, спеша на сборный пункт. И вовремя.

Большой огненный столб поднялся в ночное небо, потом донесся сильный взрыв. Было слышно, как ударились о землю падающие обломки разрушенного железобетонного моста. Люди ликовали.

— Формидабле! Муй бьен![54] — бурно выражали свой восторг наши проводники.

И снова взрыв — теперь на железнодорожном мосту. Все радовались, позабыв, что находятся в тылу противника, который в любую минуту мог организовать поиски диверсантов.

В обратный путь шли налегке, довольные удачей, не чувствуя усталости.

На Теруэльском фронте мы провели еще несколько успешных операций.

Наступил январь. Нам приказали срочно выехать на Южный фронт. Все обрадовались, особенно Доминго: он родился в тех местах и хорошо знал окрестности.

В Альбасете наш отряд пополнили интербригадовцы — поляки, югославы, болгары, чехи, словаки, немцы, австрийцы, итальянцы, один американец, финны и французы. В отряде стало больше ста человек.

Был среди интербригадовцев и югослав Иван Хариш, прославившийся в годы второй мировой войны на своей родине. За дерзкие диверсии в тылу оккупантов Хариша прозвали Ильей Громовником. После окончания войны Иван Хариш, народный герой Югославии, стал генерал-майором югославской Народной

армии.

Но все это было потом, а тогда, в январе 1937 года, мы готовились к выполнению нового задания и переходу линии фронта под Вильянуэва-де-Кордова.

Переход группы Хариша в тыл противника был назначен на вечер. На командный пункт командира батальона прибыли засветло.

— Все готово, — доложил комбат.

Хариш был благодушно настроен. Шутил. Он мог шутить: у него все до деталей было продумано, предусмотрено.

— Что же у вас так мало патронов? — спросил командир батальона у Хариша.

— Но зато у нас много взрывчатки, ответил Хариш. — Перестрелка нам невыгодна, помощи нам ждать не от кого. Противник своих раненых в госпиталь повезет, а мы должны нести. Когда же на нашей мине подорвется машина или упадет поезд с насыпи, то стрелять в нас уже будет некому.

Начинало темнеть. Хариш отдавал последние приказания.

— Дорогой мой капитан, — обратился Иван Хариш к комбату. — Обязательно предупредите, чтобы при возвращении в нас не стреляли!

Мы простились, и через несколько минут группа бесшумно исчезла в темноте. Изредка до командного пункта доносились одиночные выстрелы, потом все затихло. Часа через два возвратились проводники. Старший доложил капитану, что группа прошла мимо передовых постов франкистов.

Первым известием об успехе партизан было сообщение от республиканских летчиков. В районе действий группы Хариша они обнаружили пущенный под откос эшелон с техникой и боеприпасами. Через трое суток Хариш со своей группой возвратился.

Вылазки в тыл врага стали обычной работой партизан. Однако переход в тыл, особенно возвращение оттуда, были сопряжены с большой тратой времени, с риском быть убитым своими. Поэтому при первой возможности была создана скрытая база в тылу фашистов.

Первой такой базой стал заброшенный маслодельный завод в 12 километрах северо-западнее Адамуса. Ее организовали по инициативе и с помощью командира роты республиканской армии.

Он лично принимал участие в операциях нашего отряда. На базу доставили несколько сотен килограммов взрывчатки, запас боеприпасов и продовольствия. Оттуда совершали вылазки на коммуникации мятежников.

Базу организовали в середине февраля, но я туда поехала позже, сопровождая очередную партию.

Боеприпасы и продовольствие к исходу дня погрузили на мулов и сосредоточили на нашем переднем крае. В бинокль мы наблюдали передвижение вражеских патрулей, изучали расположение постов противника. С наступлением темноты двинулись вперед. Копыта животных были обернуты кусками фланелевых одеял. Обутые в альпаргатас, мы шагали бесшумно. Мулы, точно понимая опасность, тоже шли осторожно.

Идти было тяжело. Пересекали канавы и ручьи, поднимались в горы, опускались в низины. Казалось, нашему походу не будет конца.

Но вот впереди зашевелился светлячок. Через две-три минуты к нам подошли два партизана и повели на базу.

Темные, низкие здания. Около одной из стен, на которой, как в сказке, навешаны светящиеся гнилушки и натянуты многочисленные провода, стояли часовые. Охрана ввела нас в закопченное помещение. Слабо горели дрова в камине. На полу спали человек двенадцать. Вокруг сидели караульные.

Во дворе тихо, никаких признаков жизни. Доминго стал знакомить меня с базой. Первым делом он показал стену около часовых.

— Но пасаран! — сказал капитан с гордостью. — Все эти проволочки, светлячки связаны с проводами и сигналами на подходах к базе. Свои знают, где и как можно пройти, как предупредить охрану. А тот, кто этого не знает, обнаружит себя. Тут много поработали Родольфо и интербригадовцы.

С северо-запада доносился гул падающей воды.

— Электростанция по прямой всего в двух с половиной километрах, но мы ее не тронем, — шептал мне капитан. — Для нас она отличное прикрытие. Фашисты и не подумают, что мы так близко от станции и не трогаем ее.

Утром вернулись с задания группы Рубио, Яна Тихого и Алекса, единственного в нашем отряде американца.

На базе больше 50 человек. Перемещение по ее территории строго ограничено. Ходить можно только так, чтобы не было заметно ни малейших признаков людей в полуразрушенном, забытом заводике, где до войны вырабатывалось оливковое масло.

Заводик скрывала оливковая роща. С востока — крутой подъем, заросший деревьями. С запада и юго-запада — спуск в долину, по которой протекала небольшая река. На ней и были построены высокая плотина и гидростанция. В бинокль хорошо просматривались часовые на плотине.

— Если фашисты нападут на нас до обеда, нам трудно будет продержаться до темноты. Если во второй половине дня — мы заставим их развернуться на дальних подходах, поставим мины замедленного действия и отойдем на запасную базу. А ночью уйдем через линию фронта к своим, — пояснял Доминго.

Предстояла операция по крушению поезда и подрыву двух небольших, но высоких мостов на железной дороге, идущей к Кордове.

Перед заходом солнца три группы направились на задание. Одна под командованием молодого моряка Руиса должна была подойти к железной дороге Монторо — Кордова с севера. С ним пошли Родольфо, Доминго, Ян Тихий и еще шесть человек.

Наступила ночь. Я осталась на базе. Меня поражало полное спокойствие, уверенность людей в своей безопасности. Во дворе ходили парами часовые. Вечером в помещении с плотно занавешенными окнами ярко горел камин, партизаны слушали радио. А рядом гидростанция, охрана мятежников. Линия фронта — в десяти километрах.

На базе остался со своей группой Хуан Гранде. Они должны были идти на задание на следующий день, а пока их черед нести охрану. Еще с вечера Хуан проверил всю систему сигнализации, проинструктировал людей.

В ту ночь я не ложилась спать, и мы сидели и беседовали с Хуаном Гранде, настоящее имя которого было Иван Попович.

Вдруг до нас донесся гул далекого взрыва.

— А может, нам это только показалось, потому что мы ждем взрывов? — спросила я черногорца.

— Нет. Был взрыв, большой взрыв. Это не поезд, это на мосту.

Утром вернулся Руис со своей группой. Все устали, но были довольны.

— А где Доминго и Родольфо? — спросила я у Руиса.

— Пошли прямо в Адамус. Товарный поезд упал, надо добивать.

Перед обедом мы услышали взрывы со стороны Монторо.

Поздно ночью вернулись на базу Доминго, Родольфо и Тихий. Они принесли радостную весть об успешном выполнении задания и о том, что удалось уничтожить вражеские машины, вывозившие боеприпасы из потерпевшего крушение воинского эшелона под Монторо.

Следующей ночью Родольфо, Доминго, я и шесть человек сопровождающих покинули базу. Ехали на мулах. До предполагаемой линии фронта добрались без приключений. Но где именно находятся подразделения противника — этого мы не знали. Дальше решили идти пешком. Мулов повели за собой,

благо животные они смирные.

Вдруг где-то слева раздалась перестрелка. Значит, враг рядом, но близко и свои войска. Хосе, пожилой крестьянин, работавший до мятежа на том самом маслозаводе, где оборудовали партизаны базу, прекрасно знал местность. Он вывел нас к ручью, за которым накануне были республиканские войска. У нас был пароль, но кто мог гарантировать, что вместо отзыва не раздастся очередь из пулемета?..

Пройдя около полукилометра, остановились. Проводник ушел в сторону. Минут через двадцать он возвратился с двумя республиканскими солдатами. Мы среди своих, в тылу республиканских войск…

Группы отряда Доминго усиливали удары по тылам мятежников. Все успешнее выполнялись сложные задания: подрывались на минах автомашины, под откос летели поезда. На участке Кордова — Монторо и внутри сильно охраняемого туннеля по дороге Кордова — Пеньярроя были подорваны железнодорожные составы. Но самым большим успехом, достигнутым бойцами отряда, был взрыв поезда с итальянскими фашистами, среди которых было много офицеров. В газетах, издаваемых на территории, занятой мятежниками, им были посвящены пышные некрологи. Франкисты безуспешно терроризировали местное население, стараясь найти виновников этого дерзкого покушения, — правды они не дознались.

После этого взрыва Доминго Унгрия вызвали с докладом к начальнику Генерального штаба Висенте Рохо, который подписал приказ о создании специального батальона для действий в тылу противника. Так Унгрия стал «хефе дель батальон эспесиаль» — командиром специального батальона.

Успешное выполнение заданий в тылу врага доставило отряду Доминго не только много радостей, но и немало хлопот.

На базу в Вильянуэва-де-Кордова началось паломничество корреспондентов.

Из конспиративных соображений Доминго и Родольфо старались не попадаться им на глаза. Капитан внушил всем на базе, чтобы держали язык за зубами.

Журналистов принимали гостеприимно, с ними беседовали, но на вопросы, кто и как осуществил диверсии, вежливо отвечали:

— Война еще не кончилась. Рано рассказывать о средствах и способах, о людях.

Одним из первых на базу приехал Илья Оренбург. Доминго показал Илье Григорьевичу свое хозяйство. Первым делом повез к конным диверсантам.

— А это что за наездник? — удивленно спросил писатель,

увидев восьмилетнего Антонио, сидевшего на породистом рысаке.

— Это мой сын, — с гордостью ответил Доминго.

Вечером в честь гостя был дан ужин.

Илья Эренбург поинтересовался, все ли интербригадовцы знают испанский язык.

— Два югослава, итальянцы и французы понимают, а другие, когда поступили в отряд, знали всего несколько десятков слов, а теперь уже все могут объясняться, — ответил Доминго.

Обратившись к сидевшему рядом Хуану Гранде, Эренбург спросил:

— Почему вы пошли в партизаны?

— Потому что приехал в Испанию воевать против фашистов.

— Но воевать можно на фронте, там фашистов тоже много и иностранцам проще: не обязательно знать язык, — допытывался Илья Григорьевич.

— В тылу врага бьешь там, где он не ждет. Мятежники в поездах и машинах как змеи в клетках. Вот и бьем их, пока не выползли, объяснял Хуан.

Уезжая, Илья Григорьевич обещал:

— Я напишу о вас с полным соблюдением конспирации.

Очерк Ильи Оренбурга был опубликован в газете «Известия». Когда я перевела его Доминго, он остался доволен: конспирация была на высоте.

Из статьи Ильи Эренбурга «Партизаны Испании»

Возле Кордовы партизаны уничтожили 11 поездов. Возле Гранады они взорвали мост Пинос-Пуэнте. Железнодорожное сообщение между Гранадой и Малагой было прервано в течение 12 дней. Недалеко от Касереса партизаны разобрали путь. Эшелон итальянцев, направлявшийся в Саламанку, был уничтожен.

Ночью партизаны нападают на заставы фашистов…

Мосты в районе Кордовы теперь охраняются отрядами по 100 человек. Поезда ходят пустыми. В автомобилях фашисты передвигаются только днем.

О партизанах ходят легенды: это страх одних, надежда других…

Партизаны издают подпольные листовки. Вот листовка, составленная крестьянами Андалусии:

«Фашисты свои и чужие пьют нашу кровь. Они отбирают скот. Они грабят дома. Убивайте фашистов кто как может! Отвинчивайте гайки на путях! Стреляйте в автомобили! Если у тебя нет ружья, убей фашиста и возьми его ружье!»

Известия, 1937, 23 марта

Осенью 1937 года командование республиканской армии приняло решение объединить все силы, действовавшие в тылу противника. Так был создан знаменитый 14-й специальный корпус, который до самого конца национально-революционной войны осуществлял боевые операции. Его подразделения продолжали борьбу в Андалусии, Кастилии, Каталонии и после падения Республики.

А. К. Старинова «В тылу у мятежников»

* * *

23 августа 1936 года мы с Романом Карменом перешли небольшой мост, и Франция осталась позади. Начиналась Испания — тревожная, бурная, словно взорванная.

Мы находились в Ируне, в том самом Ируне, который вскоре

превратился в арену чудовищных преступлений. Нас встретили не обычные пограничники. Это были горняки, рабочие, крестьяне, портовые грузчики, одетые в рабочие блузы, с красными платками, повязанными на шее, вооруженные охотничьими ружьями, самодельными гранатами, некоторые опоясаны пулеметными лентами.

Они приняли нас как родных. Мы не знали испанского языка, и первым словом, запомнившимся навсегда, было слово «камарада» — товарищ. Когда мы показали свои красные паспорта с вытесненным золотом гербом Советского Союза, восторг стал всеобщим, паспорта передавали из рук в руки.

Ирун готовился к защите, на улицах города строились баррикады. Мальчишки помогали взрослым подносить мешки с землей и укладывать их штабелями. Для строителей обороны в больших котлах варился общественный обед, женщины резали хлеб, расставляли на столах посуду, кувшины с вином и водой.

В первый день мы снимали строительство укреплений, рытье окопов, прокладывание телефонного кабеля для связи передовых линий со штабом укрепленного района города.

Мануэль Кристобаль, начальник и комиссар штаба, секретарь коммунистической организации Ируна, предложил нам посетить важнейшие фронтовые участки. Мы этого только и ждали — хотелось скорее попасть в гущу военных событий.

Ехали по горной дороге, вдоль которой тянулись повозки с ранеными, боеприпасами, продовольствием. На широком повороте дороги расположился временный госпиталь — большой автобус, замаскированный ветками. Мы беспрестанно снимали, перезаряжали аппараты и следовали дальше. Кристобаль, красивый, широкоплечий, обвешанный пулеметными лентами, принимал в съемке деятельное участие, помогал советами.

Командный пункт находился в монастыре Сан-Марсиаль, здесь же была сконцентрирована телефонная связь всего фронтового участка. Примерно в трехстах метрах виднелась цепь фашистских укреплений.

Бойцы-республиканцы в окопах приветствовали Кристобаля как старого друга и командира, хотели и с нами познакомиться покороче. Не зная языка, мы поднимали вверх крепко сжатые кулаки, обнимали друзей. Каждый предлагал вино из своей фляги, суп из своей миски. Мы тоже делились чем могли…

Пролетела группа итальянских бомбардировщиков «капрони». Через некоторое время послышались взрывы бомб, сброшенных в порт, куда пришли пароходы с грузами для фронта и питанием населению.

Много бомб упало в воду, поднимая столбы сверкающей

воды. Обстановка для съемок была непривычной. Снимать приходилось лежа на животе или на спине, с колена, согнувшись в три погибели. Кругом свистели пули. Сняли бой, бойцов в окопах, крупным планом командиров, отдающих распоряжения. Спустились к республиканской артиллерии, состоявшей всего из одной пушки. Короткоствольная, с широким жерлом, эта пушка могла бы быть музейным экспонатом, но она делала свое дело. Калибр снарядов не соответствовал калибру пушки, однако после выстрела, пролетев несколько сотен метров, снаряды попадали в фашистские укрепления. Засняли работу и этой пушки.

Следуя вдоль фронтовой полосы, мы приехали в Сан-Себастьян, курортный город на берегу Бискайского залива. Войны здесь словно не бывало. Воскресенье. Нарядный, утопающий в густой зелени город. Кругом шумно, весело, где-то играет музыка. В кафе много посетителей. На бульварах толпы гуляющих, женщины катают детей в колясках. Это тоже Испания, и мы ее засняли.

Вдруг послышался пронзительный вой сирены. Люди стали разбегаться. Вынув детей из колясок, женщины прятались в домах с надписью: «рефухио» — убежище. Начался обстрел с фашистского линкора «Эспанья».

Тревога окончена. На бульваре снова народ, в кафе допивают остывший кофе… Едем в центр города. Ряд зданий разрушено, на мостовых глубокие воронки от снарядов огорожены пустыми бочками.

Штаб обороны. У входа встречаемся с группой девушек-санитарок.

— Возьмем под объектив, — предложил я Кармену.

Заметив направленные на них аппараты, санитарки, смеясь, сказали нам, что они актрисы и с кинооператорами сталкиваются не впервые. В суровые для Испании дни они стали санитарками Народной армии.

Недалеко от Уэски нам удалось снять блиндированный поезд, который смастерили крестьяне. Состоял он из паровоза и платформы, обложенной мешками с землей, посредине которой стояла маленькая пушка…

Барселона. Красавица Барселона, столица Каталонии, крупнейший промышленный город и порт Испании. Улицы полны народа. Столики кафе, расставленные на тротуарах, заняты. Здесь много мужчин в военной форме и комбинезонах, все вооружены.

На главной площади дома украшены портретами Карла Маркса, Долорес Ибаррури, Хосе Диаса, множеством лозунгов.

Двухэтажные трамвайчики тоже в лозунгах: «Долой Франко-пекеньо» (коротышку), «Наш друг — СССР».

На стенах отдельных домов висят портреты с надписями. Они украшены цветами — в память революционеров, погибших здесь во время уличных боев.

Квадратный двор казармы имени Карла Маркса полон народу. Женщины провожают мужей, братьев, сыновей на передовые позиции. Сюда стекаются тысячи добровольцев. Здесь формируется интернациональный батальон. Снимаем тельмановцев под красным знаменем, французов, голландцев, австрийцев и других иностранцев, живущих в Барселоне.

В порту на рейде испанский линкор «Хаиме I». Это испанский броненосец «Потемкин». В первые дни фашистского мятежа матросы «Хаиме I» арестовали офицеров и овладели кораблем. Теперь он обстреливает порты мятежников. Жители Барселоны приветствуют моряков республиканского линкора…

В Мадрид приехали поздно ночью. Было темно, в городе соблюдалась светомаскировка. Днем в Мадриде людно, шумно, звенят трамваи, сигналят машины, торгуют магазины, работает метро. В сентябре фронт был еще далеко от столицы, но Компартия Испании призывала народ к обороне города. Снимаю, как жители Мадрида роют окопы. Вместе со всеми работают Долорес Ибаррури и Хосе Диас.

Каменистая земля плохо поддается, кирка — тяжелое орудие, да и жара сильно утомляет, но руководители компартии показывают пример стойкости и вдохновляют всех своим трудом.

В воздухе фашистские самолеты. Люди бросаются в укрытия, в подвальные этажи высоких домов. Мы снимаем бегущих людей, показываем дорогу в убежища, помогаем переносить детей. Задыхаясь от горя и ярости, снимаем разрушения, убитых детей, стариков и женщин, попавших под бомбежку.

Нижний этаж отеля «Капитоль» занимал кинотеатр. Там демонстрировались советские фильмы. Задолго до начала утренних сеансов у входа собиралась большая толпа. Большинство одето в военную форму, вооружено пистолетами и винтовками. Заходим в зрительный зал. Интересно, как воспринимают наши картины. Шел фильм «Мы из Кронштадта». В момент, когда матрос падает в море, один из зрителей выстрелил в группу белых на экране. Фильм имел огромный успех, в течение двух с половиной месяцев не сходил с экранов города.

На улицах Мадрида плакаты: «Мадрид — это Петроград», «Защищайте Мадрид, как русские рабочие защищали революционный Петроград». Часто после демонстрации советских фильмов зрители стоя, с поднятыми вверх кулаками, пели «Интернационал».

Целый день провели в казармах 5-го полка, организованного

Центральным Комитетом Коммунистической партии Испании. Снимали прославленных командиров — бывшего каменщика из Галисии Энрике Листера и андалусского столяра Хуано Модесто. На большом плацу казармы и на близлежащих улицах района Тетуан опытные военные обучали вновь мобилизованных, показывали приемы боя и стрельбы с разных положений.

Утро. Едем на фронт. Полированный асфальт дороги блестит черной лакированной лентой. Автомобили движутся навстречу искоса падающим лучам солнца. Ветерок шуршит по еще зеленым, но уже сухим листьям. По канавам с обеих сторон дороги движется бесконечная вереница людей. За спиной у каждого ранец, скатанное одеяло или зеленая плащ-накидка без рукавов, винтовки на ремнях, широкие пояса с бесконечными карманами, в которых лежат патроны и гранаты на коротких палках-ручках.

Люди и машины движутся в одном направлении — в сторону фронта.

Обгоняем грузовики с людьми, вооружением и боеприпасами. Некоторые машины замаскированы ветками. Доносятся выстрелы, пулеметная трескотня слышится резче, в небе видны клубы дыма от разрыва шрапнельных снарядов. В двух километрах отсюда идет бой. Артиллерия стреляет через головы своих наступающих частей.

Бойцы с обочины дороги выходят на поле и двигаются шеренгами — готовятся к наступлению. Над головами свистят пули, заставляя пригибаться к земле.

Бой в разгаре. В воздухе пыль, жара, дышать нечем. К канонаде артиллерийских залпов и трескотне пулеметов присоединяются пронзительные сигналы санитарных машин.

С командного пункта видна картина всего боя. Снимаем панорамой. Справа двигаются танки. Шрапнельные снаряды, разрываясь, образуют над ними маленькие облачка. Часто меняем кассеты с пленкой; нам тоже жарко. Под тенью деревьев стоит цистерна со свежей водой; бойцы наполняют фляги и бегом возвращаются на позиции. Короткий металлический звук. Пуля пробила корпус цистерны. Люди прижимают флягу к образовавшемуся отверстию. Мимо нас проскочил раненный в шею мотоциклист и направился к санитарному пункту. Не прошло и десяти минут, как он вновь затарахтел и помчался по полю в сторону фронта…

Когда мятежники стали подходить к Мадриду, правительство Республики приняло срочные меры, чтобы обезопасить ценнейшие национальные сокровища. Компартия организовала их эвакуацию. Несколько дней подряд я работал с группой

художников-бойцов, упаковывал драгоценные картины Гойи, Веласкеса, Эль Греко, которые были перевезены в Валенсию.

В результате налетов фашистских бомбардировщиков разрушен замечательный дворец герцога Альбы и много других исторических зданий и памятников.

На площадях Мадрида происходила отправка детей в СССР. Большие междугородные автобусы заполнены маленькими испанцами. Им предстоит длинный путь. Муниципалитет снабдил каждого ребенка продуктовыми пакетами, сладостями, фруктами. В автобусах ящики с лимонадом и бидоны с водой. Сборы и отправка были недолгими: боялись налета вражеских самолетов.

Мы снимали почти непрерывно. В город возвращались лишь для того, чтобы обработать снятый материал и отослать его в Москву.

Но скоро и Мадрид стал фронтом. Решили снять уличные бои. Нас провели в одно из разрушенных университетских зданий, откуда мы и произвели съемки.

На крыше брошенного замка в Эскориале я нашел верхнюю точку для съемок масштабного плана. Около окна на чердаке обнаружил под чехлом телескоп, который позже был установлен на 16-этажном здании «Телефоники Сентраль» — главного наблюдательного пункта в Мадриде. С помощью телескопа хорошо просматривалась взлетная дорожка аэродрома Хетафе, откуда поднимались фашистские самолеты. Сведения наблюдателей немедленно передавались командованию ВВС в Алькала-де-Энарес.

В Испанию приходило много советских пароходов с ценными грузами для бедствующего населения и для фронта. Мы засняли прибывший в порт Аликанте пароход «Нева». Работницы табачной фабрики устроили советским морякам бурную встречу. Когда «Нева» уходила к родным берегам, население Аликанте украсило борта и перила парохода ветками с плодами апельсинов. Пароход, похожий на фруктовый сад, покидал город под возгласы: «Вива Русиа!», «Вива а лос совьетикос!»

Десятки километров под пулями, под огнем фашистов. Тысячи метров кинопленки, запечатлевших мужественную борьбу испанского народа, самоотверженность интернационалистов, вступивших в единоборство с фашизмом. 22 специальных киновыпуска, советские, французские, американские полнометражные фильмы, в которых использованы наши съемки, — таков итог нашей работы.

Б. К. Макасеев «Из хроники героической республики»

* * *

Советские командиры-добровольцы, поехавшие в Испанию помогать ее героическому народу вести борьбу с фашизмом, испанского языка в большинстве своем не знали. В то же время, становясь советниками испанских командиров — различного ранга и всех родов войск, они должны были повседневно, ежечасно, ежеминутно общаться с испанскими товарищами, решая важные вопросы самого разного характера. Для того чтобы такое общение оказалось возможным, сразу же потребовалось довольно много переводчиков.

Если обычно на войне устный перевод нужен только при допросе пленных, то здесь положение было совсем иным. Нередко разговор происходил под бомбежкой, в условиях артиллерийского и даже пулеметного обстрела, на «ничейной» территории (в командирской разведке), во время полетов над территорией противника, в походах военных кораблей и, наконец, в тылу врага.

Речь шла о военных операциях, иногда малейшая ошибка в переводе могла привести к непоправимым последствиям. Поэтому напряжение было огромным.

Был такой случай: только что прибывшая переводчица повергла в полное изумление испанского полковника, переведя ему предложение нашего советника перебросить две дивизии на другие позиции. Такая передислокация полностью оголила бы ответственнейший участок фронта. К счастью, очень быстро выяснилось, что речь шла всего-навсего о двух артиллерийских дивизионах. Русское слово «дивизион» девушка по созвучию перевела испанским словом division — дивизия.

Переводчикам приходилось изучать военную терминологию в процессе работы. На первых порах, прежде чем переводить тот или иной военный термин, мы просили говорившего коротко объяснить, что он означает, затем переводили это собеседнику и от него узнавали соответствующий термин на другом языке. Помню, как я растерялась, когда в первые же дни моей работы главный советник артиллерии полковник Н. Н. Воронов попросил меня перевести: «Построить параллельный веер». Все эти слова в отдельности я по-испански знала, но совершенно не была уверена, что это и по-испански звучит так же.

Но поскольку практика была непрерывной в буквальном смысле этого слова, мы очень быстро приобрели необходимые

знания и навыки. Многие из нас вскоре добились такого беглого и точного перевода, что разговаривавшие между собой русские и испанцы переставали замечать, что ведут разговор через переводчика.

Наши военные советники в Испании завоевали всеобщее уважение не только своими знаниями и военным мастерством, но и личным мужеством и хладнокровием в боевых условиях. И всегда, в любой обстановке рядом с ними находились переводчики, в большинстве своем совсем молодые женщины, от которых требовалось не меньшее мужество и хладнокровие. И не просто присутствовали, а выполняли очень трудную и ответственную работу. Желание помочь испанскому народу заставило их расстаться с семьями, отказаться от привычной мирной обстановки и отправиться делить все тяготы фронтовой жизни с кадровыми военными.

Переводчиков обычно прикрепляли к какому-нибудь одному советнику, но, во-первых, прикрепление это часто было временным, а во-вторых, даже имея своего постоянного начальника, нередко приходилось переводить и другим. За 13 месяцев пребывания в Испании мне довелось работать с капитаном А. И. Родимцевым, майором Б. Ф. Дудаковым и последние полгода — с комдивом Г. М. Штерном. Однако при различных обстоятельствах мне приходилось переводить также артиллеристам, танкистам и летчикам.

К сожалению, мне не пришлось работать с моим мужем — Рубеном Сергеевичем Аваковым. Прибыл он в Испанию одновременно со мной в октябре 1936 года и принимал участие в подготовке танковых подразделений республиканской армии. Первые экипажи формировались из испанцев и бойцов интернациональных бригад, главным образом немцев, среди которых было много техников и механиков. Обучение шло ускоренным темпом, но весьма успешно. Этому способствовало и то, что муж применял собственные методы обучения. В частности, он использовал изобретенное им за год до этого устройство, принятое на вооружение Красной Армией и описанное в специальной литературе как «светопушка Авакова». Оно позволяло проводить обучение стрельбе из танка по движущимся мишеням без траты боезапаса, пользуясь световым лучом. Можно представить себе, как пригодилось это изобретение тогда, в сражающейся Испании, где на счету был каждый патрон.

Одним из первых заданий, выполненных Рубеном, была встреча и разгрузка прибывшего в Картахену советского транспорта с танками и боеприпасами. Прибытие транспорта держалось в тайне, но каким-то образом фашисты узнали о нем, и

разгрузка оружия проводилась под непрерывной бомбежкой. Тем не менее удалось обойтись без потерь.

Командование высоко оценило работу лейтенанта Авакова в Испании: он был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

Р. С. Аваков погиб в 1942 году на фронте Великой Отечественной войны, в которой участвовал с первого дня…

Большинство наших переводчиков в Испании были женщины, но мне хочется вспомнить также трех переводчиков-мужчин и коротко рассказать о них.

Федор Иосифович Кравченко родился на Кубани в семье крестьянина-бедняка. В годовалом возрасте он оказался в Уругвае, куда в поисках спасения от нищеты уехал с семьей его отец. Испанский язык стал вторым родным языком Феди. Будучи еще совсем юным, он примкнул к молодежному революционному движению. В 1929 году Федя вернулся на родину и работал в Коммунистическом интернационале молодежи. Естественно, что, когда началась война в Испании, комсомолец Кравченко поехал в Испанскую республику и работал там до середины 1938 года.

Мне много раз приходилось слышать, как Федя переводил. Это была работа на очень высоком профессиональном уровне. Говорил он всегда тихо, ровным, спокойным голосом, предоставляя собеседникам возможность воспринимать интонацию друг друга. Никакая бомбежка, никакая опасность не могла вывести его из равновесия, нарушить его невозмутимость. Усталости он не знал.

В годы Великой Отечественной войны Ф. И. Кравченко сражался в партизанском отряде, получил звание Героя Советского Союза.

Отличным переводчиком был и Иван Акимович Триста. Сын русской учительницы и кубинского врача, он родился и вырос на Кубе, поэтому для него, как и для Феди Кравченко, оба языка — испанский и русский — были родными. Он работал переводчиком у советника артиллерии, великолепного специалиста Николая Александровича Клича.

Мишу Макарова я знала еще по институту иностранных языков. В октябре 1936 года мы вместе прибыли в Испанию на одном пароходе. Военного образования Миша не имел. Его послали работать переводчиком в летную часть, где он быстро овладел специальностью стрелка-радиста и справлялся со своими новыми обязанностями ничуть не хуже профессионалов военных, принимал участие в боях. Миша погиб во время Великой Отечественной войны.

Отдельно мне хочется вспомнить о работе с Григорием

Михайловичем Штерном, который был сначала заместителем главного советника, а с мая 1937 года по апрель 1938 года — главным военным советником при республиканском правительстве Испании. Это был прирожденный военный, что называется, командир «милостью божьей». Я, разумеется, не берусь оценивать его стратегические способности, его вклад в разработку военных операций. Но, судя по тому огромному уважению, с которым относились к нему испанские кадровые офицеры, военные-интербригадовцы и наши советники, по тому вниманию, с которым выслушивались его советы и рекомендации, знания и талант Г. М. Штерна признавались всеми.

Из моих непосредственных впечатлений в памяти остались его огромная работоспособность, мужество и хладнокровие в самых экстремальных ситуациях, необычайная четкость и точность в изложении мыслей и доводов. Поэтому переводить его было одновременно и легко и трудно — хотелось найти в испанском языке аналогичные емкие и точные формулировки, особенно при таких ответственных разговорах, как с начальником Генерального штаба полковником Рохо, военным министром Прието и другими.

Дальнейшая деятельность Григория Михайловича подтверждает, что слава крупного военачальника была им вполне заслужена. После возвращения из Испании Г. М. Штерн уже в звании комкора назначается начальником штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, руководит боями у озера Хасан (за что получает третий орден Красного Знамени), с 1938 года командующий армией, в 1939 году участвует в боях на Халхин-Голе, за что удостоен звания Героя Советского Союза, затем командует армией в войне с белофиннами. Все время в действующей армии, все время в самых горячих точках… Летом 1940 года ему было присвоено звание генерал-полковника, в начале 1941 года он был назначен командующим войсками Краснознаменного Дальневосточного фронта, а затем — начальником Управления противовоздушной обороны Красной Армии.

В числе фронтов республиканской армии был Арагонский, на котором были дислоцированы в основном анархистские части. Долгое время мятежники не предпринимали здесь никаких военных действий, не вели наступления и республиканцы. Но в начале июня 1937 года республиканское командование стало разрабатывать операцию под Уэской, и Г. М. Штерн отправился туда.

Жара стояла страшная. В безводном Арагоне она переносится особенно тяжело. Поехали мы на фронт вместе с советником

Арагонского фронта комбригом В. А. Юшкевичем и представителем испанского командования. Машина мчалась по пустынному шоссе, поднимая высокий, густой столб пыли — она лезла в глаза, нос, уши, хрустела на зубах. Ужасно хотелось, пить, но нигде не было никаких признаков ни жилья, ни колодца.

Наконец мы прибыли в штаб одной из бригад. Умываться было некогда, и мы, утолив жажду, направились в расположение частей. Появление представителя штаба фронта не произвело на бойцов никакого впечатления. Винтовки стояли как попало. Никто толком не мог ответить, где командир. Его пришлось долго разыскивать.

Конечно, не все позиции Арагонского фронта были так неприглядны, но все же боеспособность его частей вызывала серьезные опасения. Позже на укрепление фронта были переброшены надежные, испытанные соединения, в том числе 12-я интернациональная бригада под командованием Мате Залки, знаменитый 5-й корпус и другие.

Немало было тяжелых дней в то жаркое лето. Но один из них запомнился мне особенно остро.

11 июня Григорий Михайлович поехал на командный пункт одного из соединений, участвовавших в операции под Уэской. Путь лежал по дороге, которая вздымалась круто в гору. Слева хорошо была видна занятая фашистами Уэска. Столбы пыли, поднимаемые каждой проезжавшей машиной, служили превосходным ориентиром для противника, свободно простреливавшего артиллерией эту дорогу. Поэтому с целью маскировки левая сторона шоссе на всем его протяжении была огорожена своеобразным частоколом из тростника. Но пыль поднималась выше этой изгороди и предательски выдавала каждую двигавшуюся по дороге машину.

Наша машина проехала часть пути, когда встретившийся патруль сказал нам, что полчаса назад здесь осколком снаряда убит генерал Лукач — Мате Залка и ранен находившийся с ним советский полковник П. И. Батов. Как потом оказалось, генерал Лукач был не убит, а смертельно ранен. Все мы тяжело переживали гибель талантливого военачальника, полного кипучей энергии мужественного борца-антифашиста, чудесного человека… Мне не раз приходилось встречаться с ним в Испании, и в моей памяти он остался живым, веселым и жизнерадостным — таким, каким я его знала.

Очень тяжелое положение создалось в то время на Севере, с самого начала войны отрезанном от остальной территории Республики. После полуторамесячных напряженных оборонительных боев против превосходящих сил фашистов

республиканским войскам пришлось оставить город Бильбао.

Однако, несмотря на успехи противника на Севере, основные события развивались по-прежнему на Центральном фронте, у Мадрида. Именно здесь необходимо было организовать крупное наступление, чтобы создать перелом в ходе военных действий. С этой целью в июле 1937 года была предпринята наступательная операция республиканской армии, вошедшая в историю под названием сражения под Брунете.

Армейские корпуса, наступавшие на главном направлении с северо-запада, должны были прорвать фронт, захватить несколько населенных пунктов, в том числе Брунете, и продвигаться на юг, чтобы установить огневую связь с корпусом, наносившим удар с юго-востока от Мадрида в направлении Карабанчель-Альто.

Операция началась в ночь на 6 июля. К пяти часам утра 6 июля части, которыми командовал Энрике Листер, окружили, а еще часа через два, не понеся потерь, заняли Брунете. К этому же времени части дивизии под командованием Хосе Мария Галана после мощного бомбового удара и получасовой артиллерийской подготовки начали наступление на другой опорный пункт фашистов — деревню Вильянуэва-де-ла-Каньяда.

На рассвете 7 июля Вильянуэва-де-ла-Кань-яда была взята.

Во время сражения под Брунете нам пришлось быть свидетелями первого ночного воздушного боя.

Как известно, в тылу республиканских войск активно действовала «пятая колонна». Сейчас все знают, что означает это выражение, но мало кто помнит, откуда оно пошло. Это слова франкистского генерала Мола, который накануне наступления фашистов на Мадрид осенью 1936 года сказал, что наступление это будет вестись четырьмя колоннами, а пятая будет действовать в самом городе.

Действовала «пятая колонна» и в Брунетской операции. Командный пункт наших советников находился недалеко от Брунете, в одиноком домике. В первую же ночь после начала операции мы увидели вокруг себя осветительные ракеты. Назначение их мы поняли, когда услышали над головой мощный гул авиационного мотора. Нужно сказать, что из-за жары мы спали на улице, поэтому могли, насколько это позволяла темнота, наблюдать за тем, что происходило. Самолет, судя по звуку, бомбардировщик довольно долго кружил в небе. А потом загрохотали взрывы. От зажигательных бомб загорелась трава. Противовоздушная оборона республиканцев на этом участке отсутствовала. Второй заход, третий. Опять взрывы бомб. И так всю ночь.

На следующую ночь мы с тоской глядели в прекрасное,

расцвеченное звездами ночное небо Испании и ожидали появления вражеских самолетов. Мы лежали без сна, а над нами тяжело гудел и завывал вражеский бомбардировщик. Но что это? К его гудению вдруг прибавился какой-то новый звук. Показалось? Нет, в воздухе явно появился еще самолет. Звук его мотора был тоньше. Он мог исходить только от истребителя. Мы вскочили и стали всматриваться в темное небо, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Вдруг гул моторов прорезали пулеметные очереди. Через несколько секунд горящий самолет прочертил в воздухе огненную дугу. Это был фашистский бомбардировщик. Мы не верили своим глазам. Вести бой ночью, вслепую, и сбить врага — вот это класс!

Очень скоро мы узнали, что «юнкере» был сбит советским летчиком Михаилом Якушиным. С тех пор на Мадридском фронте фашисты ночью летать опасались.

Во время Брунетской операции нам приходилось проезжать по дороге, простреливаемой артиллерией противника. Мне это было уже знакомо. Как-то группа наших советников, поднимаясь к наблюдательному пункту, попала под сильный артиллерийский обстрел. Снаряды проносились над головой с отвратительным воем и свистом. Николай Николаевич Воронов, как специалист, на ходу объяснил мне, что такой снаряд уже не страшен. Если слышишь свист, значит, снаряд уже пролетел. А вот когда раздается выстрел, тут лучше пригнуться, потому что, кроме опасности взрыва, есть еще опасность контузии струей воздуха, если снаряд пролетает достаточно низко.

Через несколько шагов Воронов с любопытством спросил меня:

— А вы почему не пригибаетесь? Храбрость демонстрируете?

— Вовсе нет. Просто в вас два метра, а во мне полтора. Как вы ни сгибайтесь, я все равно окажусь ниже. И не только вас, а и всех остальных.

Моя аргументация рассмешила всех. А ведь говорила я совершенно серьезно — впервые в жизни мой маленький рост предоставил мне некоторые преимущества.

Нужно сказать, что в результате Брунетской операции республиканцы получили очевидный стратегический успех. Это наступление сорвало сроки выполнения первого этапа общего стратегического плана летней кампании противника — ликвидации Северного фронта. Фашисты оказались вынужденными снять с Северного фронта часть сил, дав северной армии республиканцев возможность укрепить подступы к Сантандеру и оправиться от полученных ударов.

С 14 июля части республиканцев по приказу командования

перешли к обороне. Мы снова стали ездить ночевать в Мадрид, в отель «Гай-лорд». 17 июля республиканскому командованию стало известно, что на следующий день фашистами назначено генеральное контрнаступление. Нужно было срочно принимать меры.

Утром 18 июля на командном пункте собрались испанские командиры и наши советники. Я, как обычно, переводила. Но вдруг все поплыло у меня перед глазами и мне стало дурно.

К вечеру стало плохо и Штерну. На командный пункт поступили донесения из других частей об аналогичных случаях с нашими советниками и переводчиками. Врачи установили острое отравление. Анализ показал: мышьяк. Выяснилось, что все отравленные — их оказалось 22 человека — завтракали в «Гайлорде». Кто-то постарался накануне решающего сражения вывести из строя наших советников.

Нас привезли в «Гайлорд». К этому времени органы безопасности арестовали несколько человек из обслуживающего персонала гостиницы, но через два-три дня все они были выпущены на свободу «за отсутствием прямых улик». А нам было очень тяжело. Трое из нас — болгарин Цвятко Радойнов, работавший в штабе Центрального фронта, молодой итальянец Маркуччи и я — находились между жизнью и смертью. Нужно было достать молоко, а его в осажденном Мадриде не было даже для детей. И все-таки испанцы где-то раздобыли немного молока, которое, вероятно, и спасло нам жизнь.

В заключение мне хочется отметить, что народ Испании относился к нам с трогательной любовью и теплотой. На фронте испанцы всячески старались облегчить нам жизнь, хотя сами находились в таких же тяжелых условиях. Наша дружба — это фронтовая дружба, она закалена в боях и скреплена кровью наших погибших товарищей.

М. И. Зайцева «Военные переводчики»

* * *

Ранним солнечным утром 15 марта 1938 года летный состав нашей эскадрильи вступил на героическую, тогда еще загадочную для нас испанскую землю. На аэродроме Жероны нас ждали десять самолетов с красными полосами на крыльях и фюзеляже — знак принадлежности их к военной авиации Республики.

Знакомимся с техническим составом эскадрильи. Наш техник,

испанец, используя имеющийся у него запас русских слов, пытается дать характеристику самолету:

— Это, — говорит он, нежно поглаживая самолет, — «катюша». — Показывая на многочисленные, умело поставленные заплатки — свидетельства того, что самолеты неоднократно обстреливались вражеской авиацией и зенитной артиллерией, как бы извиняясь, он пытается пояснить, что сейчас в Республике трудно с поступлением новых самолетов из-за англо-французской блокады. — Но вы, пожалуйста, не беспокойтесь, — успокаивал он нас, — мы их надежно отремонтировали.

Двухмоторный бомбардировщик СБ (АНТ-40) обладал большой для своего времени скоростью полета (420 км в час), превосходя зарубежных истребителей серийных типов.

Потолок полета достигал 10000 метров, дальность 1000 километров при бомбовой нагрузке в 500 килограммов. Четыре скорострельных пулемета ШКАС калибром 7,62 миллиметра, имея большой угол обстрела, создавали круговую оборону.

Командиром нашей эскадрильи был назначен лейтенант Николай Красноглазов. Но ввод ее в бой поручался командиру эскадрильи СБ товарищу Андресу — под таким именем в Испании воевал старший лейтенант Андрей Романович Стечишин.

Базировалась эскадрилья на том же аэродроме, что и мы. Она прибыла в Испанию из Ленинградского военного округа за три месяца до нас и уже имела достаточный боевой опыт. На ее боевом счету были бомбардировочные удары по Саламанке, где находилась ставка генерала Франко, по сильно прикрытым средствами ПВО железнодорожным узлам и аэродромам, по войскам в боевых порядках под Теруэлем и по фашистским кораблям, обстреливавшим порты республиканской Испании — Валенсию, Сагунто.

Командир эскадрильи А. Р. Стечишин и его штурман Мухарам Галимов ввели нас в курс наземной и воздушной обстановки, которая с каждым днем усложнялась.

После ожесточенных зимних боев за Теруэль Франко, перегруппировав и пополнив свои силы, предпринял новое наступление на юго-восток, стремясь выйти к Средиземному морю и разъединить территорию республиканцев на две части. К середине марта противнику удалось проникнуть в Каталонию и продолжать наступление к морю, которое поддерживали с воздуха немецкие и итальянские истребители и бомбардировщики, всего более 700 самолетов.

Республиканские ВВС могли противопоставить им не более 100 самолетов, из них четыре эскадрильи бомбардировщиков по 10–12 самолетов в каждой, включая и нашу, только что

прибывшую в Испанию.

Большое значение в перевозках войск, боевой техники и материальных средств противника к фронту приобретал железнодорожный узел Сарагоса. Для его разрушения привлекли всю бомбардировочную авиацию Республики. Это и был наш первый боевой вылет.

Командиром нашего экипажа был лейтенант Иван Иванович Валуев, стрелком-радистом — младший командир Яков Парфенович Поповкин, штурманом был я. Взлетали, когда на земле еще было темно. По маршруту полета к нам пристроились другие эскадрильи. Возглавляла всю группу эскадрилья под командованием испанского летчика легендарной храбрости Леокадио Мендиолы.

Стрелка высотомера остановилась на отметке 7000. В мирное время потолком полета без кислородных приборов считалась высота 4500 метров. И хотя дышать становилось труднее, нас выручали тренировки в барокамере, которые мы часто проводили еще дома. Внизу в дымке показалась извивающаяся змейкой светлая полоска реки, отделявшая позиции республиканцев от фашистских войск. На железнодорожный узел заходили с тыла.

Мендиола подал команду расходиться по объектам. Его эскадрилья взяла курс правее нас, на склады с горючим и боеприпасами.

Остальные эскадрильи вышли на центр узла, их цель — скопление эшелонов на путях. Зенитная артиллерия достаточно плотно бьет по нашим самолетам. Выходим на боевой курс. Открываю люки. Сбрасываю бомбы. Летчик скольжением в сторону и вниз на увеличенной скорости мгновенно уводит самолет с боевого курса. На развороте видим, что бомбы попали в цель. На железнодорожных путях взрываются эшелоны, в различных местах возникают пожары.

Полеты продолжались почти ежедневно. Существенных потерь не было. Ранило летчика Сергея Асаулова и штурмана Тягунова. Самолет стал отставать. Полет осуществлялся без истребителей сопровождения, поэтому истребители противника набросились на самолет, предчувствуя легкую победу.

Над экипажем Асаулова нависла серьезная угроза. Командир эскадрильи подал команду: всем максимально снизить скорость полета, а Сергею занять место под строем самолетов. Огонь пулеметов с бомбардировщиков, сомкнувших строй над самолетом Асаулова, был настолько плотным, что вражеские истребители больше не решались нападать. Группа в полном составе вернулась на свой аэродром.

Асаулов садился первым. Сергей Павлович рассказал потом,

что осколок зенитного снаряда впился ему в ногу. Началось обильное кровотечение. Чтобы остановить его, Сергей решил испытать простой способ. Изо всех сил он прижал здоровой ногой раненую и так долетел до своего аэродрома. Асаулову помогли выйти из самолета и отправили в госпиталь. Вскоре он вернулся в эскадрилью, но летать ему уже не пришлось.

Командование республиканских войск требовало от бомбардировочной авиации активизировать действия. Аэродромы базирования бомбардировщиков находились относительно далеко от объектов удара. Длительные и частые полеты были утомительны. Командование республиканских ВВС решило перебазировать нас с аэродрома Жероны на Леридский аэродромный узел.

Увеличивая таким образом число полетов, мы компенсировали нехватку самолетов. Упорное сопротивление республиканских войск и ощутимая поддержка со стороны эскадрильи СБ помогли остановить фашистов. Они отказались от тортоского варианта прорыва, хотя это был кратчайший путь к побережью, и перенесли удар южнее, в направлении Винарос.

Ценой больших потерь франкистам удалось выйти здесь к побережью Средиземного моря. Республиканцы сумели обеспечить организованный отход своих войск в Каталонию.

После апрельских боев франкисты стали сосредоточивать свежие силы для нанесения решающих ударов по каталонской группировке республиканцев. Разведка доложила об интенсивной выгрузке их войск и боевой техники в порту Мальта, расположенном на острове Мальорка. Стало также известно, что на аэродроме производится сборка итальянских истребителей «фиат», что формируются авиационные подразделения для отправки на фронт.

В массированном ударе по объектам на острове Мальорка участвовали все наши эскадрильи. Фашистам был нанесен большой урон. Истребителей противника надежно блокировала на аэродроме специальная группа бомбардировщиков, которая нанесла удар по взлетно-посадочной полосе. Зенитная артиллерия открыла огонь по нашим самолетам с большим опозданием, после того как бомбы были сброшены на цель. Все эскадрильи в полном составе, без потерь возвратились на свои аэродромы.

Позже нам рассказали, что франкистские газеты писали об этом полете, будто сбито 12 бомбардировщиков «красных». Наши летчики от души смеялись, вспоминая, как «доблестные» зенитчики просто проспали наш налет, а «прославленные» «мессершмитты» были надежно блокированы на аэродроме.

С выходом франкистов к Средиземноморскому побережью изменились условия базирования и объекты действия бомбардировщиков. Командование республиканских ВВС приняло решение половину состава бомбардировщиков переправить на аэродром Тарасона-де-ла-Манча (провинция Альбасете). Двум эскадрильям, в том числе и нашей, предстояло совершить прыжок через территорию, занятую противником.

Перелет осуществили на рассвете на большой высоте. Выйдя на свою территорию, снизились до 500–700 метров. Внизу лежала ровная местность, прошитая прямыми линиями дорог. Кое-где встречались ветряные мельницы. Как было не вспомнить великого Дон-Кихота Ламанчского? После посадки, быстро рассредоточив самолеты, помогли техникам подготовить их к полетам, которые намечались на утро следующего дня. Но летать нам не пришлось почти целую неделю. Ночью прошел обильный ливень, характерный для этих южных мест. Почва раскисла так, что не только взлетать, подходить к самолетам было трудно. Но вот выглянуло солнце, и летное поле быстро просохло.

Первые вылеты с нового аэродрома были произведены в район Теруэля. Бомбили войска в боевых порядках, аэродромы противника. Один из бомбардировочных ударов нанесли 20 мая 1938 года по аэродрому Ла-Сенья, где базировались немецкие истребители «мессершмитт». Этот вылет запомнился нам по одному происшествию, едва не закончившемуся трагически. Из десяти самолетов, имевшихся в эскадрилье, на задание вылетало девять. Девятка, построенная в клин из трех звеньев по три самолета в каждом, обеспечивала круговую оборону бортовым оружием. Десятый самолет оставался в резерве. В этот день, видимо интуитивно, а возможно, оценивая техническое состояние машин, командир эскадрильи приказал инженеру готовить все десять. Инженер недоумевал, зачем готовить десятый самолет, летчик которого в это время болел. Командир настоял на своем.

На развороте после взлета у самолета Красноглазова остановился один двигатель. Все попытки запустить его в воздухе оказались безуспешными. Тогда он развернулся и повел самолет на посадку. При подходе к аэродрому остановился второй двигатель. Летчик успешно справился с посадкой. У Красноглазова были веские причины, чтобы не участвовать в этом полете. Но он понимал, что без его самолета нельзя создать круговую оборону и остальным экипажам будет трудно вести бой с истребителями противника. Экипаж быстро пересел в запасной самолет, взлетел и, догнав эскадрилью, стал на свое место в боевом порядке.

При подходе к цели одно звено отделилось от общей группы

и на увеличенной скорости пролетело вдоль взлетно-посадочной полосы, точно сбросив бомбы по центру аэродрома. Основная часть группы бомбила самолеты на стоянках. Часть истребителей, прикрывавших бомбардировщики, подавляла зенитную артиллерию, расстреливала самолеты, пытавшиеся взлететь. Но все же отдельным «мессершмиттам» удалось подняться. Завязался воздушный бой. Мы наблюдали за стремительно падающими машинами. Чьи самолеты сбиты — определить трудно.

На аэродроме выяснилось неприятное обстоятельство: в моторе самолета Красноглазова оказалась вода. Вот почему остановились двигатели. Несомненно, это был акт вредительства.

С подрывной деятельностью фашистов в Республике мы столкнулись, как только приехали в Испанию. В городе Фигерас, расположенном недалеко от французской границы, нас разместили на ночлег в большом здании. Постели уже были приготовлены. Все устали, хотелось отдохнуть с дороги. Но до отдыха дело не дошло. Была подана команда быстро собраться и занять места в автобусе. По дороге нам объяснили, что республиканская разведка получила информацию о том, что этой ночью в Фигерасе резиденты «пятой колонны» должны вырезать всех прибывших из России. Отмахав ночью по горным дорогам километров пятьдесят, мы прибыли в Жерону, где было спокойнее.

Во время налетов вражеских бомбардировщиков мы часто замечали, как кто-то с земли подавал сигналы ракетами, обозначая объекты для удара.

В середине апреля 1938 года группа истребителей И-16 вылетела на сопровождение наших бомбардировщиков. Недалеко от аэродрома Сельра на высоте около 3000 метров от самолета, пилотируемого Алексеем Шилиным, отвалилась консоль. Самолет И-16 перешел в штопор и упал в лес. Летчик погиб. Было ясно, что и здесь поработала вражеская рука.

Но вернемся к событиям.

Чтобы отвлечь силы противника, наступавшего на Барселону, республиканское командование предприняло операцию в районе Балагера.

Для участия в этой операции эскадрильи Стечишина и Красноглазова перебазировали с аэродрома Тарасона-де-ла-Манча на аэродром Жероны. Нам предстояло вновь совершить бросок над территорией, занятой противником, только в обратном направлении. Балагерская операция продолжалась недолго — с 23 по 28 мая 1938 года.

Бомбардировщики производили по два-три вылета в день. Особенно активными были последние два дня, в течение которых

было сбито 18 вражеских истребителей.

24 мая мы бомбили войска противника. На развороте от цели увидели, как самолет командира звена Г. М. Корзинникова отстал от боевого порядка, затем стремительно стал падать.

Мы не заметили, чтобы кто-либо из членов экипажа покинул падающий самолет, поэтому посчитали экипаж погибшим. К счастью, мы ошиблись[55]. Оказалось, что Корзинников ушел с боевого курса, когда почувствовал под самолетом удар и понял, что это разорвался зенитный снаряд. Летчик принимал все меры, чтобы перевести самолет в горизонтальный полет, но безуспешно: машину еще больше трясло. Когда до земли оставалось совсем немного, Григорий несколько раз резко рванул штурвал на себя. И свершилось чудо: самолет медленно стал выходить в горизонтальный полет. Линии окопов остались позади. Но был тяжело ранен штурман экипажа Тягунов, а стрелок-радист Удовченко на запросы не отвечал. Самолет продолжал терять высоту. Впереди по курсу показалась узкая полоска земли. Сели, не выпуская шасси. Удовченко не отвечал потому, что осколками зенитного снаряда были перебиты провода бортовой системы связи. Через несколько дней летчик и воздушный стрелок снова были в воздухе. Тягунова госпитализировали.

Для поддержки обороняющихся войск в районе Валенсии бомбардировщики вместе с истребителями прикрытия перебросили из Каталонии на аэродромы центрально-южной зоны. Это было четвертое перебазирование за короткий срок. Наша эскадрилья произвела посадку на аэродроме Альбасете.

В конце июня вместе с другими эскадрильями бомбардировщиков мы наносили удар по скоплению резервов у Теруэля. Боевой курс прошли нормально, бомбы сбросили прицельно. Вокруг нас часто вспыхивали облачка темного цвета. Вдруг обстрел самолетов прекратился. Мы поняли: зенитная артиллерия передает цель истребителям. И действительно, на развороте при уходе от цели мы увидели до трех десятков «фиатов».

Наших истребителей было в несколько раз меньше. Ведущий группы бомбардировщиков уменьшил скорость полета, дав самолетам возможность сомкнуть строй. Истребители сопровождения ввязались в бой с «фиатами». В этот момент справа вверху мы увидели двух «мессершмиттов». Они появились внезапно со стороны солнца и открыли огонь по замыкающему СБ — экипажу Григория Корзинникова. Самолет стал отставать от строя. Тут на помощь подоспели наши истребители и отогнали от него противника.

В конце июня 1938 года в Испанию из Советского Союза

прибыла новая, последняя группа экипажей СБ. Эскадрилья под командованием лейтенанта Михаила Карпенко перенимала у нас опыт. Теперь уже наши экипажи становились ведущими, а экипажи эскадрильи Карпенко — ведомыми.

…Наступил жаркий июль, месяц напряженных боев на земле и в воздухе. Мы продолжали поддерживать с воздуха войска, обороняющиеся под Валенсией.

18 июля франкисты готовились отметить двухлетие со дня начала фашистского мятежа и оповестили мир, что это событие они будут праздновать в Валенсии. Наши бомбардировщики помогали валенсийцам.

13 июля недалеко от Валенсии разгорелся бой. С рассвета по резервам, боевым порядкам и пунктам управления противника нанесли удар две группы бомбардировщиков. Полеты осуществлялись без истребителей прикрытия, через интервалы между группами в 20–25 минут. Через такой же интервал появились над целью и мы. Противник, рассчитывая, что мы, как и предыдущие группы, прибудем без сопровождения, бросил против нас две эскадрильи «фиатов». Едва вражеские истребители рассредоточились для захода в атаку, в воздухе промелькнули машины с красными полосами. Наши истребители быстро сковали превосходящие силы противника и увели их в сторону от бомбардировщиков. На развороте от цели увидели в небе множество дымных следов от падающих истребителей. В этом воздушном бою было сбито восемь «фиатов». Но бой опечалил и нас — был сбит один самолет из группы истребителей прикрытия.

Надо было решительно отвлечь силы франкистов от валенсийского направления. Республиканское командование разработало и провело наступательную операцию под кодовым названием «Операция Эбро».

Скрытно сосредоточившаяся армия республиканцев под командованием Хуана Модесто в ночь на 25 июля 1938 года форсировала реку Эбро и стала стремительно продвигаться в глубь неприятельской территории. С утра 26 июля противник поднял в воздух всю имевшуюся у него бомбардировочную и истребительную авиацию.

Посильную помощь армии Модесто оказывала бомбардировочная авиация. СБ наносили удары по фортификациям, пунктам управления, аэродромам и подходящим резервам противника.

18 августа был обычный летный день. С рассвета вылетели на бомбометание объектов под Мадридом. Это был полет на полный радиус действия самолетов, естественно без истребителей сопровождения. Чтобы ввести противника в заблуждение,

несколько раз меняли направление полета, заход на цель осуществляли с тыла. Задание выполнили. Встреч с истребителями противника избежали. Лишь у механиков самолетов появилось много работы: несколько самолетов получили значительное количество пробоин от разрывов зенитных снарядов.

Во время второго вылета бомбили скопление танков и артиллерии противника.

Армия Модесто приостановила наступление противника на валенсийском направлении. Но в целом обстановка с каждым днем все усложнялась.

В конце августа нашей эскадрилье была дана команда подготовиться к отъезду в Советский Союз. Продолжали воевать группа СБ под командованием лейтенанта Карпенко и эскадрилья испанских летчиков под командованием Мендиолы.

На этом можно было бы и закончить воспоминания о боевой работе предпоследней группы скоростных бомбардировщиков в Испании. Но воспоминания будут неполными, если ничего не сказать о летчиках-истребителях, прикрывавших нас.

В период нашего пребывания в Испании истребители противника имели пяти-семикратное численное превосходство. Казалось бы, потери бомбардировщиков должны были быть большими. Этого не произошло. Причин тому много, но главной, определяющей, было тщательно организованное прикрытие со стороны наших истребителей. Это был наш надежный щит. Всегда, в любой обстановке они с честью выполняли свою миссию — обеспечивали нам возможность точного выполнения задания, иногда ценой собственной жизни. Вот несколько примеров.

…Во время бомбардировки аэродрома Ла-Сенья в мае 1938 года, о которой упоминалось выше, в воздухе появились истребители противника. Два «мессера» атаковали наших бомбардировщиков, но встретили отпор со стороны прикрывающих нас истребителей. Понимая бесплодность своих попыток, озлобленные фашисты набросились на ближайший к ним истребитель Леонида Климова. Им удалось поразить И-16. Самолет перешел в пике и врезался в землю. Все это произошло мгновенно, на наших глазах. Защищая бомбардировщиков, герой принял огонь на себя.

Примерно при таких же обстоятельствах 25 августа погиб летчик-истребитель И. Павлов. Он сделал все, чтобы истребители противника не смогли помешать нашим действиям. В неравном бою, прегражда истребителям путь к прикрываемым бомбардировщикам, сбил два «фиата», но слишком неравны были силы, и герой погиб.

Многострадальная испанская земля приняла прах храбрых летчиков-истребителей: Александра Сироченко, Николая Колоскова, Якова Ярошенко, Леонида Климова, Ивана Павлова и многих, многих других. И сегодня, через полвека, мы, как и прежде, склоняем голову перед их памятью.

С. А. Гудович «Советские «катюши» в знойном небе Каталонии»

* * *

В Испании я пробыл более года. Мне пришлось оказаться свидетелем трагической развязки, наступившей после 32 месяцев героической борьбы испанского народа с фашизмом, и я хочу рассказать о событиях последнего периода существования Республики.

После четырех месяцев упорнейших боев в долине реки Эбро республиканские войска вынуждены были оставить свои позиции.

Генеральному штабу республиканской армии стало известно, что Франко готовит новое наступление на Каталонию. В конце ноября 1938 года последовал приказ командующему группой армий центрально-южной зоны генералу Миахе подготовить и провести три операции.

Первая должна была быть осуществлена андалусской армией совместно с флотом в направлении на Мотриль. Начало операции — 9 декабря.

Вторую операцию предполагалось провести на Эль-Карино-Кордова вдоль реки Гвадалквивир. Начало — 16 декабря.

Третья операция намечалась из района Инохо-са-дель-Дуке в направлении на Лериду. Начало — 18–20 декабря.

Задача первых двух операций — оттянуть на себя все резервы противника, имевшиеся на юге, цель третьей — перерезать коммуникации юг — север.

Как видно, замысел операций был неплохим. В штабе группы армий центрально-южной зоны началась подготовка к их проведению. В качестве советника при командующем этой группой армий генерале Миахе я принимал в них активное участие.

При первых же шагах пришлось потратить немало усилий, чтобы опровергнуть лживые утверждения начальника разведывательного отдела штаба. В своих докладах начальнику штаба генералу Матальяна, а затем и генералу Миахе он

преувеличивал данные о войсках Франко на направлениях планируемых операций. Приказ о подготовке операций был отдан только после того, как поступил ответ от командующих армиями о численном составе противостоящих войск фашистов на этих направлениях.

Подготовка операций в армиях протекала организованно. Сосредоточение войск в районах предполагавшегося наступления провели своевременно. Меры маскировки были соблюдены, и для франкистов эти наступательные действия могли оказаться полной неожиданностью.

Нет никакого сомнения, что запланированные операции имели бы успех и оттянули бы на себя резервы и часть войск фашистов из Каталонии. Но ни одна из трех операций не была осуществлена. Последовали отмены операций. Причины не были известны никому.

Дальнейшие события показали, что на руководящих постах в центрально-южной зоне как в военном, так и в государственном аппаратах находилось много предателей.

Отмена операций облегчила положение Франко, который беспрепятственно продолжал сосредоточивать войска в Каталонии.

23 декабря 1938 года началось наступление франкистов на Каталонию. Ударную силу составляли полностью укомплектованные пять моторизованных итальянских дивизий, две итальянские бригады, части немецкого легиона «Кондор», две наваррские дивизии, марокканская конница, танковые части (итальянские и немецкие), большое количество артиллерии. Эта ударная группировка была поддержана крупными силами итальянской и немецкой авиации. Всего у фашистов участвовало в этом наступлении 23 дивизии — 300 тысяч человек. Превосходство фашистов над республиканцами было значительным.

Штабу группы армий центрально-южной зоны поручили провести операцию в помощь Каталонскому фронту. Выбор направления — по усмотрению штаба. Наступление стали готовить в эстремадурской армии.

Операция началась 5 января 1939 года. Противник не ожидал атаки республиканцев. Танки и пехота в первый же день прорвали оборону франкистов.

На следующий день наступление продолжалось. Было захвачено много пленных и трофеев.

7 января противник подтянул дивизию, снятую с Каталонского фронта, и наступление республиканских войск приостановилось.

Эта частная операция в Эстремадуре показала, что если бы республиканцы своевременно провели запланированные операции в декабре, то катастрофа в Каталонии наступила бы не так скоро. Возможно также, что успех, который мог быть одержан в центрально-южной зоне, сказался бы и на международном положении Испании.

Между тем военные действия в Каталонии продолжались. Республиканские войска, отходя с одного рубежа обороны на другой, вели упорные бои.

26 января интервенты заняли Барселону.

Дороги были заполнены сотнями тысяч людей, не желавших оставаться под пятой фашистов. Массовый уход населения был наилучшим народным плебисцитом в пользу Республики. Люди, бросавшие все, что имели, охваченные ненавистью к фашизму, шли на невиданные еще в то время лишения и мытарства. Французские власти, провозглашавшие свою приверженность демократии, бросали перешедших границу беженцев в концентрационные лагеря, где испанцы и бойцы-интернационалисты жили в нечеловеческих условиях, или передавали их в руки франкистских палачей.

После падения Барселоны сопротивление продолжалось, но у Республики не было достаточных сил, чтобы установить непрерывную линию фронта. Борьба шла лишь на отдельных участках. Авиация и артиллерия франкистов вели непрерывный ожесточенный обстрел дорог и населенных пунктов.

28 января председатель Совета Министров Негрин сделал следующее заявление: «Надежды врага на то, что захват Барселоны вызовет крах Республики, не оправдались».

«Из Валенсии приводятся статистические данные о бомбардировках, которым подвергся город со стороны авиации интервентов. По этим данным, с начала 1937 года Валенсия подверглась 442 бомбардировкам фашистской авиации. В результате бомбардировок насчитывается 3656 жертв, в числе которых 825 убитых. В городе полностью разрушены 930 зданий, повреждено 1500 зданий».

Правда, 1939, 2 февраля

Республиканское правительство еще контролировало большую территорию, на которой проживало свыше 9 миллионов человек, находилось 11 крупнейших городов — Мадрид, Валенсия, Альбасете, Картахена, Мурсия и другие. В его распоряжении была боеспособная, хотя и слабо вооруженная

армия, насчитывавшая несколько сотен тысяч бойцов. Можно было еще продолжать борьбу. Но в этот период интервенция активизировалась. Не только итало-германские агрессоры, но и буржуазно-демократические правительства Англии и Франции начали открыто прилагать усилия к тому, чтобы нанести Испанской республике окончательный удар. В начале февраля они стали готовить официальное признание Франко.

11 февраля в центрально-южную зону возвратились Негрин и министры, которые эвакуировались во Францию вместе с отступившей из Каталонии армией. Однако правительство никакой работы практически не развернуло.

В создавшихся чрезвычайно тяжелых условиях Коммунистическая партия Испании выдвинула ясную программу борьбы. Нужно было мобилизовать всех, кто мог носить оружие, укреплять оборонительные рубежи, сплотить единство антифашистских сил, обезвредить вражескую агентуру. 9 февраля в Мадриде состоялась конференция городской организации компартии, на которой с пламенной речью выступила Долорес Ибаррури.

— Мы надеемся и уверены в солидарности народов, — говорила Долорес Ибаррури, — мы надеемся и уверены в братском отношении трудящихся всех стран, которые с каждым днем усиливают свою заботу об Испании, так как они хорошо поняли, что на наших фронтах идут бои не только за свободу и независимость Испании, но и за свободу и независимость всего мира, за демократические свободы всех народов, находящихся под угрозой фашизма… Нужно сделать выбор, товарищи мадридцы: или бороться, что значит жить, или умереть… Подумайте о том, что весь мир следит теперь за Испанией, за этим отрезком земли, небольшим, но великим своим героизмом и самопожертвованием, в надежде, что именно здесь зажжется факел, который осветит путь к освобождению порабощенным фашизмом народам.

Правительство продолжало бездействовать. До 18 февраля мне не удалось встретиться с Негрином, так как в этот период найти его было трудно.

Наконец мы встретились на даче близ Эльды. Удручающее впечатление произвел внешний вид главы правительства: Негрин был небрит, одет небрежно.

В нашей беседе речь шла о необходимости назначения на руководящие посты в армии вернувшихся из Франции Модесто, Листера, Галана и других выдающихся военачальников-коммунистов, героически сражавшихся вместе со своими частями в Каталонии. И хотя в центрально-южной зоне на командных

должностях находились социалисты и анархисты, которые занимали открыто пораженческие позиции, Негрин медлил.

27 февраля Англия и Франция объявили о признании правительства Франко и о разрыве дипломатических отношений с республиканским правительством.

2 марта Хуан Негрин произвел необходимые назначения на руководящие посты в республиканских войсках.

Но было уже поздно.

К этому времени очень многое успел сделать полковник Касадо, развивший бурную деятельность по подготовке государственного переворота.

После перевода генерала Миахи на должность командующего группой армий центрально-южной зоны Касадо был назначен командующим армией, оборонявшей Мадрид. Достаточно грамотный в военном деле офицер, полковник Касадо выдавал себя за беспартийного антифашиста, на деле же был тесно связан с анархистами и в конечном счете стал предателем.

В течение января и февраля Касадо не занимался своими непосредственными обязанностями, а проводил всевозможные совещания с руководителями мадридских организаций социалистов, анархистов и левореспубликанцев, обсуждая вопрос о создании нового правительства (без коммунистов, конечно), которое должно было сдать Франко республиканскую зону и столицу Испании. Не составляло секрета и то обстоятельство, что Касадо поддерживал контакт с английским консулом в Мадриде.

Когда об этом стало известно генералу Миахе, он вызвал по телефону Касадо и сказал ему (я присутствовал при этом разговоре):

— Я солдат, и, где бы ни находилось правительство, я буду выполнять его волю. Того же требую от тебя, Касадо. А сейчас я узнал, что ты замышляешь создать какое-то новое правительство. Правда ли это?

Касадо заверил Миаху, что это ложные слухи. Миаха ответил, что если бы он не верил ему, то не разговаривал бы с ним сейчас.

Больше никаких мер Миаха не принял.

За время совместной работы с генералом Миахой я имел возможность убедиться в том, что авторитет ему был создан незаслуженно. Однако имя его, известное народу как имя руководителя обороны Мадрида осенью 1936 года — обороны, созданной и руководимой коммунистами Испании, нужно было главарям заговора. В ночь на 6 марта 1939 года Касадо, социалист Бестейро и анархист Мера выступили по мадридскому радио и объявили о низложении правительства Негрина и о создании хунты национальной обороны. Во главе хунты они

поставили генерала Миаху.

Войска, оставшиеся верными правительству, выступили против заговорщиков. В этом сопротивлении большую роль играли коммунисты. К столице подошли резервная дивизия под командованием коммуниста Асканио и части двух корпусов, которыми также командовали коммунисты. В Мадриде завязались бои, которые с трудом были подавлены анархистами и другими частями, перешедшими на сторону Касадо. Предателям, конечно, оказывали помощь и войска Франко, начавшие наступление именно тогда, когда заговорщики оказались в опасном положении.

В начале марта я собрал в районе Валенсии наших советских товарищей.

В ночь на 6 марта, после выступления Касадо по радио, я выехал в Эльду к Негрину. Он заявил, что мы можем эвакуироваться, но средств для эвакуации у него нет.

В тот же день все члены республиканского правительства улетели из Испании.

Вернувшись от Негрина, я решил говорить с Касадо.

Вызвали Мадрид.

Переводчиком в это время со мной работал З. Плавскин. Привожу разговор с Касадо по его записи.

«Проходит несколько минут. Потом резкий голос произносит в трубку:

— Полковник Касадо слушает…

— С вами говорит генерал Шилов. (Под этой фамилией был известен в Испании комбриг Шумилов.) Нам стало известно, что правительство Негрина, при котором мы аккредитованы, не находится более у власти и вы возглавляете новое правительство. Поэтому мы обращаемся к вам с вопросом: остаемся ли мы, русские, работать при вас в качестве советников, как это было при прежнем правительстве Республики? Если же надобность в нашей помощи миновала, просим указать аэродром и дать трехдневный срок для эвакуации всех наших товарищей.

— О том, чтобы остаться работать при нас в качестве советников, и речи быть не может. А о том, чтобы покинуть Испанию… тоже речи быть не может. Каждого русского, которого мы обнаружим, мы расстреляем. Передайте вашему генералу, что мне известно, где он находится, и что его мы тоже расстреляем.

Я, конечно, тут же все перевожу Михаилу Степановичу. Он приказывает:

— Спроси, за что он собирается нас расстреливать.

Я перевожу, Касадо отвечает:

— Сегодня ночью в Мадриде по вашей вине прольется кровь

невинных людей.

Я выражаю недоумение.

— Не делайте вид, что вы удивлены, и передайте генералу, что, если он хочет сам остаться в живых и сохранить жизнь членов Политбюро компартии, которые находятся вместе с вами (?!), он должен лично, и притом немедленно, прибыть в Мадрид и приказать коммунистам прекратить бесполезное сопротивление…

Шумилов ответил не колеблясь:

— Об этом не может быть и речи. Вам известно, что мы — профессионалы-военные, находящиеся здесь по просьбе правительства Республики для помощи в войне против франкизма. По строжайшей инструкции Советского правительства мы ни при каких обстоятельствах не должны вмешиваться во внутренние дела Испании и, в частности, в межпартийные разногласия. Вы и сами прекрасно знаете, что за все время пребывания наших товарищей в Испании ни один советский человек не нарушил этой инструкции…

— Мне все известно, и даже больше, чем вы думаете. Короче: готов ли генерал Шилов отдать приказ коммунистам о прекращении сопротивления?

— Отдавать приказы кому бы то ни было мы не имеем права.

— В таком случае, у меня все. Если у генерала ко мне больше ничего нет, до свидания…»

Этот разговор со всей ясностью показал, какую оголтелую антикоммунистическую и антисоветскую политику намерена вести клика Касадо.

Нам предстояло обеспечить эвакуацию советских людей. Это была нелегкая задача в создавшихся условиях. Немало трудностей пришлось преодолеть, немало драматических ситуаций выпало на нашу долю…

12 марта 1939 года последняя группа советских добровольцев покинула Испанию.

Сыны Советского Союза, прибывшие в Испанскую республику, чтобы помочь ей в борьбе с фашизмом, нашли дружеский, товарищеский прием со стороны трудящихся этой страны. Воины-интернационалисты понимали свою задачу, понимали, что они находятся на переднем крае борьбы с фашизмом, что и на их плечи легла ответственность первых шагов вооруженного сопротивления фашистским интервентам. Советские добровольцы с честью вышли из этого тяжелого испытания, проявив исключительное мужество и до конца исполнив свой интернациональный долг.

М. С. Шумилов «Последние дни Испанской

республики»

* * *

Штаб советских военных советников в Валенсии находился в старой части города, на тихой улице Альборайя.

Зимой 1937 года здесь шла напряженная жизнь. Все с волнением ждали ежедневного телефонного звонка из Мадрида от сотрудников военного атташе В. Е. Горева.

В один из январских дней 1937 года Владимир Ефимович Горев сам приехал в Валенсию. Я увидела Горева в нашей столовой и сразу узнала его, хотя не видела почти 15 лет. В 1922 году он был начальником Особого отдела МВО ВЧК, и мы состояли тогда в одной комсомольской ячейке. Правда, он в то время уже давно был членом партии, но принимал активное участие и в комсомольской работе. Молодежь относилась к Гореву с почтением: за его плечами был фронт, вся гражданская война, высокая награда — орден Красного Знамени. Потом военная академия, Китай, знаменитый штурм Учана. По возвращении из Китая Горев командовал танковой бригадой.

И вот встреча с ним. Держался он уверенно, с большим достоинством и, может быть, поэтому казался немного надменным. Но стоило ему улыбнуться, как становилось ясно, что это простой и сердечный человек.

Вначале Горев и слышать не хотел о том, чтобы взять для работы в Мадриде женщину.

— Там ведь стреляют, — сказал он, глядя на меня с иронией и попыхивая трубкой. — И потом мы все там, в подвале, ужасные женоненавистники.

Какую-то роль сыграла моя журналистская профессия: до Испании я работала в иностранном отделе газеты «Известия», и Горев согласился меня взять, решив использовать в качестве пресс-атташе.

В тот же вечер отправились в Мадрид. В город мы въехали, когда уже начало светать. На улицах было пустынно, из темноты возникали очертания баррикад, памятники, бережно укутанные мешками с песком, искалеченные дома, развалины. Время от времени откуда-то доносились редкие пулеметные очереди.

После того как Франко убедился, что Мадрид с ходу взять не удастся, хотя войска его в ночь на 7 ноября 1936 года и подошли к самым стенам города, фашистская авиация бомбила столицу

методично и варварски.

Республиканское командование, чтоб не нарушать бесперебойную работу штаба, приняло решение перебраться в подвалы-сейфы эвакуировавшегося министерства финансов. Бывшие сейфы углубили, расширили, сделали вентиляционные отдушины, обставили самой необходимой мебелью. В комнатах-сейфах разместились командующий обороной Мадрида генерал Ми-аха со своим штабом и В. Е. Горев с сотрудниками. В углу за шкафом поместили меня.

По вечерам у помощника Горева полковника И. О. Ратнера накапливался материал со всех участков фронта для доклада в Валенсию. После возвращения с линии фронта, где я сопровождала Горева, в мои обязанности входило помогать Ратнеру составлять сводное донесение и передавать его по телетайпу в Валенсию. Ратнер вел большую оперативную работу в штабе. Целыми днями он сидел в подвале, изредка доверяя мне заменить его у телефона, и тогда на полчасика выходил подышать воздухом.

Яркой фигурой был полковник С. М. Львович. Высокий, широкоплечий, с живыми пронзительными глазами, он рано поутру мчался на тот или иной участок фронта. Возвращался Львович обычно к обеду — как известно, в первое время в священный час «комиды» жизнь замирала повсеместно, — и еще издали был слышен его голос, нередко язвительные замечания и подтрунивания над кем-нибудь. Его языка побаивались не меньше, чем острот Михаила Кольцова. Но однажды вдруг обнаружилось, что суровый и даже грубоватый порой Львович может быть необыкновенно лиричным. Открылось, что он любит стихи и многие знает наизусть.

Горев очень ценил своих помощников, относился к ним с большой любовью, и они платили ему тем же. Я ни разу не видела, чтоб Горев на кого-нибудь из них рассердился, хотя гневаться он умел…

Владимир Ефимович занимал в подвале небольшую комнату, разделенную ширмой на спальню и рабочий кабинет. Обычно утром он встречался с Миахой и начальником штаба Висенте Рохо, потом большую часть дня проводил на различных участках фронта, изучая на месте обстановку, инструктируя и помогая командирам. Появление Горева на командном или наблюдательном пункте, а нередко и в окопах вызывало оживление среди бойцов и командиров. Не раз приходилось мне наблюдать, как разглаживались морщины, веселее становились лица у тех, с кем Владимир Ефимович побеседует, пошутит.

По возвращении в Мадрид Горев отправлялся в штаб, где

совещался с Рохо, обсуждал с ним дела на следующий день. Только после этого он ненадолго заходил в нашу шумную, всегда многолюдную столовую, ибо в час обеда к нам обычно съезжались советники из частей Мадридского фронта. Приезжали также для согласования действий и советники с других фронтов.

Бывал у нас Павел Иванович Батов, советник 12-й интербригады, наш всеобщий любимец. Ему нелегко бывало отлучиться из бригады, и в каждый его приезд Горев тут же уводил Павла Ивановича к себе. Мы все знали, с какой прямо-таки нежностью относился Горев к Батову, уважая его чрезвычайно за огромный такт и умение ладить с многонациональным составом бригады.

В маленьком кабинете Горева можно было увидеть и прославленных испанских командиров — Хуана Модесто, Энрике Листера и Пако Галана.

От Горева и от других товарищей я часто слышала имя Пирпич. И нередко к этому странному имени прибавлялось: «О, Пирпич, это надо ему рассказать. Он уладит. Он разберется». И долго этот таинственный Пирпич, который во всем разберется и все уладит, оставался для меня загадкой. Но вот однажды он появился в подвале. Мне бросилось в глаза, с каким уважением все с ним здоровались. Сперва он показался мне неприветливым, а потом я увидела, что он просто очень устал.

Позже я узнала, что Пирпич — это Иван Никифорович Нестеренко, главный советник Генерального военного комиссариата, опытный политработник Красной Армии. Пирпич внес большой вклад в организацию института комиссаров в частях, обеспечивших высокое политико-моральное состояние в войсках Испанской республики.

После победы республиканцев под Гвадалахарой В. Е. Горева направили на Северный фронт.

После официального приема у Агирре, который одновременно был и президентом, и военным министром Баскской республики, Горев немедля направился на передовые позиции ознакомиться с состоянием знаменитого «синтурона» — пояса вокруг Бильбао, который, по утверждению Агирре и его подчиненных, должен был остановить фашистов. К сожалению, дело обстояло далеко не так. Опытным глазом Владимир Ефимович обнаружил массу изъянов в оборонительных укреплениях, и я еле успевала записывать все его замечания.

В это время войска Астурийского фронта готовили большое наступление на Овьедо. Командир 8-й бригады Ладреда производил очень приятное впечатление. Это был жилистый, мускулистый астуриец с улыбкой чуть детской, чуть дерзкой,

металлист, храбрец, которого обожали солдаты. Он жаловался, что его войско больше походит на партизанский отряд, оно плохо снабжается, не хватает оружия, обмундирования. И действительно, в одном из батальонов, который должен был первым вступить в бой, мы увидели совсем юных ребят, одетых кто во что горазд. Узнав, что к ним приехали русские, они обступили нас, засыпали вопросами и сами стали рассказывать, смеясь и перебивая друг друга, что хоть и трудно воевать — очень холодно по ночам, поэтому таскают с собой не только одеяла, но и матрацы, — но они стремятся стать настоящими солдатами, как те, в Мадриде; а пока они используют каждую свободную минуту, чтобы научиться хорошо ходить на лыжах по горам — без этого воевать в этих краях невозможно…

После ожесточенных боев и героического сопротивления республиканские войска вынуждены были оставить Бильбао и отойти на запад.

В июле 1937 года республиканские войска начали наступление на Центральном фронте в районе Брунете, и мы получили небольшую передышку, но франкисты снова бросили значительные силы против Севера. Когда мятежникам удалось прорвать фронт и выйти на ближние подступы к Сантандеру, командование приняло решение эвакуировать войска морем, чтобы продолжать борьбу в Астурии. Были мобилизованы все плавучие средства, все мелкие корабли, несшие сторожевую службу и занимавшиеся тралением и охраной рейдов, вплоть до рыбачьих шлюпок. День и ночь шла погрузка. В последние часы грузились уже под сильной бомбежкой и артобстрелом с фашистских кораблей, а «мессершмитты» носились над нашими головами, непрерывно обстреливая берег.

Несмотря на сильный огонь, войска были погружены и под самым носом у врага вышли в открытое море, а потом благополучно достигли пункта назначения — порта Хихон.

В. Е. Горев приказал группе советских советников и переводчиков как можно скорее прибыть в Хихон и продолжать там работу. Надо было выбраться из Сантандера, на улицы которого уже выползла из своих нор «пятая колонна». Закамуфлированные до тех пор, фашисты бесчинствовали, громили винные склады, охотились за коммунистами, искали советских людей. Из окон и чердаков раздавалась револьверная и ружейная стрельба.

На огромной скорости шоферы-испанцы проскочили через город и доставили нас туда, куда мы уже не надеялись попасть, — в порт. На шлюпках мы добрались до условленного места в бухте, где нас ждала подводная лодка С-6.

Быстро через люк спускаемся внутрь. Надо как можно скорее закончить погрузку и выйти в море до того, как корабли и самолеты мятежников обнаружат подводную лодку и обрушат на нее свой огонь. Матросы нервничают, они помогают нашим людям спускаться. Но вот очередь дошла до меня, и тут произошла мгновенная заминка: матросы не ожидали, что им придется взять на корабль женщину. Как известно, моряки — народ суеверный, и одна из самых живучих примет: женщина на военном судне приносит несчастье. Комиссар лодки быстро оценил ситуацию и крикнул матросам, что советская женщина — исключение, она несчастья не принесет, даже наоборот. С неохотой, ибо вряд ли они поверили комиссару, матросы подхватили меня и бережно опустили в лодку.

Экипаж лодки состоял из 45 испанцев. Командовал ею советский подводник Николай Павлович Египко. Комиссаром был испанский коммунист товарищ Паоло, твердый и стойкий человек. Большинство команды составляли чудесные рабочие парни из Каталонии и Валенсии.

Мы знали, что у лодки С-6 славная история — она участвовала в боевых операциях, совершая смелые вылазки против фашистских кораблей.

В том походе мы стали свидетелями героического поведения экипажа и его командира Николая Египко.

Надо было как можно скорее покинуть порт и выйти в море: в город уже ворвались войска мятежников. Глубины были малые, и лодка шла в надводном положении, а из-за того, что берега были минированы, ей пришлось идти по фарватеру — проходу в минных полях. Ночь стояла ясная, светила луна. Командир и комиссар с мостика увидели приближавшийся с потушенными огнями корабль. Им оказался вражеский эсминец. Обнаружить подлодку для него не составляло особой трудности: силуэт ее рельефно выделялся на фоне лунной дорожки. К счастью, глубина моря в этом месте достигала 30 метров, и лодка успела быстро погрузиться.

Шум винтов фашистского корабля еще долго был слышен экипажу подлодки. И только мы, неожиданные гости команды, в тот момент не подозревали, какой опасности только что избежали.

Но это было еще не все. Необходимо было уйти из поля зрения засекших нас фашистских кораблей. И вот лодка, погрузившись, стала маневрировать, то уходя далеко от берега, то снова приближаясь к нему. Командир разрешил мне взглянуть в перископ, и я увидела силуэты круживших на некотором расстоянии от нас двух вражеских кораблей. Ощущение было не

из приятных.

Прошло несколько часов, я уже давно лежала на узенькой койке и, к своему ужасу, начала чувствовать, что к обычным неприятностям морской болезни прибавляется еще нехватка воздуха. Как оказалось, лодки класса С-6 имели естественный запас воздуха всего на 12 часов, а устройства для регенерации воздуха у них не было. Подняться на поверхность нельзя было, пока фашистские корабли не потеряли нас из виду. Дышать стало совсем трудно, и командир отдал приказ всплыть.

Сразу прекратилось удушье. Я хотела подняться с койки, как меня будто ударом отбросило назад, и я услышала противный скрежет, а затем взрывы. Это корабли открыли артиллерийский огонь. Лодка снова быстро погрузилась и стала маневрировать. Так продолжалось много часов. Было нечем дышать. И дальше я уже ничего не помнила. Прошло около полутора суток, пока командир, убедившись, что фашисты потеряли лодку из вида, решил войти в порт Хихон.

Очнувшись, я с удивлением обнаружила на одеяле много разных вещичек. Тут были и металлические иконки с изображением мадонны, какие матери, жены или невесты надевают матросам на шею, чтоб уберечь их от несчастья в море, и всякие другие талисманы, и даже кусочек испанского флага, с красной звездочкой посредине. Может быть, матросы поверили, что лодка, дважды обстрелянная, осталась невредимой благодаря тому, что они приютили советскую женщину, — ведь снаряд прошел совсем близко от борта. А может быть, они были так рады, что спаслись сами и спасли от верной гибели группу советских товарищей, что в естественном порыве отдали мне на память самое дорогое, что у них было с собой.

Все вышедшие из Сантандера военные корабли Северного флота, транспорты, рыбачьи шлюпки с солдатами уже собрались в порту Хихона, когда в него вошла С-6. Прибытие кораблей в Хихон сразу же стало известно врагу, и несколько фашистских бомбардировщиков, пользуясь тем, что в порту не было зенитной артиллерии, стали бомбить республиканский флот. Три больших транспорта, с которых, к счастью, успели сойти войска, были потоплены прямым попаданием, сильно пострадали подошедшая раньше нас подлодка С-4 и один эсминец.

Экипаж подводной лодки С-6 с огромным мужеством продолжал сражаться с фашистами.

И однако после тяжелых повреждений, полученных в неравных боях, когда выяснилось, что во фронтовых условиях восстановить лодку невозможно, было принято решение взорвать ее, чтоб она не досталась фашистам.

Последние минуты С-6, лодки, до конца сохранившей верность Республике… Все молча стояли на катере и со слезами на глазах смотрели, как с жадным шумом ворвались в боевую рубку потоки воды, как исчезли корма и нос. Моряки сделали три круга над местом потопления лодки и, дружно крикнув: «Да здравствует Республика!» — вернулись на берег…

После падения Сантандера республиканские войска попали в чрезвычайно тяжелое положение. Фашистский флот полностью блокировал Хихон, единственный важный порт, оставшийся у республиканцев на Севере. Астурия оказалась совершенно изолированной. Надежды на помощь с воздуха или с моря не было уже никакой.

Астурийцы в который раз проявили образцы стойкости и мужества. Была объявлена всеобщая мобилизация мужчин от 17 до 50 лет. Женщины, дети и старики помогали в строительстве укреплений на близлежащих горах и в самих селениях. Но фашисты во много раз превосходили упорно сопротивлявшихся республиканцев. Несмотря на безграничный героизм и самоотверженность войск, Север, отрезанный от основных сил, был обречен. Правительство Республики отдало приказ о вывозе армии морем.

Из Москвы пришло указание об эвакуации небольшой группы советских людей. К нам на помощь пытались прорваться из Мадрида несколько самолетов, но, как мы узнали по радио, они были сбиты фашистами. Кольцо вокруг нас сжималось все уже, и тогда на маленьком туристском самолете к нам прилетел из Парижа французский летчик Абель Гидес, до того воевавший в Испании в эскадрилье Андре Мальро. Ему удалось совершить три рейса и спасти большинство наших товарищей.

Но сам Абель Гидес был сбит и погиб.

Э. Л. Вольф «Незабываемое»

Мы — интернационалисты. Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании. Издание второе, дополненное. М., Издательство политической литературы, 1986.

Приложение 2

Из «Испанского дневника» Михаила Кольцова

14 августа

Бухаралос весь увешан красно-черными флагами, заклеен декретами за подписью Дурутти или просто плакатами: Дурутти приказал то-то и то-то. Городская площадь называется «Площадь Дурутти». Сам он со штабом расположился на шоссе, в домике дорожного смотрителя, в двух километрах от противника. Это не очень-то осторожно, но здесь все подчинено показу демонстративной храбрости. «Умрем — или победим!», «Умрем, но возьмем Сарагосу!», «Умрем, покрыв себя мировой славой!» — это на знаменах, на плакатах, в листовках.

Знаменитый анархист встретил сначала невнимательно, но, прочтя в письме Оливера слова: «Москва, «Правда»», сразу оживился. Тут же, на шоссе, среди своих солдат, явно привлекая их внимание, он начал бурный полемический разговор. Его речь полна мрачной фанатической страстности:

— Может быть, только сотня из нас останется в живых, но эта сотня войдет в Сарагосу, уничтожит фашизм, подымет знамя анархо-синдикалистов, провозгласит свободный коммунизм… Я войду в Сарагосу первым, провозглашу там свободную коммуну. Мы не будем подчиняться ни Мадриду, ни Барселоне, ни Асанье, ни Хиралю, ни Компанису, ни Казановасу. Хотят — пусть живут с нами в мире, не хотят — мы пойдем на Мадрид… Мы покажем вам, большевикам, русским и испанским, как надо делать революцию, как доводить ее до конца. У вас там диктатура, в Красной Армии заведены полковники и генералы, а у меня в колонне нет ни командиров, ни подчиненных, мы все равны в правах, все солдаты, я тоже здесь только солдат.

Он одет в синее холщовое моно (комбинезон); шапка сшита из красного и черного сатина; высок, атлетического сложения, красивая, чуть седеющая голова, властен, подавляет окружающих, но в глазах что-то чересчур эмоциональное, почти женское, взгляд иногда раненого животного. Мне кажется, у него недостаток воли.

— У меня никто не служит из-за долга, из-за дисциплины, все пришли сюда только из-за желания бороться, из-за готовности

умереть за свободу. Вчера двое попросились в Барселону повидать родных — я у них отнял винтовки и отпустил совсем, мне не надо таких. Один сказал, что передумал, что согласен остаться, — я его не принял. Так я буду поступать со всеми, хотя бы нас осталась дюжина! Только так может строиться революционная армия. Население обязано помогать нам — ведь мы боремся против всякой диктатуры, за свободу для всех! Кто нам не поможет, того мы сотрем с лица земли. Мы сотрем всех, кто преграждает путь к свободе! Вчера я распустил сельский совет Бухаралоса — он не помогал войне, он преграждал путь к свободе.

— Это все-таки пахнет диктатурой, — сказал я. — Когда большевики во время гражданской войны иногда распускали засоренные врагами народа организации, их обвиняли в диктаторстве. Но мы не прятались за разговоры о всеобщей свободе. Мы никогда не прятали диктатуры пролетариата; а всегда открыто укрепляли ее. И затем — что это может получиться у вас за армия без командиров, без дисциплины, без послушания? Или вы не думаете воевать всерьез, или вы притворяетесь, у вас есть какая-то дисциплина и какая-то субординация, только под другим названием.

— У нас организованная недисциплинированность. Каждый отвечает перед самим собой и перед коллективом. Трусов и мародеров мы расстреливаем, их судит комитет.

— Это еще ничего не говорит. Чья это машина?

Все головы повернулись, куда я указал рукой.

На площадке у шоссе стояло около пятнадцати автомобилей, большей частью изломанных, потертых «фордов» и «адлеров», среди них роскошная открытая «испано-суиса», вся блистающая серебром, щегольской кожей подушек.

— Это моя, — сказал Дурутти. — Мне пришлось взять более быстроходную, чтобы скорее поспевать на все участки фронта.

— Вот и правильно, — сказал я. — Командир должен иметь хорошую машину, если можно ее иметь. Было бы смешно, если бы рядовые бойцы катались на этой «испано», а вы в это время ходили бы пешком или тащились бы в разбитом «фордике». Я видел ваши приказы, они расклеены по Бухаралосу. Они начинаются словами: «Дурутти приказал…»

— Кто-нибудь да должен же приказывать, — усмехнулся Дурутти. — Это проявление инициативы. Это использование авторитета, который у меня есть в массах. Конечно, коммунистам это не могло понравиться… — Он покосился на Труэву, который все время держался в стороне.

— Коммунисты никогда не отрицали ценности отдельной

личности и личного авторитета. Личный авторитет не мешает массовому движению, он часто сплачивает и укрепляет массы. Вы командир, не притворяйтесь же рядовым бойцом — это ничего не дает и не усиливает боеспособности колонны.

— Своей смертью, — сказал Дурутти, — своей смертью мы покажем России и всему миру, что значит анархизм в действии, что значит анархисты Иберии.

— Смертью ничего не докажешь, — сказал я, — надо доказать победой. Советский народ горячо желает победы испанскому народу, он желает победы анархистским рабочим и их руководителям так же горячо, как коммунистам, социалистам и всем прочим борцам с фашизмом.

Он повернулся к окружавшей нас толпе и, перейдя с французского на испанский язык, воскликнул:

— Этот товарищ приехал, чтобы передать нам, бойцам НКТ — ФАИ, пламенный привет от российского пролетариата и пожелание победы над капиталистами. Да здравствует НКТ — ФАИ! Да здравствует свободный коммунизм!

— Вива! — воскликнула толпа.

26 августа 1936 г.

Индалесио Прието не занимает никакой официальной должности. Ему все же отведен огромный роскошный кабинет и секретариат в морском министерстве.

Мадридские министерства — самые роскошные в Европе. Парижские и лондонские кажутся рядом с ними просто жалкими конторами по продаже пеньки.

Прието приезжает сюда утром, диктует ежедневный политический фельетон для вечерней газеты «Информасионес». Затем до обеда принимает политических друзей и врагов.

Он сидит в кресле, огромная мясистая глыба с бледным ироническим лицом. Веки сонно приспущены, но из-под них глядят самые внимательные в Испании глаза.

У него твердая, навсегда установившаяся репутация делового, очень хитрого и даже продувного политика. «Дон Инда!» — восклицают испанцы и многозначительно подымают палец над головой. При этом дон Инда очень любит откровенность и даже щеголяет ею, иногда в грубоватых формах.

Лукаво смотрит из-под тяжелых век и говорит на ломаном французском:

— Мелкий буржуа осчастливлен вашим вниманием и визитом.

Он произносит, как все испанцы: «пэты буршуа». В 1931 году я отчаянно ругал его в «Правде» за реформизм и соглашательство,

я думал — он не читал!

Я спрашиваю его мнение об обстановке. В десять минут он дает очень пристальный, острый и пессимистический анализ положения. Он издевается над беспомощностью правительства.

— А что вы думаете о Ларго Кабальеро?

— Мое мнение о нем вообще известно всем. Это дурак, который хочет слыть мудрецом. Это холодный бюрократ, который играет безумного фанатика, дезорганизатор и путаник, который притворяется методическим бюрократом. Это человек, способный погубить все и всех. Политические наши с ним разногласия составляют существо борьбы в испанской Социалистической партии последних лет. И все-таки, по крайней мере сегодня, это единственный человек, вернее — единственное имя, пригодное для возглавления нового правительства.

— И вы?..

— И я готов войти в это правительство, занять в нем любой пост и работать под началом Кабальеро на любой работе. Другого выхода нет для страны, его нет и для меня, если я сегодня хочу быть полезен стране…

27 августа 1936 г.

Встреча со «стариком» в помещении Всеобщего рабочего союза. Здесь типичная обстановка реформистской профсоюзной канцелярии, только взбудораженной сейчас революционным шквалом. Маленькие чистенькие комнатки, многолетние просиженные стулья, бесконечные архивы и архивные чиновники за картотеками. Они смущены непрестанным потоком посетителей, вооруженных рабочих, женщин в штанах, запыленных крестьян из далеких деревень.

Сам Ларго Кабальеро одет в военное моно, с пистолетом на поясе, обветренный, загорелый, очень свежий и бодрый для своих без малого семидесяти лет. Альварес дель Вайо, организовавший встречу, служил нам переводчиком. Это было довольно трудно, потому что «старик» говорил быстрыми, стремительными монологами; впрочем, я все лучше понимаю этот язык, простой, звучный и плавный в построении фразы.

Без всяких предисловий и вступлений Ларго Кабальеро бурно и резко обрушился на правительство. Обвинил его в полном неумении и отчасти даже в нежелании подавить мятеж. Министры — неспособные, тупые, ленивые люди. Они проваливают все и вся на каждом шагу. Никто их не слушается, они не считаются друг с другом. У них нет ни малейшего представления об ответственности и серьезности обстановки. Им бы только благодушествовать в своих министерских кабинетах.

Да и кого они представляют? Все народные силы объединяются вне рамок правительства, вокруг социалистических и анархистских профсоюзов. Рабочая милиция не верит правительству, не верит военному министерству, потому что оно пользуется услугами темных личностей, бывших реакционных королевских генералов, кадровых офицеров, заведомых изменников. Рабочая милиция уже не слушается правительства, и, если так дело пойдет дальше, она сама возьмет в руки власть.

— Какое же это правительство! — Кабальеро гневно приподымается со стула. — Это комедия, а не правительство! Это позор!

На вопрос, почему так затягивается переход от милиционных дружин к регулярной армии и кто в этом виноват, он не дает прямого ответа и опять нападает на правительство. Он считает вредным недавно изданный декрет, кладущий основу добровольной армии. В нее приглашаются вступить в первую очередь солдаты-резервисты и унтер-офицеры, затем все граждане, владеющие оружием и готовые в регулярных войсковых частях защитить республику. Чтобы обеспечить республиканский, демократический характер новой армии, декрет требует, как обязательное условие приема, от каждого солдата рекомендации партий и организаций народного фронта.

Кабальеро видит в этом декрете пренебрежение к рабочим бойцам и создание особых привилегий для кадровых солдат: «Опять возрождается армейская каста!»

Я убеждаю его в полезности для армии солдат-резервистов, особенно в такой штатской, военно не обученной, почти не воевавшей стране, как Испания. Он пророчествует, что регулярная армия отнимет у народа оружие, так дорого доставшееся ему.

Разгорается длинный горячий спор о преимуществах армии и милиции. Дель Вайо еле успевает переводить. Ларго ссылается на некоторые места из «Государства и революции» Ленина о вооруженном народе. Я напоминаю, что в другой обстановке сам же Ленин возглавил создание рабоче-крестьянской армии, отдавая ей полное предпочтение перед организационной пестротой милиционных дружин, колонн и отрядов. Соединение лучших, профильтрованных элементов младшего командного состава с передовыми революционными рабочими — вот сплав, из которого может быть создана крепкая народная антифашистская армия. При параллельном и равноправном существовании армейских частей и милиционных или партизанских отрядов между ними раньше или позже начинается противоречие, затем конфликт, и выигрывает всегда армия, как

более высокая по уровню форма. Зачем же растягивать этот период противоречий? Надо ускорить объединение всех вооруженных антифашистских формаций в единый армейский организм.

Он прямо не возражает и на это, но начинает ругать коммунистов за их стремление «все организовать, повсюду поставить начальников, всему дать кличку, ярлык и номер». Он относит это к молодости руководителей партии, к их самоуверенности, основанной на успехах и опыте не их самих, а русских коммунистов. Говорит, что коммунисты, помогая правительству, делают вредное дело, приближают катастрофу, усиливают недовольство масс. Рабочим партиям нужно скорее смести чиновников, бюрократов, министерскую систему работы и перейти к новым, революционным формам управления.

— Массы протягивают к нам руки, требуют от нас правительственного руководства, а мы пассивны, уклоняемся от ответственности, бездействуем!

Все это вырывается у Ларго Кабальеро бурно, сердито, с упрямой силой убеждения. Трудно понять, откуда этот запоздалый радикализм и максимализм у человека, многие десятки лет отстаивавшего самые реформистские и соглашательские позиции в рабочем движении, шедшего на компромиссы и даже на коалицию с самыми правыми буржуазными правительствами, вплоть до реакционной королевской диктатуры Примо де Ривера. Но Альварес дель Вайо и многие другие уверяют, что «старик» в самом деле внутренне очень изменился, что борьба в Астурии и весь последующий период заставили его пересмотреть свой политический путь, что он разочаровался в канцелярских методах профсоюзного руководства, очень сблизился с живой рабочей массой. «Он еще окончит свою жизнь на баррикадах…» Коммунисты относятся к этой перемене без доверия. Подтрунивают над «старческой болезнью левизны». Этот холодок между коммунистами и Кабальеро отражается на возможности взаимного сотрудничества.

Мы разговариваем еще около полутора часов. Кабальеро несколько раз возвращается к неспособности и нелояльности республиканских генералов, личных друзей Асаньи, всех этих Сарабий… Потом, уже вдвоем с дель Вайо, мы спускаемся на улицу, в маленький бар. Он очень доволен встречей и разговором, уверяет, что теперь «старик» целиком согласился с необходимостью регулярной народной армии.

— Он вам этого не сказал открыто, у него такая манера, но вы увидите, как он будет теперь выступать за армию. Старик преклоняется перед Советским Союзом, перед опытом вашей

революции. Жаль, что Аракистайна не было при разговоре, он очень хотел присутствовать, его что-то задержало. Но все равно старик сам даст Аракистайну все указания. «Кларидад», наверно, завтра же выступит по этому поводу. Я бы сам написал на эту тему, но лучше, если это сделает Аракистайн. Я очень рад, что вы так хорошо поговорили…

Луис Аракистайн — депутат баск, левый социал-демократ, директор «Кларидад», органа Всеобщего рабочего союза, ближайший помощник Ларго Кабальеро и официозный выразитель его мнений.

31 августа 1936 г.

Неизвестно, много ли иностранных делегаций посетило главную квартиру мятежников. Но фашистские полки, те, что наступают на Талаверу, уже отлично снабжены всеми видами вооружения последних немецких и итальянских образцов, вплоть до танков.

Это страна, чей народ не имеет даже опыта мировой войны. Крестьяне ходят с кремневыми ружьями, наваха (длинный складной нож) считается грозным оружием. Этот народ засыпают тучами снарядов, бомб, зажигательных, бронебойных, разрывных пуль. Единственный крупный центр военной промышленности на территории мятежников в Овиедо кругом осажден и поставлять оружие никуда не может. Откуда-то техника Франко и его огневые средства щедро пополняются. Откуда?! Захудалая испанская авиация вдруг обогатилась новенькими бомбардировщиками «фоккер», «юнкере» и «капрони», каких никогда и не мечтала иметь на вооружении. К Франко съезжаются на глазах у всего мира германские и итальянские пилоты, пехотные инструкторы, артиллеристы. Летчик самолета, сбитого у Талаверы, выпрыгнул с парашютом в правительственной зоне и пробовал откупиться деньгами от местных крестьян, но был ими расстрелян. На трупе найдены документы на имя итальянского пилота Эрнеста Монико и приказы от итальянского командира эскадрильи. Идут пароходы с пушками, с пулеметами, со взрывчатыми веществами. Для германских так называемых добровольцев севильская радиостанция каждый день, мы слышим, исполняет германский фашистский гимн.

Подавление мятежа вылилось в гражданскую войну, гражданская война превращается в борьбу с иностранной интервенцией, со вторжением иностранных фашистских войск.

2 ноября 1936 г.

Растет триумфальное неистовство мятежников, все выше

волны ликования среди их друзей. По радио мы слышим свистопляску в Германии, в Италии, в Португалии, отчасти в Англии. Там считают — Мадрид уже в агонии. Газеты и радиопередатчики перечисляют предстоящие декреты и реформы генерала Франко по вступлении в столицу. У него уже сформирована полиция, готовы карательные трибуналы, разработаны списки всех «красных», назначены высшие должностные лица.

Из Франции доносятся какие-то беспомощные писки. Блюм что-то кому-то сказал, но затем опроверг. Дельбос заявил, но опроверг. Пьера Кота в палате атакуют за помощь республиканцам, за передачу им нескольких бомбовозов «потез» и истребителей «деву атин» — он опровергает.

В Англии ничего не опровергают. Лондонские газеты соревнуются в предсказании точного дня вступления фашистов в Мадрид. Одни считают, что это будет послезавтра, другие называют среду, пятого ноября. Из германских источников указывают пятницу, седьмого ноября, «день, который, по совету некоторых друзей, генерал Франко избрал специально для того, чтобы омрачить ежегодный праздник марксистов, годовщину большевистской революции».

7 ноября 1936 г.

«На улице завизжала сирена. Появились «юнкерсы». Взрыв глухо послышался издали. Но затем, вместо того чтобы разбегаться, публика заинтересованно и радостно задрала лица кверху.

Бомбовозы переменили курс, они повернули на запад и быстро удалились. Осталась группа истребителей, на которых напали сомкнутым строем сбоку подошедшие маленькие, очень скоростные и маневренные машины.

«Хейнкели» начали разбегаться, бой принял групповой характер. Один из самолетов рухнул вниз, объятый пламенем, он прочертил в небе линию черного дыма. Люди внизу восторгались, аплодировали, бросали береты и шляпы вверх.

— Чатос! — кричали они. — Вива лос чатос!

Через два дня после появления новых республиканских истребителей мадридский народ уже придумал им кличку «чатос» — курносенькие. У машины в самом деле такой вид: винтомоторная часть чуть-чуть выдается холмиком впереди крыльев.

«Хейнкели» удрали. Чтобы подчеркнуть это, «курносые» специально сделали два круга над столицей, красиво пикируя, кувыркаясь в фигурах высшего пилотажа, показывая на малой

высоте трехцветные республиканские знаки. Толпы на улицах в радостном волнении внимали звонкому рокоту моторов-друзей. Женщины махали платками и, став на цыпочки, вытянувши шеи, посылали воздушные поцелуи, как если бы их могли заметить сверху.

22 ноября 1936 г.

После десяти начинают соревноваться передатчики из Тетуана, Тенериф и лиссабонский «радиоклуб».

Тетуан передает завывания и пляски под барабан. На арабском языке многословно объявляется, что Геринг-паша передал Франко-паше селям алейкум от шейха Гитлера, что полковник Магомет ибн Омар был вчера приглашен к столу Варела-паши и что все правоверные должны оценить эту великую честь.

Тенериф угощает слушателей сборной солянкой самых бредовых известий. Даже и фашисты считают, что этой станции терять нечего.

Из Тенерифа можно узнать; что Рузвельт провалился на президентских выборах. Что британский посол растерзан республиканской милицией на улицах Картахены. И даже что «Испанская фаланга», войдя в Мадрид, организовала раздачу молока детям, которых республиканцы морили голодом.

Португальский «радиоклуб» обычно старается давать глубокий и прочувствованный анализ военного, политического и международного положения.

Например:

«Замедление в мадридской операции вовсе не есть замедление, а есть пауза, которая дает возможность национальным войскам подготовить все эффективные средства для нападения, а противнику — реорганизовать свои средства обороны».

Или другое:

«Марксистские лидеры стоят на своем и упорствуют в намерении защищать Мадрид в Мадриде».

Военный обозреватель «радиоклуба» в корне не согласен с такой тактикой. По его мнению, защитники Мадрида должны оставить город и драться с фашистской армией в каком-нибудь, по договоренности с ней, другом месте.

Посожалев о таком упрямстве «марксистских лидеров», докладчик приходит к признанию неизбежности факта:

«Вполне логично они обороняют столицу. В конце концов это их долг».

Лучше всего конечный вывод лиссабонского теоретика:

«Мадрид до сих пор не сдается. Военное дело — дело очень опасное и трудное. Мы в этом убеждаемся сейчас особенно ясно и четко».

Передатчик Бургоса начинает работать позже всех. Это орган самого верховного правителя, потому он напускает на себя солидность и серьезность:

«Япония и Германия уже покинули Лигу наций. Италия поддерживает с ней самые поверхностные отношения. Это три фашистские державы, которые начали священную борьбу с коммунизмом. Несомненно, первой страной, которая от этого больше всего пострадает, будет Великобритания. Что останется от этого огромного колониального государства, если Япония утвердит свое превосходство в Азии, а Италия — в Средиземном море!»

Представитель Франко в эфире предлагает Англии не ломаться и, пока не поздно, присоединиться к дружному блоку Берлин — Токио — Рим — Бургос. Бедная Англия, до чего ты дожила, кто тебе угрожает!

В этой передаче с четвертого ноября был введен особый раздел: «Последние часы Мадрида». Сообщался порядок фашистского парада перед зданием военного министерства, имена капельмейстеров военных оркестров, разграничивались районы действия карательных отрядов «Испанской фаланги», излагался план переезда бургосских учреждений в мадридские здания.

После пятнадцати дней раздел переименован. Теперь он называется уже не «Последние часы», а «Последние дни Мадрида». Диктор объявляет: «Глава государства, высокопревосходительный сеньор генерал Франко, указал, что предстоящее взятие Эскориала и его монастыря Сан-Лоренсо, являющихся главным историческим и религиозным центром Испании, будет равносильно взятию столицы. Что касается Мадрида, то сеньор Франко не считает правильным овладение городом огнем и мечом и будет в этой операции избегать излишнего пролития крови».

Хорошие речи приятно слушать. Особенно когда в это же время трехмоторные самолеты оратора сбрасывают фугасные и зажигательные бомбы на частные дома, на лазареты столицы.

13 января 1937 г.

Преимущество войск Франко — в их большей организации, в большей дерзости, в большем военном риске.

Фашистская армия пользуется всеми удобствами единой системы командования. То, что решается генералом Франко

вместе с его германскими советниками, подлежит безоговорочному выполнению всеми нижестоящими офицерами. Никто не смеет обсуждать или переиначивать приказы свыше. Достигнуто это твердыми, свирепыми расправами на фронте и в тылу с неугодными и непослушными начальниками, безжалостным вышвыриванием инакомыслящих, суровыми наказаниями и расстрелами. Тирания Франко создает огромное недовольство против него. Но зажим и террор позволяют фашистской диктатуре свободно, без разговора, распоряжаться и маневрировать военными контингентами, легко перебрасывать их с места на место или долго держать их в резерве. Для этого последнего своего наступления Франко готовил в Касересе новую большую группу войск. Из германских кадровых солдат, частью из марокканцев и испанских фашистов он образовал сводные части. Шесть недель без перерыва солдат обучали только одному — наступлению, атаке. Пленные рассказывают, что ни одно из учений в Касересе за все это время не было посвящено обороне.

Все эти новые резервы Франко бросил на Махадаонду, на Посуэло, на Араваку и Лас Росас одним большим ударным кулаком, сразу, целиком, щедро, как дрова в огонь. Наступают фашисты густыми, сосредоточенными, плотными колоннами, имея артиллерию в передовых линиях, так что противотанковые пушки идут на наши танки, не дожидаясь их приближения. Свои собственные танки мятежники размещают в два эшелона, с таким расчетом, что пехота, идя впереди второго эшелона, попадает в случае отступления и даже остановки под свой танковый огонь, о чем ее откровенно предупреждают.

В таком строю, не щадя людей, Франко устраивал в эти дни настоящие психические атаки: под сильным огнем республиканцев колонны мятежников безостановочно шли вперед, теряя на ходу сотни и тысячи людей. Эту фалангу удалось остановить с большим трудом, пожертвовав несколькими деревнями.

28 января 1937 г.

Для нового наступления Франко подбирает подчас с большой натугой, но значительные силы. Кроме германских и заново переформированных марокканских частей, собраны дополнительные наборы, сделанные на захваченной фашистами территории. Качество этих новых наборов, с точки зрения фашистской морали, резко ухудшилось. Острый недостаток в людях заставляет мятежников брать в армию людей явно неблагонадежных. Иногда даже прямо из тюрьмы — республиканцев, социалистов. Арестованным предлагают

выбирать: или расстрел в тюрьме, или служба в фашистской армии. Немало перебежчиков принадлежат к этой категории прежних заключенных.

Прорыв в политико-моральном состоянии армии фашисты возмещают усилением строгостей и режимом принудительной и железной дисциплины на фронте. Под страхом суровых наказаний солдатам запрещены какие бы то ни было политические разговоры. Каждый участок и каждая траншея полностью изолированы друг от друга. Когда на днях в Каса дель Кампо один солдат сходил к приятелю в соседний окоп побеседовать, офицер избил его в кровь и хотел даже пристрелить — отговорили от этого другие офицеры.

Питаются солдаты нерегулярно и отвратительно. На нескольких участках Мадридского фронта начались волнения и протесты, после чего еда стала лучше, но лишь на несколько дней.

Одежда и обувь у мятежников износились, а новых не выдают. Это видно по самим пленным и перебежчикам: настоящие оборванцы, в летней изодранной одежде, без одеял, в парусиновых туфлях, обмотанных веревочными тесемками. Часто республиканские бойцы вскладчину собирают для своих пленников табак, газеты, апельсины, носки, шарфы. Фашистское начальство разрешило своим солдатам раздевать крестьян в деревнях и присваивать себе их одежду и обувь. Делать это в городах запрещается.

Усталость, холод, голод, плохое питание, неудачи под Мадридом и общая затяжка войны создали довольно плохое настроение в частях мятежников. Драка в фашистском лагере между буржуазной испанской фалангой и религиозно-кулацкими фанатиками наваррской деревни расшатывает фашистский фронт.

Но из этого никак не следует делать вывод о падении боеспособности армии Франко.

Я спросил у солдата, рабочего-социалиста, взятого фашистами на фронт прямо из тюрьмы и перешедшего через три недели:

— А ты стрелял в республиканцев?

— Стрелял.

— Много?

— Много…

— И, пожалуй, убивал своих?

— Возможно. Я не мог не стрелять. Сержант следил за каждым нашим шагом. Куда ни повернешься — всюду и всегда наткнешься на сержанта с пистолетом в руке. Их не так много,

этих сержантов, а кажется, будто нет им числа. И боимся мы их, откровенно говоря, больше, чем самого Франко.

Михаил Кольцов. Испанский дневник. / Кольцов М. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. М., 1957.

Приложение 3

Отзывы современников о генералиссимусе Франко и его времени

«Завершив в Севилье обучение курсантов, я возвратился в свою эскадрилью в Мелилью… В те дни (речь идет о 20-х гг. — *А. Е.*) я познакомился с Франсиско Франко. Он имел звание майора и командовал бандерой (примерно батальон в составе Иностранного легиона) в Иностранном легионе. Франко приехал на аэродром, чтобы отсюда отправиться на самолете в один из военных лагерей.

Подполковник Кинделан, командовавший авиацией в Мелилье, собрал нас и объявил, что Франсиско Франко из Иностранного легиона решил воспрепятствовать осуществлению плана Примо де Ривера уйти из Марокко, война с которым стоила Испании стольких жертв. Очень скоро мы узнали, что со стороны Франко это был лишь маневр для привлечения сторонников. (В действительности же Франко и его друзья хотели заставить Примо де Ривера восстановить отмененный им порядок присвоения чинов за военные заслуги. Мильян Астрай, Франко и им подобные стремились добиться получения высших воинских званий, не дожидаясь истечения предусмотренного уставом срока.) Кинделан поддержал Франко и хотел знать, можно ли на нас рассчитывать. Это сообщение застало всех врасплох, ибо мы впервые услышали о том, что Примо де Ривера решил вдруг оставить эту территорию. Я не знал, что ответить. Думаю, другие испытывали то же самое. Некоторое время царило гробовое молчание, создавшее весьма напряженную обстановку. Разрядил ее Хосе Арагон. Спокойно, но твердо он заявил, чтобы на него не рассчитывали. Он не согласен как с захватом власти Примо де Ривера, так и с предложением Франко и, хотя совершенно не симпатизирует войне в Марокко, считает, что наступило время покончить с волнениями в армии. Вновь воцарилась напряженная тишина. Кинделан не предвидел такого оборота и не нашелся что ответить. В авиации больше не возвращались к обсуждению этого вопроса. Через некоторое время порядок повышения в чинах за военные заслуги был восстановлен».

Игнасио Идальго де Сиснерос.

«Меняю курс. Мемуары». М., 1967. С. 93–94.

«Несколько раз мне довелось летать… с Франсиско Франко, получившим в те дни чин подполковника. (1923 г. — *А. Е.*). К нему я не испытывал ни малейшей симпатии. На базе в Мар-Чика никто не любил его, начиная с родного брата, с которым он едва разговаривал. Когда требовался гидросамолет для подполковника Франсиско Франко, летчики старались уклониться от этого задания: нас задевало его поведение. Он прибывал на базу всегда вовремя и держался очень надменно, стараясь вытянуться как можно больше, чтобы казаться выше и скрыть свой начинавший появляться животик. По словам его брата, Франко постоянно преследовало недовольство своим ростом и склонностью к полноте. Он приветствовал нас строго по уставу и зло говорил что-нибудь неприятное, если самолет еще не был готов. Затем садился рядом с летчиком и сидел, не проронив ни слова, до прибытия на место назначения, где отпускал нас также строго по уставу, сохраняя при этом вид человека, делающего что-то необыкновенное. Не помню, чтобы я хоть раз видел его улыбающимся, любезным или проявляющим хоть какие-то человеческие чувства. Со своими товарищами по иностранному легиону Франко вел себя точно так же. Его боялись, с ним никто не дружил, его никто не любил. Франко был антипатичен всем, кто с ним имел дело».

Игнасио Идальго де Сиснерос.

Указ. соч. С.110.

«Престиж Рамона Франко (младшего брата Франсиско. — *А. Е.*) в те дни (зимой 1930 г. — *А. Е.*) поднялся до небес… Вся пресса посвящала личности Рамона пространные статьи. Реакционеры с негодованием требовали применить к нему самые строгие меры. Левые же горячо симпатизировали Рамону… Вся Испания говорила о Рамоне Франко. Слава первого авиатора, совершившего перелет через Атлантический океан (перелет из Европы в Буэнос-Айрес состоялся в 1926 г. — *А. Е.),* ясность политических позиций, враждебных диктатуре и королю, мужество, с которым он открыто заявил о своих убеждениях, опубликование в газете письма, в котором он резко выступал против собственного брата, называя Франсиско Франко фашистом и реакционером… создали вокруг его личности романтический ореол. Он стал всеобщим любимцем. Реакция считала его своим

смертельным врагом. Рамон Франко сыграл немалую роль в установлении республики в Испании».

Игнасио Идальго де Сиснерос.

Указ. соч. С. 168.

«С Франко (Рамоном. — *А. Е.*) меня связывала большая дружба, долгое время мы вместе служили и, полагаю, обоюдно ценили друг друга. Я знал его хорошие и плохие качества. Он был умен, легко и быстро ориентировался в обстановке и в то же время обладал рядом привычек и странностей, которые никому не удавалось искоренить в нем. Одной из них была привычка небрежно одеваться. Он всегда носил потрепанную и грязную гражданскую одежду или военную форму. Порой он совершал довольно странные поступки, нисколько не беспокоясь об их последствиях. Это был настоящий дикарь, и ему очень подходило полученное в авиации прозвище Шакал».

Игнасио Идальго де Сиснерос.

Указ. соч. С. 172.

«…Рамон Франко в те дни (в начале 1931 г. — *А. Е.*) считался в Париже «звездой» первой величины. Газеты и журналы помещали его фотографии, рассказывали эпизоды из его жизни, многое преувеличивая и присочиняя. В кинотеатрах показывали хронику о том, как Рамон Франко и я гуляем в Люксембургском саду. В тот день мы пригласили Рамона отобедать в нашем пансионе. Одна из старых англичанок, видевшая эту хронику, узнала его и, поскольку читала только реакционные газеты, поносившие нас, должно быть сильно перепугалась, обнаружив, что живет под одной крышей с такими опасными и страшными преступниками, задумавшими свергнуть симпатичного Альфонса XIII. Она сообщила о своем открытии соотечественницам и заявила о намерении сменить пансион. Встревоженная хозяйка рассказала нам о случившемся. Она ничего не имела против нас, но не хотела терять и более солидных клиентов. Тогда мой двоюродный брат Пепе, считавший себя истинным испанским идальго, в необычайно изысканных выражениях произнес перед англичанами речь о том, что им не стоит утруждать себя переездом, так как мы, испанцы, сами покинем пансион. Эти слова повлияли на перепуганных

англичанок. Они решили остаться».

Игнасио Идальго де Сиснерос.

Указ. соч. С. 193.

«Уже больше месяца мы жили в Мадриде (осенью 1935 г. — *А. Е.),* но я еще не видел Рамона Франко. Рассказывали, что он… не хочет иметь ничего общего с левыми, и вообще его поведение оставляет желать много лучшего. Как-то раз, когда я был один в своем кабинете, открылась дверь и появился Рамон Франко. По выражению его лица я понял, что мою дверь он открыл по ошибке. Мгновение Рамон колебался, но затем вошел и протянул мне руку. Я сказал, что рад его видеть, ибо до меня дошли слухи, которым не хотелось бы верить. Вначале он говорил несколько уклончиво, но затем подтвердил, что они соответствуют действительности. Я поразился его цинизму. Казалось, со мной разговаривает настоящий фашист. Никогда не забуду его последней фразы: «Знаешь, Игнасио, если выбирать между тем, чтобы мне давали касторку или я ее давал, предпочитаю последнее». (Имеется в виду пытка, применявшаяся фашистами, — насильственное вливание арестованному касторки.) Эти слова переполнили чашу моего терпения. Очень резко я ответил, что с этого дня между нами все кончено, и попросил покинуть кабинет. Это была наша последняя встреча».

Игнасио Идальго де Сиснерос.

Указ. соч. С. 311.

«Главной целью Франко с самого начала войны (имеется в виду гражданская война 1936–1939 гг. в Испании. — *А. Е.)* и до Гвадалахарского сражения в марте 1937 года был захват Мадрида. Гитлер и Муссолини поощряли это стремление Франко, все увеличивая посылку различных видов оружия и войск и обещая признать его правительство, как только он войдет в Мадрид. Многочисленная Франкистская армия, снабженная самым современным оружием, быстро продвигалась к столице и вскоре подошла к ее окраинам. В эти критические дни авиация противника как на фронте, так и над Мадридом «действовала в свое удовольствие», ибо республиканская была практически уничтожена. Фашистские самолеты полностью господствовали в воздухе и безнаказанно производили бомбардировки и обстрелы.

Взять столицу было поручено четырем хорошо вооруженным вражеским колоннам, поддерживаемым мощной артиллерией и многочисленной авиацией. Именно тогда генерал Мола (Эмилио Мола — один из франкистских генералов, одно время бывший главнокомандующим испанскими войсками в Марокко. — *А.Е.)* сделал одному из иностранных корреспондентов известное заявление о том, что Мадрид будет завоеван «пятой колонной» «национальной» армии, которая атакует красных в их наиболее уязвимое место. С тех пор термин «пятая колонна» во всем мире употребляется для обозначения внутреннего врага.

Мировая реакция уже не сомневалась, что Мадрид потерян для республиканцев. Фашисты были уверены, что он падет в указанный Франко день (т. е. 7 ноября 1936 г. — *А.Е.)*.

В этот день несколько корреспондентов газет из Сарагосы нисколько не сомневаясь, что войска Франко уже дефилируют по улицам столицы, подъехали на автомобилях к нашим (республиканским. — *А.Е.)* линиям. Когда журналистов взяли в плен, они подумали, что фашистские солдаты ради шутки решили попугать их, переодевшись в форму красных ополченцев.

Вот другой факт, свидетельствовавший о том, что путь к площади Пуэрта дель Соль («Ворота солнца», главная площадь Мадрида) представлялась фашистам военной прогулкой. Мне рассказал о нем попавший к нам в плен летчик-франкист, присутствовавший при подготовке Франко к въезду в столицу.

Из Севильи франкисты привезли знаменитую статую девы Марии, намереваясь нести ее впереди марокканских частей и Иностранного легиона, которые должны были первыми войти в город. Статую сопровождали представители высшей церковной иерархии, священники и благочестивые граждане и гражданки в парадных одеяниях.

С юмором, но не без некоторой горечи летчик рассказал, что, по мере того как вступление в столицу откладывалось, блеск роскошной процессии понемногу тускнел, а физиономии сопровождавших деву Марию и терпеливо ожидавших начала триумфального марша все больше вытягивались и мрачнели.

Через некоторое время началось отступление, вначале стыдливое и скрытое, а затем и явное, которое закончилось тем, что деву Марию бросили ночью в обыкновенный грузовик и отправили туда, откуда она была взята. За ней последовали и гражданские власти, которым поручалось заняться административными делами в Мадриде.

Расчеты Франко и его сподвижников провалились. Газеты западных стран стали писать о «мадридском чуде».

Под Мадридом франкистская армия впервые встретила столь

упорно^ сопротивление. По всей линии фронта на подступах к городу шли ожесточеннейшие бои. Фашисты предпринимали безнадежные усилия выбить республиканцев с их позиций. Они бросили в бой огромное количество артиллерии, танков, однако республиканцы не только не отступили, но сами переходили в атаку. Противник нес тяжелые потери».

Игнасио Идальго де Сиснерос.

Указ. соч. С. 364–366.

«Чтобы закончить с мадридской эпопеей, хочу сослаться на мнение одного свидетеля, наблюдавшего сражение за Мадрид с франкистской стороны. Я имею в виду известного американского журналиста Джона Т. Уэйтекера, находившегося в качестве военного корреспондента на стороне мятежников.

В своих воспоминаниях, опубликованных в американском журнале «Форин афферс» в октябре 1942 года, он писал следующее:

«Когда государственный переворот потерпел поражение, франкистов могла спасти только помощь германских и итальянских самолетов, а также марокканские войска. Однако вскоре они вновь оказались на грани проигрыша войны из-за своей напрасной и дорогостоящей атаки на Мадрид. На этот раз их спасли немцы.

В пригородах Мадрида я встречался с марокканцами и видел, как Франко чуть не загубил самого себя и свое дело глупой фронтальной атакой столицы. Упираясь спинами в дома Мадрида, республиканцы не чуждались ни в офицерах, ни в тактических знаниях. Когда Франко первый раз атаковал столицу, он мог бы ее взять, но, по совету своих немецких и итальянских советников, отложил операцию. Послушав генерала фон Фаупеля, Франко два дня ждал прибытия танков и пушек. В это время в Мадрид прибыли 1900 добровольцев интернациональных бригад, а спустя несколько дней — еще 1550. Все они защищали Мадрид. Как они это делали, я видел собственными глазами.

Я спустился к Французскому мосту с надеждой быть первым корреспондентом, который пересечет реку Мансанарес и войдет в город. Сильнейший огонь вызвал у меня беспокойство: через реку я наблюдал, как марокканцы очищали от противника шестиэтажный дом. Часть марокканцев окружила здание и быстро проникла в него. Вытеснив защитников с первого этажа, они с помощью пулеметов и ручных гранат стали очищать и второй…

Один за другим этажи были освобождены, но, когда операция

была закончена, в живых не осталось ни одного марокканца.

Эта упорная борьба республиканцев окончательно сломила дух франкистов. Впервые за все время их длинного победного марша от Бадахоса через Талаверу-де-ла-Рейна до Мадрида противник оказал упорное сопротивление.

Только однажды республиканцы получили пушки и выпустили в воздух 127 самолетов. Марокканцы Франко отступили. Полковник Кастехон с простреленным бедром сказал мне, что, по сведениям главного штаба Франко, по меньшей мере, 40 000 марокканцев из имевшихся 60 000 выбыли из строя: «Восстав, мы теперь разбиты…»

Игнасио Идальго де Сиснерос.

Указ. соч. С. 372–373.

«По моему мнению, разведывательная служба франкистов на протяжении всей войны была довольно несовершенной, ибо все наши наступательные операции заставали их врасплох. Но как только в воздухе появлялись наши новые самолеты, франкисты сообщали об этом германскому и итальянскому правительствам, и те немедленно отправляли Франко необходимое количество машин, дабы он имел постоянный перевес сил в воздухе.

Нечто подобное происходило с вооружением для наземных войск. Поэтому я убежден и настаиваю на мнении, что фашистское вмешательство, с одной стороны, и невмешательство и нейтрализм так называемых «демократических» правительств, с другой, — две согласованно проводимые политики, направленные на то, чтобы помешать победе конституционного правительства Испании. Каждая победа со стороны республиканцев вызывала усиление вооруженной интервенции иностранного фашизма. Каждая неудача Франко сопровождалась увеличением усилий «демократических» правительств выгородить агрессоров, то есть фактически сыграть на руку франкизму».

Игнасио Идальго де Сиснерос.

Указ. соч. С. 406.

«Едва прибыв в Байройт (на вагнеровский фестиваль в начале лета 1936 г. — *А. Е.),* я получил известие о возникшем в Испании серьезном положении и услышал о намерении Адольфа Гитлера принять сторону генерала Франко, поднявшего восстание против

тогдашнего мадридского правительства левого направления. На следующий день я посетил фюрера, который разместился во флигеле… виллы («Мирные грезы». — *А. Е.)* Он принял меня довольно предупредительно, но сразу же перешел к разговору об Испании, сказав мне, что Франко запросил самолеты, чтобы по воздуху перебросить войска из Африки в Испанию и начать военные действия против коммунистов. Я спонтанно ответил, что для нас было бы лучше не влезать в испанские дела. Там нас не ждут никакие лавры, и, по моему убеждению, Испания для нас — дело весьма опасное. Я боялся новых осложнений с Англией, поскольку там германское вмешательство, без сомнения, будет рассматриваться как очень нежелательное. Гитлер же категорически придерживался противоположного мнения. Он разъяснил мне (и я снова увидел, что и в данном случае мировоззренческие компоненты все же были решающими во всем его мышлении), что Германия ни в коем случае не потерпит существования коммунистической Испании. Его долг национал-социалиста — сделать все, дабы не допустить этого. Он уже распорядился, чтобы самолеты были предоставлены в распоряжение Франко.

Все мои повторные возражения Адольф Гитлер отбросил. Он заявил, что в конечном счете в испанской гражданской войне решается вопрос, удастся ли Советам прочно забрать в свои руки одну из западных стран; глава мадридского правительства — человек Москвы, и от Франко поступили сообщения, согласно которым преобладающая часть оружия, имеющегося у Негрина, получена от Советской России. Муссолини тоже относился к Франко позитивно. Между мадридским правительством Негрина и французским Народным фронтом Леона Тлюма[56] существуют теснейшие связи. Фюрер дословно сказал следующее: «Если создать коммунистическую Испанию действительно удастся, то при нынешнем положении во Франции большевизация и этой страны тоже всего лишь вопрос времени, ну а тогда дела Германии плохи! Оказавшись заклиненными между мощным советским блоком на Востоке и сильным франко-испанским блоком на Западе, мы вряд ли сможем еще что-нибудь предпринять, если Москве вздумается выступить пробив Германии».

Иоахим фон Риббентроп.

«Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи». М., 1996. С. 73–74.

«Наряду с множеством визитов членам королевского двора (речь идет о дворе английского короля Эдуарда VIII, которого Риббентроп посетил в Лондоне, незадолго до его отречения осенью 1936 г. — *А. Е.*) и дипломатического корпуса, а также личным друзьям, которые мне надлежало нанести и которые длились много недель, началась и моя работа в Комитете по невмешательству в гражданскую войну в Испании.

Этот комитет было бы правильнее назвать «комитетом по вмешательству», ибо вся деятельность его членов заключалась в том, как с большей или меньшей ловкостью оправдать или затушевать вмешательство своей страны в испанские дела. Это была в высшей степени безотрадная работа, а для меня она являлась таковой вдвойне, поскольку Англия зачастую склонялась на сторону красных в Испании и мне постоянно приходилось выступать против этого. Возникавшие трения все больше и больше отодвигали на задний план мою основную работу по развитию германо-английских отношений и мешали ей. Мне часто хотелось послать к черту эту злополучную гражданскую войну, из-за которой мне приходилось вступать в конфликты с английским правительством. Поскольку мы уже связали себя с Испанией, дело не могло обходиться без инцидентов… Не лучше становились и отношения с Францией, от имени которой мой коллега французский посол в Лондоне Корбэн по приказу французского правительства Народного фронта (правда, зачастую вопреки своему личному желанию) должен был выступать за красную Испанию. Настоящая же борьба шла против сильного вмешательства Советов и их представителя Майского. Иван Михайлович Майский — настоящая фамилия Лиховецкий (1884–1975), советский дипломат и историк. Эту борьбу я вел по большей части в союзе со своим итальянским коллегой Дино Гранди. Дино Гранди (1895-?) — граф, один из первых помощников Муссолини по созданию фашистских отрядов. В 1933–1939 годах — посол Италии в Лондоне. Сторонник ориентации на Англию. На заседании большого фашистского совета 25 июля 1943 года голосовал против Муссолини. Сотрудничать с этим фашистским коллегой было не всегда легко. Гранди, который в 1943 году сыграл главную роль в отпадении Италии от Германии и предал Муссолини, по своей натуре был ярко выраженным интриганом. Опубликованные им во время войны статьи о нашей совместной деятельности в Лондоне и о якобы принадлежащих мне от начала до конца вымышленных высказываниях об Англии, при помощи которых он хотел стать любимцем британцев, были расценены как неправдоподобные даже самой английской прессой. Если эти строки когда-нибудь

попадут на глаза Гранди, пусть он знает: я еще в Лондоне распознал его! Уничтожающую оценку его фальшивой сущности дал Муссолини.

Учитывая многие трудности, я был бесконечно рад, когда Франко — хотя и медленно — одержал верх и тем самым испанская проблема исчезла с поля дипломатической борьбы. Она давила на меня почти весь период моей деятельности в Лондоне в качестве посла».

Иоахим фон Риббентроп. Указ. соч. С. 85–86.

«Далее шефу (т. е. Гитлеру. — *А. Е.*) представили сообщение о том, что каудильо Франко законом от 22.09.1941 года предписывает воздавать святой Фунукисле все военные почести, полагающиеся фельдмаршалу, поскольку расценивается как чудо с ее стороны тот факт, что 5 лет тому назад 3000 солдат национальной испанской армии под командованием нынешнего военного министра Валера отстояли город Сеговию от натиска 15 000 «красных». Шефу помимо этого также сообщили, что в Испании другой святой присвоено звание генерала, поскольку она, будучи покровительницей одной церкви, позаботилась о том, чтобы упавшая на ее крышу бомба не взорвалась. Шеф заявил на это, что у него есть сильнейшие опасения относительно того, к чему могут привести такого рода явления. Он с огромной долей скептицизма наблюдает за развитием событий в Испании. Тому подтверждением могли служить планы свержения генерала Франко, тайно разрабатывавшиеся летом 1942 года в ведомстве государственной безопасности под руководством обергруппенфюрера СС Вальтера Шелленберга, который хотел всячески стимулировать и воспользоваться для этого оппозиционными по отношению к каудильо настроениями в определенных кругах испанской «Фаланги». Осуществить эти планы не удалось, и поэтому никогда не поедет туда, хотя намерен постепенно посетить все европейские государства».

Генри Пикер. «Застольные разговоры Гитлера». Смоленск, 1993. С. 348–349.

«За обедом разговор о сражающейся на Восточном фронте и состоящей из испанцев так называемой «Голубой дивизии» вылился в беседу о внутриполитической ситуации в Испании. Рейхсляйтер Борман высказал в связи с этим замечание о том, что в значительной степени усилившаяся в Испании монархическая

тенденция, по его мнению, пользуется поддержкой католической церкви. Шеф подтвердил, что это вполне возможно, и заявил: ситуация с католической церковью в Испании ничем не отличается от ситуации с католической церковью у нас и вообще от положения с церковью в большинстве стран. Церковь в том случае, если она может оказать влияние на политику государства, поддерживает или терпит только ту власть, которая не знает и не признает никакой другой организации, кроме церкви, и поэтому для руководства народом может опереться только на церковь как на единственную подходящую для этого организацию.

И если католическая церковь не откажется от присущего каждой политизированной церкви стремления к власти, она не будет поддерживать нынешний испанский режим, который в лице «Фаланги» создал собственную организацию для руководства испанским народом. Есть только одна-единственная возможность для фалангистов достичь компромисса с католической церковью: если та ограничится лишь заботой о религиозных, то есть внеземных, делах. Если же допустить, что церковь будет оказывать хоть малейшее влияние на руководство народом и идейное воспитание молодежи, то она захочет играть здесь первую роль, и обманывается тот, кто полагает, что частичными мерами может сделать ее своим союзником.

Все ее отношения к мирским делам и порожденные этим политические интересы делают, по его мнению, неизбежным выступления католической церкви Испании против режима Франко, а значит, вполне возможно возникновение угрозы новой революции. Испанцам, возможно, уже очень скоро своей кровью придется платить за то, что Франко признал за церковью власть в государстве и в отличие от Италии и Германии революции в подлинно национальных масштабах здесь, к сожалению, не получилось».

Генри Пикер. Указ. соч. С. 353–354.

«Сообщение ДНБ (Немецкое информационное бюро). Мадрид, 6 июня. (1942) Губернатор Барселоны за несколько дней до начала праздника тела Христова издал следующее распоряжение: с целью обеспечить наибольшую поддержку церковным учреждениям и во всех случаях гарантировать соблюдение порядка всем участникам шествий в дни празднования тела Христова строжайше запрещено надевать полностью или частично фалангисгскую форму или форму фалангисгской милиции. Исключение допускается только в отношении руководителя местной организации и его почетного эскорта,

которым ранее было дано на это специальное разрешение».

Из сообщения явствует, что националисты добились этого запрета через церковные власти, поскольку несколько недель назад у них произошли различные инциденты с «Фалангой» как с официальной государственной партией. Характерно также, что мадридская газета «Арриба», протестуя против запрета на ношение униформы, приводит следующий довод: постоянное ношение голубой рубашки есть почетный долг, и всякий, кто препятствует этому, достоин презрения.

В связи с этим сообщением шеф заметил, что на этом примере отчетливо видно, как испанское государство неудержимо несется к новой катастрофе. Именно попы и монархисты, которые также являются заклятыми врагами национального возрождения Германии, объединились в Испании для того, чтобы взять в свои руки власть над народом. Стоит ли удивляться тому, что если однажды дело дойдет до новой гражданской войны, фалангисты и «красные» объединятся тогда, чтобы совместными усилиями покончить с монархистами и поповским отребьем. Можно лишь пожалеть о том, что кровь, пролитая совместно фалангистами, фашистами и национал-социалистами во время прошлой гражданской войны, не принесла лучших плодов. В Испании, к сожалению, всегда находится человек, готовый дать себя использовать в политических гешефтах церкви. Один из людей такого типа — нынешний испанский министр иностранных дел Суньер, к деятельности которого он с момента первой встречи относился с большим скепсисом, хотя наш посол с поразительным непониманием фактов представлял его как самого большого в Испании друга Германии». Рамон Серрано Суньер, зять генерала Франко, в 1940–1942 годах — испанский министр иностранных дел; еще в бытность свою министром внутренних дел 16.IX.1940 года посетил Берлин и был принят Гитлером, который сразу же под впечатлением первого знакомства и вопреки мнению германского посла в Мадриде Шторера проникся недоверием к этому «иезуиту». Между тем парадокс заключался в том, что Серрано Суньер пользовался репутацией прогерманского политика, а именно поэтому Франко, стремившийся удержаться на позициях нейтралитета в конфликте между Германией и союзными западными державами, счел необходимым заменить министра иностранных дел и назначил 6.IX.1942 года на этот пост вместо своего зятя генерала Иордана.

Генри Ликер. Указ. соч. С. 355–356, 358–359.

За ужином генерал Йодль сообщил шефу, что раненым

солдатам и офицерам из «Голубой дивизии» после пересечения ими испанской границы было запрещено воспользоваться следовавшим до Мадрида скорым поездом, и когда они затем попытались войти в багажный вагон, то военный губернатор поднял по тревоге пехотную роту и приказал увести их.

Фельдмаршал Кейтель упомянул в связи с этим, что солдат и офицеров «Голубой дивизии» подвергли такой дискриминации, очевидно, потому, что голубой цвет — это цвет униформы тех первых фалангистов, которые не состояли в союзе с церковью, в то время как теперь, для того чтобы вступить в «Фалангу», требуется разрешение приходского священника.

Шеф согласился с тем, что развитие событий в Испании не дает оснований для оптимизма. Франко, очевидно, не настолько выдающаяся личность, чтобы разрешить политические проблемы Испании, не прибегая к помощи церкви. А между тем Франко начинал в гораздо лучших условиях, чем он и дуче. Ведь и ему и дуче после взятия власти в государстве первым делом пришлось думать о том, как привлечь на свою сторону вооруженные силы. Франко же не только обладал политической властью, но и держал под своим контролем армию. Видимо, он так и не смог полностью избавиться от влияния Суньера, хотя Суньер просто олицетворяет собой ту политику, которую проводят попы, и явно ведет с державами «оси» нечестную игру.

Собственно говоря, попы — полные идиоты. Ибо их стремление, используя Суньера, повлиять на ситуацию в Испании в реакционном духе и реставрировать монархию может вызвать только новую гражданскую войну. И в ней им всем точно суждено погибнуть.

В ответ на реплику генерала Йодля о том, что здесь явно не обошлось без английских фунтов и, возможно, Англия намеревается таким образом открыть «второй фронт», шеф указал на то, что нынешний режим в Испании ни в коем случае нельзя сравнивать с национал-социалистским или фашистским.

Доктор Тодт, у которого в исправительно-трудовых лагерях работали испанцы из числа «красных», регулярно информировал его о том, что они вовсе не считают себя «красными» в нашем понимании этого слова. Сами они называют себя революционерами и настолько прилежны и трудолюбивы, что заслужили признательность с нашей стороны. И поэтому самое разумное будет иметь под рукой как можно больше испанцев из числа «красных», начиная с тех сорока тысяч, что находятся в наших лагерях, на случай начала в Испании новой гражданской войны.

Посланник Хевель рассказал затем, что видел в Мадриде

занятых на уличных работах солдат без оружия и знаков различия, которых охраняли вооруженные солдаты со знаками различия на униформе. Он думает, что это были испанцы из числа «красных», и полагает, что уж если этих заключенных решили использовать на уличных работах, то целесообразней было бы снять с них военную форму. Фельдмаршал Кейтель согласился с ним, заявив, что к испанской армии нельзя подходить с нашими мерками. Во время встречи фюрера с генералом Франко на него просто ошеломляющее впечатление произвела их гвардейская рота почетного караула, поскольку винтовки у солдат были покрыты таким налетом ржавчины, что из них нельзя было ни одного выстрела произвести, для этого их нужно было чистить и чистить. Когда была достигнута договоренность о встрече фюрера с Франко, то адмирал Канарис предупреждал его, что фюрер будет разочарован, увидев перед собой не героя, а весьма хитрого субъекта — попросту говоря, изворотливого дипломата.

Шеф заметил в связи с этим, что франкистам крепко повезло, поскольку в первой гражданской войне им оказали помощь фашистская Италия и национал-социалистская Германия. Ибо, как уверяли сами «красные», вовсе не сходство идеологий, а тот факт, что просто больше неоткуда было ждать помощи, побудил их пойти на союз с Советами и вынудил следовать политическим курсом, который на самом деле их вовсе не устраивал.

Во всяком случае, ясно одно: если уж говорить о том, что силы небесные своим вмешательством решили исход войны в пользу франкистов, то это было вмешательство не со стороны удостоенной маршальского жезла Божьей матери, а со стороны немецкого генерала фон Рихтхофена, который с «небесных высот» ниспослал свои самолеты на так называемых «красных».

Когда посланник Хевель заявил, что даже испанская элита полностью разложилась и к тому же никого и слушать не желает, то шеф заметил, что, слава богу, «красные» и фалангисты, которые трудятся в системе «Организации Тодта», отличаются высокой дисциплинированностью и у нас есть все основания использовать как можно больше этих людей в наших целях.

Но, к сожалению, крайне затруднительно найти в Испании выдающуюся личность, которая могла бы там навести порядок. Ибо это не столько военная, сколько внутриполитическая проблема. Прежде всего нужно решить продовольственный вопрос, а это, учитывая, что большинство населения неисправимые лентяи и их лень стала уже притчей во языцех, чрезвычайно сложно.

Обладает ли генерал талантом политика, покажет будущее.

Во всяком случае, следует по мере возможностей способствовать популярности генерала Муньоса Грандеса, поскольку он энергичный человек и есть надежда, что именно ему, скорее всего, удастся разрешить эти проблемы. И его, шефа, очень радует то, что в последний момент удалось предотвратить смещение этого генерала с поста командира «Голубой дивизии», к чему так стремились сторонники Суньера. Ибо «Голубая дивизия», возможно, еще сыграет решающую роль в свержении нынешнего режима и покончит с засильем попов.

Генри Пикер. Указ. соч. С. 423–425.

«В Токио решительно отрицают утверждения испанцев относительно зверств, которым якобы подвергаются испанские граждане на Филиппинах. Я тоже думаю, что все это не так. Франко воспользовался подвернувшейся ему возможностью переметнуться на сторону американцев после того, как ему не удалось пристроиться к англичанам. Японцы также объясняют действия Франко происками США».

Йозеф Геббельс. «Последние записи».

Смоленск, 1993. С.284.

«….Рабочие и крестьяне в июле 1936 года дали отпор восстанию Франко. Германия и Италия сражались на стороне Франко. Англия и шедшая у нее на поводу Франция были сторонницами невмешательства. Советский Союз занял выжидательную позицию.

В октябре (1936 г. — *А. Е.*) Сталин начал поставлять оружие, правда, годное разве что для музея. При этом потребовал за это оплаты в золоте и использовал в дальнейшем эти поставки в качестве рычага. Когда мадридское правительство обратилось к Москве за военной помощью, коммунисты в него еще не входили, они считались… малозначительной партией. Однако, после того как тысячи советских «советников» заняли ключевые посты и создали секретную службу, ставшую государством в государстве, и со всей свирепостью обрушились на социальную революцию, ситуация быстро изменилась. Сам по себе правильный аргумент в пользу удовлетворения военных требований в первую очередь использовался как прикрытие. Объектом и субъектом «коммунизации» стали интернациональные бригады, те части, в которых собирались антифашисты из разных стран и

всевозможных оттенков и без которых дело республики потерпело бы поражение гораздо раньше. Впрочем, московские коммунисты были за социальную революцию, но только под своим контролем».

Вилли Брандт. «Воспоминания».

М., 1991. С. 120.

«Зачастую упрощенный взгляд на вещи приводил ко всяким заблуждениям и путанице: петеновцы, Франко и Салазар, греческие полковники-путчисты — всех их изображали людьми, достойно представляющими ценности Запада».

Вилли Брандт. Указ. соч. С. 406.

«В ночь на 18 июля 1936 года радио Сеуты послало в эфир сообщение: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был условный сигнал для начала мятежа. План заговорщиков предусматривал одновременное военно-фашистское восстание в различных районах континентальной Испании под руководством генералов Санхурхо, Мола, Кейпо де Льяно и др., а также в Марокко, где командовать мятежниками должен был генерал Франко. Лидеры мятежа, относившиеся к народным массам с величайшим презрением, были уверены, что в течение 48 часов им удастся низвергнуть республиканское правительство и захватить власть в свои руки… Франко занял Кордову и Бадахос, где устроил кровавую баню республиканцам. Однако дальше… продвинуться не смог. Мятеж явно выдыхался, и будь Испания предоставлена самой себе, Республика победила бы уже во второй половине августа (1936 г. — *А. Е.*)».

И. М. Майский. «Национально-революционная война испанского народа и Советский Союз».

Под знаменем Испанской республики.

1936–1939. Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании.

М., 1965. С. 25, 27.

«Это было зрелище, исполненное пафоса и трагизма (обсуждение в Лиге наций испанского вопроса на 101-й сессии

этой организации в мае 1938 г. — *А. В.)*. Наконец резолюция (с требованием осудить итало-германскую интервенцию в Испании. — *А. В.),* предложенная сеньором дель Вайо, была поставлена на голосование. «Нет», — произнесенное среди мертвой тишины лордом Галифаксом (министром иностранных дел Великобритании в 1938–1940 гг. — *А. Е.)* и Жоржем Боннэ (министром иностранных дел Франции в 1938–1939 гг. — *А. Е.),* прозвучало как пощечина. Напряжение в зале становилось невыносимым. Один только советский представитель (М. М. Литвинов. — *А. Е.*) поддержал республиканскую Испанию…Сеньор дель Вайо и его спутники вышли с заседания смертельно бледные, но с высоко поднятой головой. У входа в отель французского министра иностранных дел окружают журналисты, ему кричат: «Вы умертвили Испанию!» Побледневший Боннэ удирает от журналистов».

Андре Симон (французский журналист).

З. Шейнис. «Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек».

М., 1989. С. 354.

ХРОНОЛОГИЯ

1885–1902 — регентстве королевы Марии Кристины в годы малолетства Альфонса XIII.

1892, 4 декабря — родился Франсиско Франко Баамонде.

1898, апрель-декабрь — испано-американская война.

1902–1931 — царствование короля Альфонса XIII.

1902 — всеобщая стачка в Барселоне.

1909 — восстание рабочих в Барселоне в знак протеста против захватнической войны в Марокко.

1910 — по окончании пехотного училища в Толедо младший лейтенант Ф. Франко направляется в 8-й пехотный полк в Эль-Ферроль.

1912 — Франко вступает в колониальные войска.

1916, июнь — в сражении при Биутце Франко получает тяжелое ранение.

1917, февраль — Ф. Франко произведен в майоры.

1920, 31 августа — создан Иностранный легион «Терсио», командиром первой бандеры которого месяцем спустя стал Франко.

1921 — разгром испанских войск в Марокко.

1923, июнь — подполковник Ф. Франко, получивший свой чин за «особые заслуги» в войне против Риффской Республики (Северное Марокко) награжден «Военной медалью». Он возглавляет легион «Терсио».

1923, 13 сентября — генерал Примо де Ривера, с согласия короля Альфонса XIII, совершил государственный переворот, вследствие чего была установлена военно-монархическая диктатура фашистского типа (1923–1930).

1923, октябрь — Франко женится на Кармен Поло, принадлежавшей к одной из самых богатых и знатных семей Астурии.

1927 — Испания совместно с Францией завершает оккупацию Марокко.

1927 — Приме де Ривера назначил Франко (к тому времени уже генерала) начальником Высшей военной академии генерального штаба в Сарагосе.

1930, 28 января — отставка генерала Примо де Риверы. Конец военно-монархической диктатуры.

1931, апрель — в результате буржуазно-демократической революции в Испании свергнута монархия и установлена республика.

1931, 9 декабря — принята конституция, объявившая Испанию «демократической республикой трудящихся всех классов, подчиняющейся режиму свободы и справедливости».

1932, 13 февраля — Франко назначен командиром 15-й пехотной бригады в Ла-Корунье.

1933, осень — сближение Франко с Хилем Роблесом, создателем и лидером Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА), блока католических организаций, насчитывавшего несколько сотен тысяч членов.

1934, март — Франко получает звание дивизионного генерала.

1934, 5 октября — всеобщая политическая стачка в Астурии в знак протеста против вхождения трех членов СЭДА — откровенных реакционеров — в правительство.

1934, октябрь — Франко участвует в карательных акциях против астурийских «мятежников».

1936, 26 января — Франко прибывает в Лондон на церемонию похорон короля Георга V.

1936, 16 февраля — победа Народного фронта на парламентских выборах в Испании.

1936, 8 марта—совещание в доме биржевого дельца Дельгадо «африканцев» (генералов, участвовавших в свое время в боевых действиях в Марокко) с присутствием Франко.

1936,13 июля — убийство Кальво Сотело, лидера правого «Национального блока».

1936, 17 июля — начало военного мятежа в Марокко.

1936, 19 июля — Франко прибывает в Марокко. Он направляет письмо Гитлеру с просьбой оказать помощь мятежникам.

1936, конец июля — начало августа — нацистская Германия и фашистская Италия начинают оказывать помощь франкистам.

1936, 6 августа — юго-западная группировка мятежников под командованием Франко начала марш на Мадрид.

1936, 12 сентября — на заседании «Хунты национальной обороны» Франко назначается главнокомандующим силами мятежников и получает звание генералиссимуса.

1936, 29 сентября — мятежники вручают Франко верховную гражданскую власть и отныне он именуется главой государства.

1936, осень — битва за Мадрид.

1937, март — разгром итальянского экспедиционного корпуса, помогавшего франкистам в битве под Гвадалахарой.

1937, 19 апреля — монархисты, карлисты и фалангисты объединяются в единую партию «Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС».

1938, 19 марта — правительство Франко издает декрет об «утверждении Хартии труда», в которой отражены программа и устав фаланги.

1939, 28 марта — наступление франкистов на всех фронтах; вступление подразделений франкистов в Мадрид.

1939, 1 апреля — Франко официально заявляет об окончании гражданской войны.

1940, 23 октября — встреча Франко и Гитлера на франко-испанской границе на станции Эн-дай.

1941, февраль — встреча Франко с Муссолини и их переговоры в Бордигера.

1941, октябрь — 1943, ноябрь — так называемая «Голубая дивизия», сформированная в Испании, участвует в боевых действиях на Новгородском и Ленинградском фронтах совместно с немецко-фашистскими войсками.

1942, осень — Франко пытается установить контакты с Англией и США, с целью спасти гитлеризм путем заключения сепаратного мира между США и Англией, с одной стороны, и фашистской Германией — с другой.

1945, 8 мая — Испания официально объявляет о разрыве дипломатических отношений с Германией и о конфискации всей собственности государств оси («Рим — Берлин — Токио»), находящейся в Испании.

1945, 17 июля — издана так называемая Хартия испанцев — основной закон, регулирующий права и обязанности испанских граждан.

1945, 22 октября — принят «Закон о народном референдуме».

1947, 6 июля — в Испании проведен референдум по вопросу о восстановлении монархии.

1947, 26 июля — Франко подписал «Закон главы государства о наследовании поста главы государства», согласно которому Испания провозглашалась королевством и заявлялось, что «Главой государства является каудильо Испании и Крестового похода, Генералиссимус вооруженных сил дон Франсиско Франко Баамонде».

1948, 25 августа — встреча Франко и Дона Хуана на яхте «Асор».

1955, 18 января — прибытие принца Хуана Карлоса в Мадрид.

1956, осень — отказ Франко от «концепции экономического национализма», постепенный переход к модернизации испанской экономики.

1959, июль — подписание «Плана экономической

стабилизации».

1969, 23 июля — Хуан Карлос был назначен Франко и утвержден кортесами будущим королем Испании в соответствии с Законом о наследовании.

1975, 20 ноября — смерть Франсиско Франко.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аскарте М. и Сандоваль Х. 986 дней борьбы. М.,1964.

Галан Х. М. Крушение монархии в Испании. М., 1959.

Гарсиа Х. Испания XX века. М., 1967.

Диас Х. Под знаменем Народного фронта. М., 1937.

Ибаньес Б. Разоблаченный Альфонс XIII. М.,1925.

Ибаррури Д. Речи и статьи. 1936–1938. М., 1938.

Ибаррури Д. Национально-революционная война испанского народа (1936–1939) // Вопросы истории. 1953. № 11.

Испания. 1918–1972 гг. Исторический очерк. М., 1972.

Испанский народ против фашизма. Сборник. М., 1963.

Кокс Д. Оборона Мадрида. М., 1937.

Кольцов М. Испанский дневник. М., 1957.

Майский И. Испания. 1808–1917. М., 1957.

Майский И. М. Испанские тетради. М., 1962.

Мы — интернационалисты. Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании. М., 1986.

Под знаменем Испанской республики. 1936–1939. Воспоминания советских добровольцев— участников национально-революционной войны в Испании. М., 1965.

Пожарская С. П, Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971.

Пожарская С. П. Генералиссимус Франко и его время // Новая и новейшая история. 1990. № 6. *Пономарева Л. В.* Испанский католицизм XX века. М., 1989.

Прицкер Д. П. Подвиг Испанской республики. 1936–1939. М., 1962.

Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании. Сборник. М., 1960.

Савич О. Два года в Испании. М., 1961. *Сиснерос И. И.* Меняю курс. Мемуары. М., 1967. *Смирнов Б.* Испанский ветер. Воспоминания советского летчика. М., 1963.

Сориа Ж. Война и революция в Испании. Т. 1–2. М., 1987.

Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.

Тунъон де Лара М. Испания накануне гражданской войны // Проблемы испанской истории. М., 1971.

Arraras J. Franco. Valladolid, 1939.

Crozier B. Franco. A Biographical History. Lnd., 1967.

Dzelepy E.-N. Franco, Hitler et les Allies. Bruxelles, 1961.

Franco F. Palabras del cauidillo. 19 abril 1937 — 7 deciembre 1942. Madrid, 1943.

Franco F. Discursos y Mensajes del Jefe del Estado. 1951–1954. Madrid, 1955. Franco-Salgado-Aranjo. Mis conversiones privades con Franco. Barcelona, 1976.

Galinsoga L. de Centinela de Occidente. Semblenza biografica de Francisco Franco. Madrid, 1959. *Georgel J.* Le Franquisme. Historie et Bilain (1939–1969). Paris, 1970.

Hill G. Franco. The Man and His Nation. N. Y., 1967. *Martin C.* Franco, soldat et Chef d'Etat. Paris, 1959. *Payne S.* Franco's Spain. N.Y., 1967.

Payne S. The Franco Regime. 1936–1975. Wisconsin, 1987.

Ramirez L. Franco. Paris, 1965.

Salva M. F. Francisco Franco. Barcelona, 1959. *Suarez L.* Franco y su tiempo. Madrid, 1984. V. 1–8.

FB2 created by

mefysto

notes

Примечания

1

Геббельс Й. Последние записи. Смоленск, 1993. С. 66.

2

См.: Под знаменем Испанской республики. Воспоминания. М., 1965; Мы — интернационалисты. Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании. М.,1986, и др.

3

Хосе Гарсиа. Испания XX века. М., 1967. С. 275, 280.

См.: Испания 1918–1972 гг. Исторический очерк. М., 1975/

5

Пожарская С. П. Генералиссимус Франко и его время // Новая и новейшая история. № 6, 1990. С. 164.

6

Рахшмир П. Ю. Гитлер Иоахима Феста / Фест И. К. Гитлер. Пермь, 1993. Т. 1. С. 19.

7

Испанские короли. 18 исторических портретов от средних веков до современности / Под ред. В. Л. Бернекера и др. Ростов-на-Дону,1998. С. 424.

Пожарская С. П. Указ. соч. С. 185.

Пожарская С. П. Указ. соч. С. 184–185.

10

Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1996. С. 161.

11

Gallego (исп.) — галисиец.

12

Старые институции — т. е. традиционные учреждения.

13

Гетерогенный — т. е. неоднородный.

14

Pronunciamento, пронунсиаменто — в Испании и странах Латинской Америки государственный переворот, а также призыв к перевороту *(прим. перев.)*.

15

Антанта (франц. «сердечное согласие») — сложившийся в 1904–1907 гг. союз Англии, Франции и России *(прим. перев.)*.

16

Шериф — почетный титул в арабских странах *(прим. перев.)*.

17

Presidio (исп.) — гарнизон; крепость, форт.

18

РИФ — местность в Северо-Западной Африке (*прим. перев.)*.

19

Союзы обороны (исп.).

20

Употребляемое автором слово «хунта» (junta) в испанском языке означает «руководство, руководящий орган; организация, объединение, союз» и др. Для нашего читателя более привычен негативный смысл этого слова, однако в СССР в соответствующий период употреблялось словосочетание «республиканская хунта обороны Мадрида» (*прим. перев.)*.

21

Рауль Салан (1899–1984) — французский генерал, противник алжирской политики генерала де Голля, в 1961 г. поддержал военный путч в Алжире и стал во главе организации Organisation de L'Armee Secrete (OAC). Заочно был приговорен к смертной казни, которая после его ареста была заменена пожизненным заключением, а в 1968 г. помилован.

22

Старейшие элитарные военные училища соответственно в США, Великобритании и Франции *(прим. перев.)*.

23

Гражданская гвардия (исп.).

24

Конкордат — договор между правительством какого-либо государства и Ватиканом, определяющий взаимоотношения государства и католической церкви в данной стране *(прим. перев.)*.

25

Штурмовая гвардия (исп.).

26

Похороны короля Георга V состоялись 26 января 1936 г.

27

Михай Карольи (1875–1955), венгерский политик, в 1913–1916 гг. — лидер партии независимости. После провозглашения народной республики 16.11.1918 г. стал президентом и оставался на этом посту до 21.03.1919 г., однако не смог воспрепятствовать дальнейшей радикализации внутриполитической жизни государства. С 1919 по 1945 г. — в эмиграции, в 1947–1949 гг. посол Венгрии в Париже, затем снова в эмиграции *(прим. перев.)*.

28

Не хотим катехизеса, потому что хотим коммунизма! (исп.).

29

Служба безопасности (исп.).

30

Национальное восстание (исп.).

31

Война с маврами за возврат испанских земель *(прим. перев.)*.

32

Титул испанских королей, начиная с 1496 г. *(прим. перев.)*.

33

Протокол Хосбаха — записки полковника, впоследствии генерала Фридриха Хосбаха (в 1934–1938 гг. адъютант Гитлера) о ходе состоявшегося 15.11.1937 г. совещания Гитлера с представителями верховного главнокомандования вермахта, составленные автором по памяти. На совещании Гитлер заявил о возможности решить «вопрос пространства» в Европе в обозримом будущем, не позднее 1943–1945 гг., с применении силы. В качестве срока вторжения в Австрию и Чехословакию назывался 1938 г. *(прим. перев.)*.

34

Социальная помощь (исп.).

35

Ex postfacto (лат.) — после свершившегося.

36

Крестовый поход (исп.).

Т. е. государств, подписавших договор.

38

14 июня, в день падения Парижа, испанскими войсками был оккупирован порт Танжер, в нарушение его международного статута.

39

В ходе войны с Наполеоном, в августе 1808 г. в бухте Мондего (Португалия), высадился британский экспедиционный корпус под командованием А. Уэллесли.

40

Речь идет о визите в Берлин (осенью 1940 г.) председателя Совета Народных Комиссаров В. М. Молотова, проведшего раунд переговоров с Гитлером, которые, однако, ни к чему не привели.

41

Имеются в виду поражения итальянских войск в Греции осенью 1940-го — зимой и весной 1941 г.

42

Квислинг — изменник, предатель родины, сотрудничающий с национальным врагом. Название дано по имени В. Квислинга, лидера норвежских фашистов, содействовавшего захвату Норвегии Германией в 1940 г. *(прим. перев.)*.

43

Конференция глав правительств СССР, США, Великобритании, принявшая согласованные решения по важнейшим вопросам послевоенного урегулирования международных проблем. Проходила в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 г.

44

Бой быков (исп.).

45

Конный эскорт (исп.).

Название профессиональных союзов в Испании, Франции и некоторых других странах *(прим. перев.)*.

47

Opus Dei — «Творение Божье» (лат.) — католическое объединение, возникшее в 1950 г. и носившее светский характер *(прим. перев.)*.

Abrazo — объятие (исп.).

49

Organization for Economic Cooperation and Development (прежнее название — Organization for European Economic Cooperation) — Организация международного сотрудничества и развития *(прим. перев.)*.

Особый вид запроса депутата парламента правительству или отдельному министру, ответ на который может быть подвергнут обсуждению в парламенте *(прим. пе рев.)*.

51

Умение проявить благоразумие, осторожность (исп.).

52

Разделяй и властвуй (лат.).

53

От греч. diadochos (преемник) — полководцы Александра Македонского, разделившие после его смерти созданную им империю *(прим. перев.)*

Замечательно! Очень хорошо!

55

Харьковский журналист Г. К. Семенов, автор книг, посвященных боевым действиям советских добровольцев в Испании, работая в архиве, нашел документ о том, что лейтенант Григорий Михайлович Корзинников погиб в Испании в 1938 г. А затем узнал, что полковник в отставке Г. М. Корзинников участвовал в Великой Отечественной войне и живет в Днепропетровске.

56

Леон Блюм (1872–1950) — французский политический деятель, лидер социалистической партии. В июне 1936 г. возглавил правительство, опиравшееся на Народный фронт.

comments

Комментарии

1

Мигель де Унамуно (Unamuno), Мигель де (1864–1937) — испанский писатель. Автор идеалистических философских книг «Жизнь Дон Кихота и Санчо» (1903). «Трагическое чувство жизни у людей и народов» (1913), романа «Мир в войне» (1897), повести «Туман» (1914), поэмы «Христос Веласкеса» (1920), драм. Под влиянием поражения Испании в американо-испанской войне 1898 г. в Испании началось движение за национальное возрождение, проникшее во все сферы культурной, политической и экономической жизни страны. Его лучшие представители вошли в историю под именем «поколения 98 года». Именно к этому поколению принадлежал известный ученый, мыслитель и литератор Мигель де Унамуно. В годы борьбы Испанской республики против фашизма Унамуно осудил лагерь реакции.

2

Т. е. во время царствования в Испании герцога Филиппа Анжуйского — внука французского короля Людовика XIV, унаследовавшего престол (по завещанию) после смерти Карла II Испанского. Таким образом, он явился родоначальником ветви испанских Бурбонов. Годы его правления (1700–1724; 1724–1746).

3

Иезуиты (лат. Societas Jesu) — «Общество Иисуса» — католический монашеский орден, очень влиятельный в Испании; основан Игнатием Лойолой в 1534 г., утвержден в 1540-м папой римским Павлом III. По уставу иезуитов главные задачи ордена: борьба за сохранение в неприкосновенности католического вероучения и его распространение, борьба за укрепление неограниченной власти папы. Орден иезуитов располагал многочисленными иезуитскими школами и коллегиями в разных европейских странах, в первую очередь — в Испании. Школа «Санта Крус» буквально означает школа «Святого Креста».

4

Испания утратила прочное единство (1808) — имеется в виду то, что после отречения Карла IV и его сына Фердинанда от испанского престола весной 1808 г. (6 июня 1808 г.) Наполеон при участии совета Кастилии специальным декретом провозгласил своего брата Жозефа королем Испании. Следствием этого события явилась национально-освободительная война испанского народа против оккупантов французов, продолжавшаяся вплоть до 1814 г.

5

Во время освободительной войны — речь идет о национально-освободительной войне испанского народа против французских оккупантов в 1808–1814 гг.

6

Кортесы (исп. cortes) — название парламента в Испании (и Португалии до 1910 г.). Первоначально кортесами назывались органы сословного представительства в государствах Пиренейского полуострова.

7

Цех — объединение ремесленников одной или родственных специальностей в феодальном городе; наибольшее развитие получили в Западной Европе. Расцвет цехов относится к XIII–XIV вв. Цехи защищали своих членов от конкуренции ремесленников, не входивших в цехи. Они регламентировали производственный процесс и сбыт, праздничные и рабочие дни, продолжительность рабочего дня, число учеников и подмастерьев у каждого мастера, качество и цену изделия и др. Подобно другим средневековым корпорациям, цехи распространяли влияние на все стороны жизни своих членов. Цехи активно участвовали и в политической жизни средневекового города. Сначала они принимали участие в общей борьбе горожан с сеньорами города, затем возглавили борьбу против патрициата: во Флоренции, Генте и др. городах они добились победы и захватили в свои руки управление. В XV–XVI вв. начинается разложение цеховой организации. С развитием капитализма (в XVI в.) цехи с их мелочной регламентацией все более и более сковывают развитие производства. Цеховая система разрушалась: господствующая роль в техническом и экономическом развитии переходила к капиталистической мануфактуре. В конце XVIII–XIX вв. цехи были отменены законодательно.

8

Король, на тот момент еще находившийся во французской эмиграции — правильнее было бы сказать в плену, так как, отрекшийся от испанского престола Фердинанд VII, после этого был перевезен во Францию в замок Валансэ, где и находился до марта 1814 г.

9

После того как французские оккупационные войска освободили его из столь затруднительной ситуации. В 1823 г., в соответствии с решениями Веронского конгресса (1822) государств— участников Священного Союза, 100000 французская армия под командованием герцога Ангулемского вторглась в Испанию и задушила начавшуюся там революцию.

10

Мария Кристина, четвертая супруга покойного, убедила мужа перед смертью внести изменения в право престолонаследия — Мария Кристина, будучи племянницей Фердинанда VII, вышла за него замуж 11.12.1829 г. От этого брака родилась дочь Изабелла (10.10.1830 г.), будущая королева Испании Изабелла II. К негодованию своего брата Карлоса и его сторонников, Фердинанд VII повелел обнародовать утвержденную в 1789 г. кортесами, однако хранимую в тайне «Прагматическую санкцию», которая отменяла введенный в Испании в 1713 г. Филиппом V салический, ограниченный мужскими потомками порядок престолонаследия.

11

Изабелла II уже в возрасте тринадцати лет — т. е. в 1843 г.; 18 сентября 1868 г. адмирал Топе-те поднял в Кадисе пронунсиаменто «Славную революцию» («Gloriosa»). Во многих частях Испании власти были вытеснены революционными комитетами. Революционный комитет Мадрида провозгласил своей целью изгнание из Испании семьи Бурбонов. Изабелла, находившаяся в это время в Сан-Себастьяне, не предприняла никаких шагов для защиты своего трона, бежав во Францию, где ей был оказан радушный прием императором Наполеоном III.

12

Кановас дель Кастильо Антонио (1828–1897) — видный испанский государственный деятель, историк, лидер консервативной партии. С 1874-го по 1897 г. шесть раз возглавлял совет министров бурбонской монархии. Основой всей его политической деятельности была испанская конституция 1876 г.

13

Сагаста Матео (1827–1903) — видный испанский государственный деятель, лидер либеральной партии, неоднократно занимал пост председателя совета министров после реставрации в 1874 г. монархии Бурбонов. Содействовал укреплению помещичье-буржуазного блока для защиты монархической конституции 1876 г.

14

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — русский революционер, один из идеологов анархизма. В 1836–1840 гг. жил в Москве; в этот период был по своим философским взглядам идеалистом-гегельянцем. В 1840 г. Бакунин выехал за границу, жил в Германии, Швейцарии и Франции. В 1848 г. принял участие в славянском съезде в Праге и в Пражском народном восстании (12–17 июня). В 1849 г. руководил восстанием в Дрездене, был приговорен к смертной казни. В 1851 г. был выдан царскому правительству; до 1857 г. находился в заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях; после написания «Исповеди» и покаянного письма царю был выслан в Сибирь. В 1861 г. бежал в Англию; в 1864 г. встретился с К. Марксом и был принят в 1-й Интернационал. К концу 60-х гг. окончательно сложились политические взгляды Бакунина, как анархистские и мелкобуржуазные. Основным положением Бакунина является отрицание всякого государства, и в том числе диктатуры пролетариата, непонимание исторической роли пролетариата. Бакунин отрицал необходимость создания партии рабочего класса, требовал «уравнения» классов. Главной силой, способной разрушить «всякое» государство, Бакунин считал, в первую очередь, люмпен-пролетариат и крестьянские массы. К. Маркс неоднократно подвергал резкой критике взгляды и деятельность Бакунина. В 1868 г. Бакунин организовал «Международный альянс (союз) социалистической демократии», который был принят Генеральным советом в Интернационал на правах одной из женевских секций. Тайно же альянс со своей анархической программой продолжал существовать как международная организация. В 1872 г. за дезорганизаторскую деятельность Бакунин был исключен из Интернационала.

Анархистскому мировоззрению Бакунина соответствовала его авантюристическая тактика организации бунтов, ибо он полагал, что крестьянство в России уже готово подняться на восстание. Идеи Бакунина оказали большое влияние на часть разночинной интеллигенции и на народническое движение 70-х гг. в России. На Западе идеи Бакунина находили отклик среди мелкобуржуазных слоев, люмпен-пролетариата и наиболее отсталых слоев рабочего класса, особенно в таких странах, как Италия и Испания.

15

Речь идет о муже Лауры Маркс — второй дочери К. Маркса. Поле Лафарге (1842–1911), деятеле французского и международного рабочего движения.

16

В начале 1895 года мятежники развязали на Кубе и Филиппинах крупные восстания — речь идет о национально-освободительных восстаниях. Против повстанцев на Кубе действовала 200-тысячная карательная армия генерала Вейлера.

17

Анархисты и партикуляристы Каталонии развязали кровавый мятеж. По соглашению с Францией (1904), к Испании перешла часть Марокко, ставшая испанским протекторатом. В июле 1909 г. в испанской зоне Марокко имел место крупный вооруженный инцидент, в связи с чем 11 июля (1909) появился декрет о мобилизации резервистов и даже лиц, освобожденных от военной службы. По всей стране пролетарские и республиканские силы приступили к организации антимилитаристских выступлений. Когда 26 июля 1909 г. в Каталонии стало известно о мобилизации 20 тыс. каталонских резервистов, по всей области вспыхнула всеобщая забастовка. Бастовали рабочие Барселоны, текстильщики Сабаделя, Матаро, Манресы, Реуса и других промышленных центров. На следующий день утром в рабочих кварталах Барселоны появились первые баррикады. В этот день вся Каталония была объявлена на осадном положении. В Барселоне и ее рабочих кварталах происходили вооруженные стычки между рабочими и жандармами. Ночью 27 июля в Барселоне горело более 30 зданий, среди которых были монастыри св. Антония и св. Петра и ряд церквей. Правительство Мадрида, испуганное событиями в Барселоне, наводнило Каталонию отрядами полиции и регулярной армии. Начались массовые аресты и жестокое подавление революционной и антимилитаристской борьбы каталонского пролетариата. Главным организатором восстания в Каталонии был объявлен Франсиско Феррер — один из теоретиков испанского анархизма, ярый антиклерикал и сторонник свободной от влияния церкви и государства «светской школы». Феррер был предан военному суду и расстрелян в октябре 1909 г. Путем грубого насилия стоявшее у власти правительство Мауры сумело усмирить бунтующую. Каталонию. «Кровавая неделя» 1909 г. свидетельствовала о том, что проблема Марокко превратилась в одну из волнующих и центральных проблем Испании. Это были события, подтвердившие не словами, а кровью огромную непопулярность в стране колониальной политики бурбонской монархии в Северной Африке.

18

Танненберг, Люттих и Верден — автор перечисляет крупные военные операции, проведенные противоборствующими сторонами в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: сражение при Танненберге 26–31 августа 1914 г., сражение под Верденом 21 февраля-18 декабря 1916 г. и др.

19

Мигель Примо де Ривера — Примо де Ривера Мигель (1870–1930) — испанский генерал, военный диктатор с 1923-го по 1930 г. Окончив в 1890 г. Военную академию в Толедо, участвовал в 1895 г. в войне на Кубе и в 1897 г. в военных операциях на Филиппинах. В 1909, 1911 и 1913 гг. принимал участие в военных действиях Испании в Марокко. С 1919 по 1923 г. занимал пост военного губернатора Кадиса, Валенсии, а затем Барселоны и Мадрида. После семи лет диктаторской власти эмигрировал во Францию, где и умер.

20

де Голль Шарль (1890–1970) — французский политический деятель, генерал. В 1920 г. входил в состав французской военной миссии, руководившей действиями белополяков в войне против Советского государства. В 1932–1936 гг. — генеральный Секретарь Высшего совета обороны Франции. После капитуляции Франции, в период второй мировой войны (июнь 1940 г.) возглавил в Лондоне Комитет Свободной (с июля 1942 г. — Сражающейся) Франции, в июне — ноябре 1943-го — один из двух председателей Французского национального комитета освобождения (ФНКО), затем (до июня 1944 г.) его единственный председатель. С июня 1944-го по январь 1946 г. — глава Французского правительства (до ноября 1945 г. — Временного). 10 декабря 1944 г. возглавляемое де Голлем правительство заключило с СССР договор о союзе и взаимной помощи. В 1947 г. де Голль создал правую буржуазную партию «Объединение французского народа» (РПФ). С 1958 г. — премьер-министр; возглавляемое им правительство добилось принятия конституции, значительно урезывающей демократические права и свободы. В 1959–1969 гг. — президент Франции.

21

Маршал Петэн — Петэн Анри Филипп (1856–1951) — маршал Франции (1918, лишен звания в 1945 г.). вице-председатель Высшего военного совета в 1925–1931 гг., военный министр в 1934 г., посол в Испании в 1939–1940 гг., вице-председатель совета министров в мае-июне 1940 г., председатель совета министров с 16 июня 1940 г., глава Французского государства в 1940–1944 гг. Приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение.

22

Беренгер Дамасо (1873-?) — испанский генерал, одна из центральных фигур монархической камарильи Альфонса XIII, верховный комиссар Испании и Марокко в 1921 г. С января 1930 г. по февраль 1931 г. — премьер-министр. Был арестован при республике за участие в монархическом путче генерала Санхурхо в 1932 г. В 1936 г. присоединился к военно-фашистскому мятежу генерала Франко.

23

Аснар Хуан-Баутиста (1860–1933) — испанский адмирал и глава последнего монархического правительства Альфонса XIII. В 1923 г. морской министр. В годы диктатуры Примо де Риверы выступал за восстановление конституции 1876 г.

24

Асанья Мануэль (1880–1940) — левый республиканец. С октября 1931-го по сентябрь 1933 г. — премьер-министр Испанской республики. В 1934 г. образовал так называемую левую республиканскую партию. 19 февраля 1936 г. снова глава республиканского правительства, с апреля 1936 г. до конца 1939 г. — президент республики. Сторонник умеренных методов правления на основе чисто буржуазной конституции. Умер в эмиграции во Франции.

25

Леррус Алехандро (1864–1949) — лидер республиканской радикальной партии, образованной в начале XX в. С 1901 г. неоднократно избирался в кортесы. В 1930 г. был членом Революционного комитета, готовившего республиканский переворот. В 1931 г. стал министром внутренних дел первого республиканского правительства. В 1933–1935 гг. возглавлял ряд профашистских правительств, решительно подавляя революционное движение в стране. С 1936 по 1947 г. жил в Португалии, выступая в защиту франкизма. В 1947 г. вернулся в Испанию.

26

15 апреля 1931 г. на борту крейсера «Принц Астурийский» Альфонс XIII отплыл в Марсель, откуда спешно отправился в Париж, где уже находились его жена и дети.

27

Здесь как синоним слова радикальный; якобинцы — мелкобуржуазные французские революционеры, находившиеся у власти во Франции в 1793–1794 гг. (так называемый период якобинской диктатуры во время Великой французской революции 1789–1799 гг.).

28

Хиль Роблес-и-Киньонес Хосе Мария (1898-?) — известный испанский политический деятель. В 30-х гг. возглавил реакционную католическую организацию СЭДА, пытаясь уничтожить республику конституционным путем. Будучи одним из лидеров христианско-демократического движения в стране, выступал за замену диктатуры Франко конституционным режимом, основанным на традициях католицизма и христианской демократии.

29

Диас Хосе (1894–1942) — Генеральный секретарь КПИ с 1932 по 1942 г. Свою политическую и революционную деятельность начал в Севилье в рядах НКТ (Национальной конфедерации труда). В компартию вступил в 1926 г. и стал вскоре подлинным вождем севильских рабочих. За свою революционную деятельность неоднократно подвергался арестам. Пользовался огромной любовью, уважением и влиянием среди рабочих Испании. Умер в Тбилиси.

30

Ибаррури Долорес (Пасионария) — 1896–1989, — выдающийся руководитель КПИ. В 1917 г. вступила в ИСРП и вела активную революционную деятельность среди шахтеров Бискайи. В 1920 г. участвовала в организации первых ячеек компартии в шахтерском городке Соморростро (Бискайя). В качестве одного из руководителей коммунистов Басконии присутствовала на первом съезде КПИ в 1921 г. В 1930 г. избрана членом ЦК КПИ, а в 1932 г., после IV съезда партии, вошла в состав Политбюро. Присутствовала на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. На выборах 16 февраля 1936 г. шахтерами Астурии была избрана депутатом в кортесы. С 1942 г. генеральный секретарь, а с 1960 г. — председатель КПИ.

31

Ларго Кабальеро Франсиско (1869–1946), один из лидеров ИСРП. С 1918 по 1937 г. генеральный секретарь ВСТ, а с 1932 по 1935 г. — председатель ИСРП. В годы диктатуры Примо де Ривера был государственным советником. Участвовал в подготовке октябрьского республиканского переворота в 1930 г. и в вооруженном восстании рабочего класса Испании в октябре 1934 г. С сентября 1936 г. по май 1937 г. — премьер-министр правительства Народного фронта. После окончания войны, в 1939 г., эмигрировал во Францию, а затем, после оккупации ее немецкими войсками, был отправлен в Германию в концентрационный лагерь. В 1945 г. был освобожден Советской Армией. Умер во Франции.

32

Ларго Кабальеро Франсиско (1869–1946), один из лидеров ИСРП. С 1918 по 1937 г. генеральный секретарь ВСТ, а с 1932 по 1935 г. — председатель ИСРП. В годы диктатуры Примо де Ривера был государственным советником. Участвовал в подготовке октябрьского республиканского переворота в 1930 г. и в вооруженном восстании рабочего класса Испании в октябре 1934 г. С сентября 1936 г. по май 1937 г. — премьер-министр правительства Народного фронта. После окончания войны, в 1939 г., эмигрировал во Францию, а затем, после оккупации ее немецкими войсками, был отправлен в Германию в концентрационный лагерь. В 1945 г. был освобожден Советской Армией. Умер во Франции.

33

Примо де Ривера Хосе Антонио (1903–1936), идеолог испанского фашизма, основатель партии «Испанская фаланга» (1933), сын Мигеля Примо де Ривера. По образованию юрист. Один из организаторов фашистского мятежа против республики. В марте 1936 г. за свою антиреспубликанскую заговорщическую деятельность по распоряжению левореспубликанского правительства был арестован, а в ноябре того же года, по решению народного трибунала, расстрелян в Аликанте.

34

VII конгресс Коминтерна (25 июля — 25 августа 1935 г.), состоявшийся в обстановке возросшей угрозы фашизма и войны, вошел в историю как конгресс борьбы за единый рабочий и народный фронт против фашизма и войны. В конгрессе приняли участие представители 65 партий. Конгресс заслушал доклад Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма». Конгресс выдвинул задачу создания единого рабочего и антифашистского народного фронта для борьбы против фашизма и войны, задачу создания политического единства рабочего класса, создания единой пролетарской партии в каждой стране. VII конгресс заслушал доклад П. Тольятти (Эрколи) «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой, мировой войны», указав на необходимость теснейшим образом связать борьбу против войны с борьбой против фашизма, а также доклад Д. З. Мануильского об итогах социалистического строительства в СССР.

После VII конгресса Коммунистический Интернационал и его секции сосредоточили все силы на борьбе против фашизма и угрозы империалистической войны, проводя свою работу на основе тактики единого рабочего и единого народного антифашистского и антивоенного фронта.

35

Аскасо Франсиско (?-1936) — испанский анархо-синдикалистский лидер, отстаивавший тактику террора и «прямого действия». В 1931 г., с установлением республики, вел активную деятельность по подготовке путча анархистов в январе 1932 г. в Льобрегате (Каталония). Погиб при штурме казарм Атарасанес в Барселоне, где окопались фашистские мятежники.

36

Прието Индалесио (1883–1962) — один из главных лидеров ИСРП, центрист и весьма влиятельная фигура политической жизни Испании первой половины XX в. Впервые избран в кортесы в 1918 г., с 14 апреля 1931-го по сентябрь 1933 г. — министр в республиканских кабинетах А. Саморы и М. Асаньи. В годы национально-революционной войны входил во все правительства Народного фронта до апреля 1938 г. С 1939 г. до смерти жил в Мексике.

37

Альварес дель Вайо Хулио (1891-?) — испанский политический деятель и публицист, принадлежавший к левому крылу ИСРП. В 1931 г. впервые был избран депутатом в кортесы. В 1931–1933 гг. был послом Испанской республики в Мексике, в годы войны 1936–1939 гг. — министр иностранных дел. В 1939 г. эмигрировал из Испании и, переселившись в США занимался преимущественно публицистической деятельностью.

38

Кальво Сотело Хосе (1893–1936) — один из вождей испанской реакции и фашизма, министр финансов при диктатуре Примо де Ривера, с 1934 г. лидер фашистской аграрно-клерикальной партии «Испанское возрождение». Его политическая деятельность началась в рядах консервативной партии в 1930 г., когда он был избран депутатом в кортесы. В 30-х гг. вместе с Хосе Антонио Примо де Риверой и другими вождями испанского фашизма стал одним из вдохновителей и организаторов военно-фашистского мятежа против республики.

39

Дуррути Буэнавентура (1896–1936) — видный анархистский лидер Испании, выступавший за чисто анархистские методы борьбы. Был неоднократно арестован и приговорен к смертной казни. Пользовался большим влиянием среди рабочих Каталонии, став одним из вождей НКТ и ФАИ. В 30-х гг. выступал за оказание активного сопротивления фашизму. Когда вспыхнул военно-фашистский мятеж, во главе колонны анархистов сражался против мятежников вначале в Каталонии, затем участвовал в обороне Мадрида, где и погиб.

40

Здесь — решающим днем. 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., в результате государственного переворота, ниспровергшего Директорию, Наполеон Бонапарт захватил государственную власть во Франции

41

Имеется в виду младший брат Наполеона Бонапарта — Люсьен Бонапарт (1775–1840), согласно преданию сыгравший решающую роль в перевороте 18 брюмера.

42

Мюрат Иоахим (1767–1815). Маршал Франции, герцог Клеве и Берга, король Неаполитанский, зять Наполеона. Участник почти всех наполеоновских войн. Обладал исключительным мужеством. Помогал Наполеону захватить власть 18 брюмера, возглавив гренадер, разогнавших Совет пятисот (один из законодательных советов Республики), пытавшийся воспрепятствовать государственному перевороту. Здесь имя Мюрата упомянуто как раз в связи с событиями 18 брюмера.

43

Кулик Григорий Иванович (1890–1950), депутат Верховного Совета СССР, Маршал Советского Союза (1940), Герой Советского Союза (1940). Член КПСС с 1917 г. В гражданскую войну начальник артиллерии ряда армий. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1932). С 1939-го — зам. наркома обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны занимал ряд ответственных постов. В 1945–1946 гг. — заместитель командующего Приволжского ВО.

44

Подразделение Люфтваффе, принимавшее участие в гражданской войне в Испании на стороне франкистов. Состоял из нескольких эскадрилий бомбардировщиков «Юнкерс-52» и истребителей «Хейнкель-51». В ноябре 1936 г. командиром легиона был назначен генерал-майор Хуго Шперле. 27 апреля 1937 г. самолеты легиона «Кондор» совершили налет на испанский городок Гернику, в результате которого погибло много мирных жителей. В 1938 г. подразделения «Кондора» участвовали в бомбардировках Барселоны. Действия легиона явились генеральной репетицией второй мировой войны. Многие летчики Люфтваффе именно в Испании приобрели первый боевой опыт. В ноябре 1937 г. командиром «Кондора» был назначен генерал-майор Хельмут Фолькман, а в ноябре 1938 г. — бригадный генерал Вольфрам фон Рихтхофен.

45

Шперле Хуго (1885–1953) — генерал-фельдмаршал Люфтваффе. Родился 2 февраля 1885 г. в Людвигсбурге, Вюртемберг, в семье пивовара. В армии с 1903 г., служил в 8-м Вюртембергском пехотном полку в чине лейтенанта. В 1913 — оберлейтенант, в 1914-м — капитан. Во время первой мировой войны служил в воздушной разведке. К концу войны руководил училищем воздушных наблюдателей в Кельне. После войны вступил в «Добровольческий корпус». В 1919 г. стал одним из 180 бывших авиаторов, попавших в 4-тысячный офицерский корпус рейхсвера. Служил в штабе 5-го военного округа в Штутгарте (1919–1923), в министерстве обороны (1923–1924), в 4-й пехотной дивизии в Дрездене (1924–1925). В 1928 г., добившись перевода в авиацию, Шперле прошел курс летной подготовки на секретной немецкой авиабазе в Советском Союзе под Липецком. Затем служил в генеральном штабе и министерстве рейхсвера (1925–1929). 1 октября 1933 г. Шперле был назначен командиром 8-го пехотного полка. 1 апреля 1934 г. в звании оберста (полковника) вступил в Люфтваффе, командовал 1-й авиадивизией. Одновременно исполнял обязанности командующего авиаармией, дислоцированной под Берлином. После денонсации Версальского договора 1919 г. и официального заявления Гитлера 9 марта 1935 г. о существовании Люфтваффе Шперле принял самое активное участие в строительстве и организации военно-воздушных сил Германии. 1 октября 1932 г. в звании генерал-майора он был назначен командующим 5-м авиаокругом (Мюнхен). Шперле сыграл заметную роль во время гражданской войны в Испании, где германская авиация получила первый боевой опыт. Он стал первым командиром знаменитого легиона «Кондор», созданного для поддержки сухопутных частей генерала Франсиско Франко. Опробованные в Испании тактические разработки действий Люфтваффе широко применялись позднее во время второй мировой войны. Под руководством Шперле была уничтожена военно-морская база в Картахене и мирный испанский город Герника. 31 октября 1937 г. Шперле передал командование легионом «Кондор» генерал-майору Хельмуту фон Фолькману и героем вернулся в Германию. 1 ноября 1937 г. ему было присвоено звание генерала Люфтваффе, а 1 февраля 1938 г. он был назначен командующим 3-м воздушным флотом, который возглавлял до конца своей военной карьеры.

Шперле был человеком огромного роста, крепкого телосложения, со свирепым выражением лица. Гитлер отзывался

о нем и о генерале армии Вальтере фон Рейхенау как о своих двух «самых звероподобных генералах». Лицо Шперле с тяжелой нижней челюстью и застывшей хмурой гримасой в сочетании с внушительными размерами придавало ему зловещий вид.

Шперле принимал участие в оккупации Австрии и создании на ее территории 4-го воздушного флота под началом бывшего командующего ВВС Австрии генерала Лера. Шперле вместе с Лером руководил действиями Люфтваффе во время оккупации Чехословакии.

С первых дней второй мировой войны 3-й воздушный флот Шперле принял участие в боевых действиях в Польше, поддерживая группу армий генерала Вильгельма фон Лееба. После завершения Польской кампании 3-й воздушный флот был переброшен во Францию, где совместно со 2-м воздушным флотом (командующий А. Кессельринг) оказывал поддержку ударной группе армий «А» фон Рунштедта. За успехи в разгроме британских экспедиционных сил при попытке их эвакуации Шперле был награжден Рыцарским крестом.

Вслед за капитуляцией Франции 21 июня 1940 г. Гитлер на торжественной церемонии в Берлине 19 июля присвоил Шперле, а также Кессельрингу, Мильху и еще нескольким армейским генералам звание фельдмаршала.

После того как Гитлеру не удалось вывести Великобританию из войны дипломатическим путем, была предпринята попытка уничтожения Королевских военно-воздушных сил, однако 3-й воздушный флот Шперле, на которого легла основная тяжесть этой операции, понеся тяжелые потери, так и не сумел справиться с поставленной задачей. Из-за разногласий, возникших в руководстве Люфтваффе и вопреки мнению Шперле о том, что основной упор надо делать на продолжение истребительной авиации англичан, усилия Люфтваффе были перенесены на бомбардировки английских городов, что позволило британскому командованию быстро восстановить силы своей авиации. В итоге Люфтваффе потерпела сокрушительное поражение и битва за Британию в целом была проиграна.

В опубликованных после второй мировой войны воспоминаниях Черчилль писал: «Командование истребительной авиации (Великобритании) испытало облегчение, когда 7 сентября атака немцев была перенесена на Лондон, из чего было сделано заключение, что противник изменил свой план. Герингу следовало бы упорно продолжать сражение, от которого зависели организация и слаженность боевой мощи нашей авиации в тот момент… Он совершил глупую ошибку».

После того как в мае 1941-го 2-й воздушный флот был

перебазирован в Польшу, Шперле, устроив свою штаб-квартиру в Париже, остался единственным командиром авиации на второстепенном по значению Западном фронте. На сына пивовара парижская роскошь подействовала разлагающе, он пристрастился к безделию и шикарной жизни. Альберт Шпеер позднее вспоминал: «Жажда наслаждений и показушничество фельдмаршала росли буквально с каждой секундой и почти соперничали с сибаритством Геринга. Кроме того, он почти не уступал ему в тучности». Наслаждавшийся жизнью Шперле начал пренебрегать своими служебными обязанностями, в результате чего резко снизился уровень военной подготовки личного состава 3-го воздушного флота.

Когда 1 марта 1943 г. английские ВВС совершили массированный налет на Берлин, Гитлер приказал Шперле в отместку разбомбить Лондон, однако справиться с этой задачей Шперле не сумел. Фюрер был взбешен. На совещании 5 марта 1943 г. он подверг разносу неспособность 3-го воздушного флота обнаружить Лондон — цель в 30 километров диаметром — и собирался уволить в отставку командующего. Однако через некоторое время Гитлер смягчился в отношении Шперле и даже выслал ему 50 тыс. рейхсмарок для погашения долгов. Но фельдмаршала в его штаб-квартире не обнаружили — он отдыхал на побережье Атлантики в Биаррице. Когда после высадки союзников в Нормандии 3-й воздушный флот Шперле не сумел оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления противнику, терпению Гитлера пришел конец, и он 19 августа 1944 г. уволил Шперле с поста командующего, назначив вместо него генерала Отто Десслоха. До самого конца войны Шперле пребывал не у дел. 1 мая 1945 г. он был взят в плен союзниками. На Нюрнбергском процессе он был осужден за военные преступления, однако 27 октября 1948 г. все обвинения с него были сняты. Пройдя денацификацию, Шперле поселился в Мюнхене, где и умер 2 апреля 1953 г.

46

Негрин Хуан (1891–1956), один из лидеров ИСРП, в которую вступил в 1929 г. С сентября 1936-го по май 1937 г. — министр финансов республиканской Испании. С мая 1937 г. до марта 1939 г. — премьер-министр. В 1939 г. эмигрировал в Англию, где жил вдали от политической жизни.

Так, по мнению зятя Муссолини Г. Чиано, война в Испании, в которую оказалась втянута Италия, была глупейшей ошибкой дуче. Это мнение разделял и сам Гитлер.

48

Серрано Суньер Рамон (1901-?) — министр внутренних дел правительства Франко с 1938-го по 1939 г. и министр иностранных дел с 1940-го по 1942 г. Был политическим советником Франко и выступал за союз с фашистской Германией.

В соответствии с этой Хартией все испанские профсоюзы делились на категории по 26 отраслям производственной деятельности. См. «Конституции буржуазных государств Европы». М., 1957. С. 500–508.

50

Договор, заключенный 25 ноября 1936 г. в Берлине между Германией и Японией и оформивший под флагом борьбы против Коминтерна фашистский блок этих государств в целях борьбы за мировую гегемонию. 6 ноября 1937 г. к «Антикоминтерновскому пакту» примкнула Италия, чем завершилось образование военно-политического союза Германии, Италии и Японии. В 1939 г. к «Антикоминтерновскому пакту» присоединились Венгрия, Испания и созданное японскими империалистами марионеточное «государство» Маньчжоу-Го. В 1939–1940 гг. «Антикоминтерновский пакт» был превращен в открытый военный союз Германии, Италии и Японии. В ноябре 1941 г., после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР, к «Антикоминтерновскому пакту» присоединились ее сателлиты в Европе, а также созданное японскими империалистами на территории оккупированной ими части Китая «правительство» Ван Цзинвэя. Победа СССР и других участников антифашистской коалиции привела к ликвидации «Антикоминтерновского пакта».

51

(Соглашение) 1938 г., подписанный 29–30 сентября главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), нацистской Германии (А. Гитлер) и фашистской Италии (Б. Муссолини) предусматривал расчленение Чехословакии и передачу Судетской области Германии, а кроме того, в трехмесячный срок удовлетворение территориальных притязаний Венгрии и Польши по отношению к Чехословакии и «гарантию» участниками соглашения новых границ Чехословакии против неспровоцированной агрессии. 30 сентября 1938 г. чехословацкое правительство приняло без согласия Национального собрания мюнхенский диктат. Соглашение, подписанное в Мюнхене, было одним из наиболее ярких проявлений политики «умиротворения», проводившейся накануне второй мировой войны правительствами Великобритании и Франции с целью добиться сговора с нацистской Германией за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы, отвратить гитлеровскую агрессию от Великобритании и Франции и направить ее на Восток, против Советского Союза. Мюнхенское соглашение стало важной вехой в подготовке второй мировой войны.

52

19 июня 1940 г. Франко направил в Берлин меморандум, в котором заявил, что он готов отказаться от нейтралитета (4 сентября 1939 г., спустя три дня после начала второй мировой войны Франко издал декрет, призывавший всех испанцев придерживаться «самого строгого нейтралитета») и вступить в войну, «если в этом будет необходимость», при условии получения Гибралтара (потерянного Испанией еще в начале XVIII в., в ходе так называемой войны за испанское наследство 1701–1714 гг. и превратившегося в колонию Великобритании) и части французских колониальных владений в Африке.

53

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), выдающийся государственный, политический и военный деятель Великобритании, лидер консервативной партии в 1940–1955 гг. В 1911–1915 гг. — первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр). В 1917–1919 гг. — министр военного снабжения. В 1919–1921 гг. — военный министр и министр авиации. Был одним из организаторов антисоветской интервенции в годы гражданской войны. В 1921–1922 гг. — министр колоний. В 1924–1929 гг. — канцлер казначейства (министр финансов). В 30-е гг. активно выступал против внешней политики С. Болдуина и Н. Чемберлена, направленной на умиротворение фашистских агрессоров. С сентября 1939 до мая 1940 г. — военно-морской министр. С 10 мая 1940 до 26 июля 1945 г. — премьер-министр, первый лорд казначейства и министр обороны. С мая 1940-го по февраль 1942 г. — лидер палаты общин. В 1951–1955 гг. — вновь премьер-министр и первый лорд казначейства. Лауреат Нобелевской премии по литературе.

54

Так называемая «Битва за Англию». Под таким названием вошло в историю второй мировой войны воздушное сражение над Британскими островами в августе 1940 — мае 1941 г. 1 августа 1940 г. Гитлер отдал директиву № 17 о проведении широкой воздушной войны против Англии, имея цель уничтожить английскую авиацию, разрушить экономику, терроризировать население и вынудить Великобританию к капитуляции. Для этого было выделено три воздушных флота, в состав которых входило 2 600 самолетов, в т. ч. 1600 бомбардировщиков. Английская ПВО и авиация оказали немцам упорное сопротивление, в результате чего только с августа по октябрь 1940 г. было сбито 1 103 немецких самолета (англичане потеряли 642 самолета). В результате немецких налетов ряд английских городов был сильно разрушен, однако главная цель — вывести Великобританию из войны — достигнута не была.

55

Фридрих Вильгельм Канарис (1887–1945), начальник управления разведки и контрразведки верховного командования вооруженных сил Германии (Абвера). Об отношении Канариса к испанским делам и к Франко см. подробно: Абжаген К. Л. Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1998. С. 142–158.

56

Дон Хуан Бурбон-Баттембергский, граф Барселонский (1913–1993), сын короля Альфонса XIII. После смерти Альфонса XIII в 1941 г. все династические права и притязания на трон перешли к его сыну Дону Хуану. Отрекся от престола в мае 1977-го, в связи со вступлением на трон своего сына Хуана Карлоса I.

57

В ходе наступательных операций советских войск под Сталинградом (19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.) была разгромлена и взята в плен вся окруженная в районе Сталинграда группировка немецко-фашистских войск; во время третьего наступления 8-й английской армии генерала Б. Монтгомери против немецко-итальянских войск под командованием генерала Э. Роммеля в Северной Африке с 23 октября по 3 ноября 1942 г. английские войска нанесли поражение немецким дивизиям западнее Эль-Аламейна и, преследуя противника, в начале декабря вышли к Эль-Агейле. Пять итальянских дивизий капитулировали южнее и юго-западнее Эль-Аламейна.

58

Международная организация суверенных государств, созданная в 1945 г. на конференции в Сан-Франциско в целях поддержания международного мира и безопасности, развития дружественных отношений между народами, осуществления международного сотрудничества и разрешения международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера.

59

План экономической помощи со стороны США ряду европейских государств. Получил свое название по имени американского генерала Дж. Маршалла. Был принят конгрессом США в апреле 1948 г. в форме закона о помощи иностранным государствам. Американская помощь по «плану Маршалла» предоставлялась либо в виде кредитов, либо в виде так называемых безвозвратных субсидий. Расходование средств, полученных в результате осуществления «плана Маршалла», контролировалось специально созданной американской администрацией «плана Маршалла», имевшей своих контролеров во всех странах, участвовавших в «плане Маршалла». В результате осуществления «плана Маршалла» усилилось проникновение американского капитала в экономику европейских капиталистических стран, обострились противоречия между США и крупнейшими европейскими капиталистическими странами, а также между европейскими странами — участницами «плана Маршалла».

60

«Потемкинские деревни» — в литературной речи образное выражение, возникшее в первой четверти XIX в. как символ показного благополучия. Во время поездки Екатерины II в 1787 г. на юг генерал-губернатор Екатеринославского наместничества князь Г. А. Потемкин создал впечатление об исключительном благополучии края путем постройки декоративных селений, арок, парков и т. п. Это и послужило основанием для возникновения выражения «Потемкинские деревни».